

66.74
Ф413

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ

ФЕМИНИЗМ:
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Москва · 1992

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ВОРОНИНА О.А. – ответственный редактор,
ВАСИЛЬЕВА Э.П. – редактор-составитель,
ЯКИМОВА Е.В.

ФЕМИНИЗМ:
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

С2176996

0302030000

Предисловие

РАЗДЕЛ I

Феминистская критика науки (научно-аналитический обзор)

Феминистская мысль и структура знаний (реферативный обзор)

Феминизм и наука (сводный реферат)

РАЗДЕЛ II

Платон и феминизм (научно-аналитический обзор)

Феминистская интерпретация библии

Ловибон С. Феминизм и постмодернизм

РАЗДЕЛ III

О перспективах развития феминизма как общественной науки
за рубежом

Келли Дж. Женщины, история и теория

Мур Г. Феминизм и антропология

Сексизм в общественном сознании (обзор)

Мишар-Маршаль К., Рибери К. Сексизм и гуманитарные науки.

Лингвистическая практика отношений полов как классов

Вендерли Б.Л. Миф о двух умах: Что определяется половой
принадлежностью, а что нет

Половые роли и психопатология

РАЗДЕЛ IV

Феминистские и женские исследования во Франции

Розен Б.К. Женщины, работа и достижения; Бесконечная
революция

Доминелли Л., Маклеод Э. Социальная служба с позиций
феминизма

Вудхаус А. Фантастические женщины. Биологический,
социальный пол и трансвестизм

Голдберг Х. Новые отношения мужчины и женщины

Краткий международный библиографический справочник

Над сборником работали

Васильева Эльвирина Петровна

<http://www.samgueng.narod.ru/rus/Vasilieva.htm>

Воронина Ольга Александровна

<http://iph.ras.ru/voronina.htm>

Гроссман Э.А.

ИФ РАН

Калькова В. Л.

ИНИОН РАН

Кротовская Наталия Георгиевна

<http://iph.ras.ru/krotovskaya.htm>

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

http://iph.ras.ru/kulagina_yartseva.htm

Летов Олег Владимирович

http://www.inion.ru/pers_about.html?id=269

Михаленко Юрий Петрович

<http://iph.ras.ru/mikhalenko.htm>

Новичкова Галина Александровна

<http://iph.ras.ru/novichkova.htm>

Порус Владимир Натанович

<http://www.hse.ru/org/persons/66484>

Руднева Елена Георгиевна

<http://iph.ras.ru/rudneva.htm>

Федина Елена Николаевна

<http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:cpppsy:113>

Чернозуб Светлана Петровна

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН. Доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, кандидат философских наук - Ин-т психологии им.Выготского (РГГУ)

Шапинский Владимир Александрович

<http://soctech.sfedu.ru/pages/page4.7.html>

Якимова Екатерина Витальевна

http://www.inion.ru/pers_about.html?id=28

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написать предисловие к этому сборнику – задача непростая. О феминизме мало кто знает, хотя все что-то слышали. Можно, конечно, просто отослать читателя к нескольким серьезным аналитическим статьям о феминизме¹⁾. Разумеется, необходимо вспомнить и о прекрасном реферативном сборнике ИНИОН "Женское движение в развитых капиталистических странах" (вып. I и 2), который дал обширную информацию о феминистском движении. Но все же, как кажется, открыть сборник необходимо некоторыми общими сведениями об этом интереснейшем социальном и интеллектуальном явлении.

Термин "феминизм" возник в XIX в. для обозначения идеологии равноправия женщин в обществе. Сегодня можно сказать, что идеи, которые теперь принято называть феминистскими, распространились в Европе еще в эпоху Возрождения.

¹⁾ Юлина Н.С. Проблемы женщин: философские аспекты феминистской мысли в США // Вопр. философии. – М., 1988 № 5. – С. 137–147. Клименкова Т.А. Философские проблемы неоминизма 70-х годов // Там же. – С. 148–157. Воронина О.А. Идеология феминистского движения // США: Экономика. Политика. Идеология. – М., 1980. – С. 38–49. Феминизм и новые социальные движения // Молодежь и новые социальные движения. – М., 1988. – С. 67–79.

Именно тогда Крестина де Пизан, Корнелиус Агриппа и другие¹⁾ стали описывать несправедливое отношение к женщине в обществе, выступали в защиту прав женщин. Движение за освобождение женщин возникло несколько позже, во времена Французской буржуазной революции с ее лозунгами о свободе, равенстве и братстве всех людей независимо от происхождения. Декларация прав человека и гражданина, провозгласившая, что все люди имеют неотъемлемые природные права, стала тем не менее фактически декларацией о правах мужчин. Декларация прав женщины и гражданки, сформулированная Олимпией де Гуж, содержала требования предоставить женщинам гражданские и избирательные права и возможность занимать государственные должности. Начавшееся женское движение XX в. ло подавлено в ходе революции, а Олимпия – казнена. Однако борьба женщин за свои права с тех пор не прекращалась.

Движение за равноправие женщин, против их дискриминации в обществе, как и любое иное реальное общественное движение, проходит определенные этапы своего развития, в ходе которого выдвигаются те или иные задачи и методы их решения. Каждый из таких этапов получает название, отражающее основную идею, квинтэссенцию данной теории или течения. Таковы, например, "рабочее женское движение" XIX – начала XX в., суфражизм (борьба за избирательные права для женщин), демократическое женское движение, "черное освобождение", феминизм. Здесь, разумеется, уместно было бы дать краткое и четкое определение феминизма как особого типа женского освободительного движения, но сделать его крайне непросто. Причин тому несколько. Одна из них состоит в том, что о феминизме сегодня можно говорить как о мировоззрении, как о социальном движении и как об альтернативной теории культуры. Причем "внутри" каждого из этих ракурсов тоже далеко не все ясно и однозначно. Например, традицион-

ное марксистское определение феминизма как буржуазного мировоззрения и социального течения женщин из среднего класса в наше время совершенно не соответствует реальности. И дело даже не только в том, что сейчас средний класс трудно считать "буржуазией", но и в том, что феминистками или феминистками являются уже миллионы женщин и значительное число мужчин самого разного социального положения, национальности, вероисповедания. Феминисткой сегодня может считать себя и женщина – вице-президент какой-нибудь акционерной компании, и домохозяйка, поскольку обе они в принципе поддерживают идеи о равенстве прав и необходимости создания равных для женщин и мужчин возможностей для реализации себя в разных сферах жизни, а уж индивидуальный выбор жизненного пути и знаний – дело сугубо личное. Феминистское мировоззрение является сегодня для большинства жителей разных стран необходимым компонентом демократического сознания.

Что касается феминизма как социального движения, то здесь тоже есть свои неясности и возможности для вариативности в оценках. Например, если так называемое "рабочее женское движение" или суфражизм ставили перед собой весьма четкие и вполне достижимые цели (первые – работу для женщин, вторые – избирательные права), то те, кто еще в прошлом веке называли себя феминистками, выступая в защиту женщин, боролись за нечто эфемерное, считающееся несуществующим или по крайней мере несущественным для женщины в рамках традиционной западной культуры – за достоинство женщины, самооценку ее личности, независимость и индивидуальную свободу. Феминистки поддерживали борьбу за те или иные конкретные права женщин, но тем не менее всегда считали получение женщинами этого "джентльменского набора" (право на труд и равную его оплату, политические и гражданские права и т.д.) явно недостаточным для подлинной эмансипации женщины.

¹⁾ См. об этом реферат в данном сборнике, с.122.

Качественно новый виток в развитии феминистского движения начался в 60-е годы XX в. вместе с развитием различных леворадикальных движений протеста. Именно в этот период внутри феминизма сформировались три основные в то время течения: либерально-реформистское, во многом продолжающее идеи, высказанные в эпоху Просвещения и позже - Дж.Ст.Миллем; социалистическое, фактически соединяющее в себе марксистские и феминистские взгляды на эмансипацию женщины, и радикальное. Я не буду здесь останавливаться на характеристике каждого из этих течений (это достаточно подробно сделано в литературе), да и идейная ситуация с тех пор значительно изменилась: сейчас в "чистом" виде эти направления уже практически не существуют. Важно отметить другое: небывалую до тех пор массовость, активность женщин и появление разработанных теоретических концепций. Именно массовость, радикальность и теоретичность женского движения 60-70-х годов привела к тому, что требования женщин были услышаны.

Для феминизма 80-х годов характерен еще более широкий спектр программ и направлений. Л.Татл, издавшая "Энциклопедию феминизма", вообще считает, что "как социальное движение и идеология он состоит из столь многих аспектов и мнений, что простое определение, которое устроило бы каждого, кто считает себя феминистом, очень трудно сформулировать"¹⁾ Разумеется, можно предложить в самом общем виде такое определение: "Феминист - это человек, который не имеет предубеждений против других людей из-за их пола и своими действиями способствует политическому, экономическому, духовному и сексуальному равноправию женщин"²⁾. Проблема заключается в том, что тот веер реальных и болезненных проблем, которые встают перед женщинами в современном

мире, порождает и разные попытки их понимания, осмысления причин и поиски решений. Отсюда - разные направления в движении и теории, часто весьма противоположные. Однако есть нечто общее, что позволяет говорить о множестве организаций и течений как о некоем целом, имя которому - феминизм. На мой взгляд, для него характерны два важнейших момента. Это, во-первых, акцент на самоценности личности женщины, ее праве на развитие, творчество, свободу в проявлении себя. До недавнего времени проблема дискриминации женщины рассматривалась как недостаток гражданских, политических, экономических прав, о предоставлении которых женский вопрос должен разрешиться. Задача идеологов эмансипации женщин заключалась в том, чтобы убедить общество в несправедливости, аморальности дискриминации женщин. Впервые в истории женского движения поставив вопрос о праве женщины на себя - свое тело, свою душу, свою жизнь, Симона Бовуар, Бетти Фриден, Кейт Миллетт, Джо Митчелл и другие в буквальном смысле слова открыли новые перспективы анализа и решения проблемы положения женщины в обществе. Вместе с тем вопрос о личности с необходимостью привел их к рассмотрению культуры как поля формирования, развития, реализации личности. "Природа сделала женщину отличной от мужчины, общество сделало ее отличной от человека", - сказала С.Файерстоун.

Разработка культурологических и культуркритических теорий - это второй момент, который роднит, на мой взгляд, феминисток самых различных направлений. Лидеры феминизма показали патриархальный, маскулинный¹⁾ характер всей западной культуры, основанной на принципах власти, господства мужчины над женщиной, на отождествлении человека и "подлинно человеческих" качеств с мужчиной и мужскими качествами.

¹⁾ Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. - N.Y.; Oxford, 1986. - P.3.

²⁾ Op. cit., P. 7.

¹⁾ Маскулинизм - это идеология, которая оправдывает и утверждает мужское доминирование. - Прим. реф.

Женщина, как убедительно показали феминистки,¹ отождествляется в традиционной культуре исключительно с телом и его функциями: сексуальными, детородными; ей отказано в духовности, которая якобы является исключительно прерогативой мужчины. Единственная форма духовности, к которой приобщена женщина, — это любовь (причем лучше — самоотверженная), которая опять-таки в значительной степени замешана на "теле" и сексе.

Феминистки убедительно показали, что попытки объяснить дифференциацию социальных ролей женщин и мужчин принципиальным различием их анатомии (в духе фрейдовского высказывания "анатомия — это судьба") или эффективностью организации общества и семьи (как это доказывал Т. Парсонс) не выдерживают серьезной критики. В свое время еще Маргарет Мид показала, как по-разному в изученных ею обществах определялись роли матери и отца, позиции мужчин и женщин в общественной иерархии. Впоследствии многие этнографы продемонстрировали относительность тех норм, которые в западном обществе представляются вечными и неизменными. Таким образом, теоретики феминизма вплотную подошли к идее о необходимости различать биологический пол (*sex*) как совокупность анатомических особенностей и социальный пол (*gender*) как социокультурный конструкт, который детерминирует не только стиль одежды или поведения, но и — через определенную систему социализации и культурные нормы — психологические качества (поощряя одни и третирруя другие), способности (например, через стереотипы вроде "математика — не женское занятие"), виды деятельности, профессии и т.д. В этом смысле быть мужчиной или женщиной означает вовсе не обладание определенными природными качествами, а выполнение той или иной социополовой роли. "Женщиной не рождаются, женщиной становятся", — сказала Симона де Бовуар.

Но помимо биологического и социального аспектов в анализе проблемы пола феминистки обнаружили и третий — символический, или собственно культурный уровень. Мужское и жен-

ское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов: мужское — рациональное — духовное — божественное — культурное; женское — чувственное — телесное — приземленное — природное.

В отличие от первого — биологического — аспекта пола, в двух последних его аспектах (социальном и культурно-символическом) содержатся неявные ценностные ориентации и установки, оформленные таким образом, что все, определяемое как "мужское" или отождествляемое с ним, считается позитивным, значимым и доминирующим, а определяемое как "женское" — негативным, субординируемым. Это проявляется не только в том, что собственно мужчина и мужские предикаты являются доминирующими в обществе, но и в том, что не связанные с полом феномены (природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное) через существующий культурно-символический ряд отождествляются с "мужским" или "женским". Таким образом создается иерархия, опосредованная внутри уже этих — внеполовых — пар понятий. Концепция социального пола и мужского, и женского как культурных символов, разрабатываемые в феминизме, открывают новые возможности для анализа культуры и преодоления ее маскулинностского характера.

Попытки построения новой культуры идут в разных направлениях. Мне понятны истоки возникновения и идеологическая направленность таких течений в современном феминистском движении, как радикализм (вплоть до леобиянства как "политического поведения женщин"), гинекоцентризм или сепаратизм с их акцентом на развитие отдельной женской культуры. Их возникновение обусловлено внутренней природой западной цивилизации, поскольку сам механизм традиционного развития патриархальной культуры, основанный на доминировании "мужского" и вытеснении и подавлении "женского", поставил женщин в положение критика и неопровергателя этой культуры. А поскольку патриархальная семья как единственная сфера

деятельности женщин в традиционном обществе выступает мощнейшим рычагом ее подавления и угнетения, постольку и появляются лозунги "долой брак, семью, детей" и призывы к отказу от любых форм общения с мужчинами-поработителями вплоть до практики лесбийской любви. Однако более перспективными с теоретической точки зрения (и по-человечески более близкими) мне представляются [концепции интеллектуального и гуманистического феминизма]. Гуманистический феминизм справедливо считает, что [маскулинистская культура деформирует и подавляет не только женщин, но и мужчин.] "Сильный" мужчина утверждается на фоне и за счет "слабой" женщины; торжество его силы возможно только через унижение и подавление ее личности - "чтобы я выиграл, ты должна проиграть". Но в такой ситуации нет победителей: господин и раб всегда зависят друг от друга; поработав, нельзя стать свободным.

Культ силы как основы власти и господства - это вообще, по мнению феминисток, один из основных компонентов маскулинистского мировоззрения, в буквальном смысле слова пронизывающий культуру и социум. Принцип насилия и подавления характерен для отношений человека и природы, женщин и мужчин, взрослых и детей, для межнациональных отношений... Сила и власть постоянно утверждаются через агрессию и экспансионизм - отсюда глобализм, космоизм, склонность к макроформам и макроуровню и забвение микроуровня человеческих отношений. Еще одним компонентом маскулинистского сознания является культ рациональности и третирирование эмоционального фактора во всех сферах жизни. Феминистки не без основания на мой взгляд, считают, что маскулинизм как основа развития репрессивного общества и дегуманизированной культуры и привел мир на грань катастрофы (ядерной, экологической, духовной)... Выход из этого тупика феминистки видят в сознательном формировании нового, немаскулинистского сознания, в пересмотре традиционных понятий силы и иерархии и

замене их понятиями сотрудничества и "сетей" (network) отношений, в перестройке всей системы человеческих отношений, в создании общества, исключающего все формы насилия и подавления личности. Эта гуманистическая программа роднит феминизм с другими альтернативными социальными теориями.

Мне кажется, что практикуемый феминистками нетрадиционный взгляд на культуру через призму подавления женщины, т.е. с позиций существа, искаженно в ней репрезентированного, и в то же время существа, вся жизнь которого через политизацию его анатомии регламентируется властными структурами этой культуры, оказался необычайно плодотворным. Я имею в виду не только те новые представления о человеке и мире, которые получили развитие благодаря феминистским разработкам, но и тот факт, что из идеологии женского освобождения феминизм постепенно превращается в альтернативную теорию культуры. В этом, на мой взгляд, залог успеха феминистской революции сознания и развития новой, подлинно гуманистической культуры.

Проникновение феминистских идей в различные сферы культуры идет на Западе в течение последнего десятилетия чрезвычайно интенсивно: достаточно сказать, что, например, концепция сексизма традиционной культуры, прозвучавшая как удар грома в начале 70-х годов и вызвавшая бурю опоров и эмоций, вошла теперь в сознание западного интеллектуала-гуманитария как неотъемлемый элемент. Фактически борьба против сексизма (т.е. дискриминации по признаку пола) провозглашена и в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подписанной многими членами ООН, этими идеями руководствуется и ЮНЕСКО в своей деятельности (см. об этом реферат "Сексизм в общественном сознании" в настоящем сборнике).

Особенно интенсивно идет процесс интеграции феминистских идей в социальные и гуманитарные науки. Многие идеи, считавшиеся раньше чисто феминистскими, стали теперь доми-

нантой интеллектуальной жизни западных стран. Речь идет о переоценке многих классических теорий в социальных науках и о формировании новой, свободной от сексизма социальной и философской науки.

Этот процесс интеграции науки и феминизма, развитие новых исследовательских стратегий при изучении человека — явление чрезвычайно интересное и вместе с тем малоизвестное советскому читателю. Именно поэтому данный сборник посвящен разнообразным новым идеям и направлениям, возникающим на стыке исследовательских усилий науки и феминизма. Насколько эффективны такие попытки — покажет время.

Материалы сборника разбиты на четыре части: в первой представлены феминистские взгляды на науку, во второй — феминистские разработки в философии, в третьей демонстрируются новые теории и методологии в социальных и гуманитарных науках, в четвертой показаны направления работы практического феминизма.

О.А.Воронина

РАЗДЕЛ I

ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА НАУКИ

(Научно-аналитический обзор)

Наука гордится своей объективностью, способностью проникать в сущность вещей и процессов, с помощью универсального знания подчинять их власти человека. В то же время наука — орудие бесомысленного и смертельно опасного "технологического варварства", политического авантюризма, насилия, милитаризма. Наука отгорожена от непосвященных плотной завесой эзотерического языка, аппарата научных теорий. Критики опциентизма многократно обращали внимание на ту роль, какую наука нашего времени играет в подчинении масс людей воле правящих классов, господствующих наций, в углублении разрыва между цивилизацией и культурой, в безразличном насилиии над природой под лозунгом научно-технического прогресса. Вытекает ли эта роль из внутренней сущности науки или навязана ей внешними, чуждыми самой науке, силами? Для ответа нужен трезвый, беспристрастный взгляд на науку, взгляд отрешенный от глубоко укоренившихся стереотипов. Феминистское движение пытается предложить такой взгляд, найти свое место в антиопциентистской критике.

Какой же предстает наука этому взгляду? Прежде всего, наука — это те, кто делают науку, ученые, изготовители продукта научной деятельности, научного знания. Какие ка-

чества требуют от них, каковы условия их профессиональной пригодности?

Научная деятельность требует от ее участника отнюдь не только соответствующего интеллекта, знаний, умений. Нужны такие качества, как уверенность в своих возможностях, способность к риску, стремление к успеху, карьере, честолюбие, жажда первенства и победы, способность преодолевать неудачи и находить новые пути, если пройденный путь не оправдал ожидания. Эти черты, несомненно, присущи мужскому характеру, и все воспитание будущих мужчин ориентируется на эти черты. Но вряд ли можно сказать, что, соревнуясь с мужчинами в этих качествах, женщины могут рассчитывать на успех. Не означает ли это, что женщинам нечего делать в современной науке?

"Неоспоримо, что общество исходит из предпосылки, согласно которой наука, по тем требованиям, какие она предъявляет личным качествам человека, является главным образом мужским делом" (5, с.20). Но хорошо известно также и то, что современная наука привлекает к себе значительное количество женщин. На что им остается рассчитывать?

Наука, которая не может обойтись без женщин, уготовила им роль аутоайдера. За весьма немногими исключениями все ключевые посты, все перспективные научные направления заняты мужчинами. "В действительности дело обстоит так, что поддержание довольно значительного числа работающих в науке женщин на нижних уровнях этой профессии оказывается исключительно важным условием успешной деятельности ученых-мужчин, берущих верх над женской неприметностью, инертностью, готовностью к самопожертвованию, и готовых выдавать достижения подчиненных женщин за свои собственные. Таким образом, женщины получают репутацию полезных рядовых в армии науки, способных выполнять необходимую лабораторную рутину, но лишенных творческой способности, интуиции и аналитической смелости, без которых невозможна новаторская

работа" (5, с.21). Например, блестящие опыты по структурному анализу ДНК, проведенные Розалинд Франклин, были впоследствии упомянуты со снисходительным одобрением Уилкинсом, Уотсоном и Криком, которые использовали эти опыты в своей работе, но заявляли, что "Рози, конечно же, не могла бы правильно интерпретировать их!"

Блестящие мужские качества, преломленные сквозь призму требований современной науки к своим работникам, стали стереотипом, определяющим характер и оценку поведения ученых. Практическое применение такого стереотипа часто приводит к смешным или даже печальным карикатурам на научную работу. Например, согласно этому стереотипу, преуспевающий ученый должен быть упорен и настойчив в достижении поставленных целей, тщательно и добросовестно относиться к своим обязанностям, он должен доказать свою инициативность, творческий вклад ума, умение кооперировать свои усилия с действиями коллег, схватывать на лету мысли авторитетов и т.д. Следствием преуспеивания и условием его в то же время являются фонды на исследования, гонорары, премии, престижные и хорошо оплачиваемые должности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодой ученый начинает свою работу в лаборатории с того, что старается в максимальной степени соответствовать данному стереотипу, имитируя все названные качества, стремясь к максимуму успеха с минимумом затрачиваемых усилий: побольше публикаций, побыстрее защита докторской диссертации, во что бы то ни стало руководящая должность и т.д. Это и означает быть настоящим мужчиной в науке.

"Научное исследование, таким образом, становится ареной конкуренции за власть и почести не в меньшей степени, чем сферы бизнеса или политики" (5, с.23). Волей или неволей в эту конкуренцию вступают и женщины, ибо всех сил пытаясь уподобиться сильному полу. Руководствуясь "мужскими" нормами, женщины-ученые, по-видимому, переоценивают как самих себя, так и статус своей работы в данном процессе (там же)

Погоня за успехом, отречение любой ценой утвердиться в научном сообществе значительно снижают общий уровень науки. Особенно это оказывается на фундаментальной науке. Когда успех достигается за счет выбора хорошо проторенной дороги, следования моде, экономии времени и средств на количество и качество экспериментов, за счет ослабления рационального критicismа и беспринципной саморекламы, от этого страдает истина. Еще в большей степени вредят науке явления недобросовестной конкуренции: нарочитое замалчивание или сознательная недооценка достижений своих конкурентов, нечестные приемы при обсуждении конкурирующих программ или публикаций и т.п. Часто ученые опасаются открыто высказывать новые идеи, ибо расторопный конкурент может быстро использовать их в своих целях, опередив тем самым авторов идей. "Большинство ученых понимают, что значительное число публикаций в их области появляется как результат поспешного стремления вырваться вперед, и качество их оставляет желать лучшего. Давление системы практически не оставляет ученым выбора. Героев и мучеников не так уж много, а система академической науки слишком часто порождает посредственность, конформизм, напряженность, страх, отчуждение, депрессию и напрасную трату сил" (5, с.25).

"Мужская" по преимуществу наука оказывается подверженной еще одному, пожалуй, забавному искажению, которое можно было бы назвать "астигматизмом" при рассмотрении предметных сфер, затрагивающих так или иначе различия полов в животном или социальном мирах. Так, в исследованиях приматологов, зоологов и даже социологов наблюдаются тенденции к преувеличению иерархических преимуществ особей мужского пола, к подчеркиванию их ценных качеств и недооценке данных, свидетельствующих о приблизительном равенстве полов (5, с.26-28).

Один из распространеннейших мифов о современной науке ее непогрешимая объективность, которая якобы может быть

нарушена, только если ученый в своей деятельности попадает под влияние политических или идеологических движений. "Но наука не является нейтральной. История дает не один пример того, как утверждения ученых использовались для рационализации, оправдания и придания естественного статуса доминирующим идеологиям или социальному статус-кво... В действительности ученые не более защищены от политических и культурных влияний, чем прочие граждане" (5, с.29). Поэтому лозунги об объективности и идеологической нейтральности научной деятельности часто выступают лишь как ширма для прикрытия подлинного положения дел или как попытка снять с себя ответственность за возможные применения результатов исследований.

Но возможность влиять на характер науки "извне", например, со стороны политических движений, имеет не только негативные, но и позитивные последствия. Феминистское движение возлагает надежды на то влияние, какое может быть оказано борьбой женщин за равноправие в современном обществе на процессы научной жизни. Направления такого влияния очевидным образом вытекают из самой программы феминизма: фактическое, а не формальное равенство женщин, занятых научным трудом; смягчение "нравов" в мире науки; гуманизация ее целей; восстановление почти разрушенных к настоящему времени связей науки с культурными, общечеловеческими ценностями; повышение ответственности ученых перед обществом; устранение из духовной атмосферы науки вредных маскулинных предрассудков.

Средствами такого влияния должны стать измененные программы обучения и воспитания будущих ученых, в которые должны быть включены в гораздо большем объеме гуманитарные предметы, в первую очередь - курсы по этике, истории культуры, социологии науки, общечеловеческим дисциплинам. Феминистское движение призывает женщин-ученых к активной пропагандистской работе, к деятельному участию в создании более

духовной, человеческой системы межличностных отношений в научных коллективах.

Эта деятельность может иметь более широкие последствия. Изменив к лучшему современную науку, можно надеяться на улучшение в обществе в целом. "Патриархатная наука должна получить взбадривающий импульс, и феминизм может помочь ей в этом" (5, с.38).

Общая критика современной науки с позиций феминизма, несомненно, обнаруживает определенные совпадения с теми характеристиками, какими наделяют современную науку различные философские, историко-культурные или методологические направления. Одной из точек такого пересечения является идея о том, что наука несет на себе следы глубокой социальной, политической и идеологической расколотости нашей цивилизации, разобщенной расовыми, классовыми, межгосударственными, политическими различиями. Эти следы обнаруживаются в институциональных, теоретических, концептуальных, ценностных и практически-исследовательских структурах науки. Феминистские аргументы, направленные против дегуманизации научного труда или против мнимой социокультурной "нейтральности" науки, также во многом пересекаются с аналогичными аргументами современных социологов науки. Вместе с тем существуют и разногласия между феминистскими воззрениями и, например, психоаналитическими, неофрейдистскими концепциями.

Маскулинизация науки имеет некоторые архетипические основания: "метафора пола передает отношение между духом и природой. Дух - мужчина, природа - женщина, а познание возникло как некий акт агрессивного обладания - пассивная природа подвергается вопрошению, раскрытию, человек проникает в ее глубины и подчиняет ее себе, чтобы вывести ее тайны. Приравливание человека познающему духу в его мужском воплощении, а природы - женщине с ее подчиненным отношением было и остается непрерывной темой Западной культуры" (3, с.44). Этот архетип продолжает действовать даже в современной фи-

зики, язык которой, по мнению такого авторитета, как Р.Фейнман, пронизан сексуальными ассоциациями.

По мнению Э.Фи, тот же вывод можно сделать по отношению к методологии науки. "Многие феминистские теоретики согласны с тем, что женщины обладают иными понятиями об основных конституентах реальности, иными допущениями, касающимися их собственного отношения к природному миру, иными точками зрения на значимость и взаимосвязь с другими людьми, большей готовностью к пониманию чужих эмоций и чувств, особыми способами ощущения моральной ответственности, основанными на понимании целостного контекста человеческих взаимосвязей, а не на абстрактных правах отдельных индивидов. Другими словами, осознанно или нет, женщины пытаются бросить в почву науки семена некоторой альтернативной онтологии, эпистемологии и этики" (3, с.47).

Бросается в глаза сходство между феминистским представлением о современной науке как о практически полностью маскулинизированной сфере, в которой нет равенства между мужчинами и женщинами, и некоторыми концепциями науки, развиваемыми эпистемологами развивающихся стран Африки, Индии, Китая, которые видят в современной науке следы колониализма, расизма, буржуазности, идеи доминирования европейских наций и т.п.

Например, Р.Минз указывает на беспочвенность притязаний европейской науки на исключительное право вытупать от имени науки в целом: идеология, свойственная европейской науке и состоящая в оценке успешности познания по степени овладения природными силами и ресурсами, в настоящее время обнаруживает свое явное банкротство, тогда как идеальные традиции культуры американских индейцев направлены на максимальную гармонизацию отношений человека к природе, на процессы воспроизводства земных ресурсов во имя жизни будущих поколений. Ограниченность европейской "картезианской" науки по сравнению с восточной медициной, несводимой к уровню

примитивных физиологических обобщений и основанных на них технических приемов, подчеркивает Дж. Нидэм (3, с. 50-51).

"Разумеется, эти различные направления критики могли бы найти некоторое общее русло; нам надо понять отношения между ними, чтобы решить, представляют ли они собой одну и ту же критическую концепцию, но выраженную в различных формах, или же мы имеем дело с тремя или более различными группами проблем?" (3, с. 53).

По мнению Э. Фи, подобные направления критики связаны с одним общим кардинальным вопросом о власти. Власть над природой, власть мужчины над женщиной, власть господствующих групп населения, власть одной расы над другой — в этих и других формах власти есть нечто общее и взаимосвязанное. В этом смысле эмансипация женщин есть составная часть борьбы за эмансипацию человечества от любых форм угнетения и неравенства.

"По отношению к науке это означает, что природа нашего познания не может не изменяться в зависимости от этой непрекращающейся борьбы — не только в форме освобождения женщин от подчинения мужчинам, но и в формах классовой борьбы, борьбы против расовой и национальной дискриминации. Поэтому нельзя говорить о некоей феминистской науке, которая представляла бы только интересы женщин как некой единой группы. Но можно говорить о феминистской перспективе в науке, которая указала бы путь, на каком происходит изменение отношения господства и подчинения по половому признаку в область производства и структуру знаний о мире, разрушительным образом воздействующее на содержание, смысл и применения этого знания" (3, с. 54).

Х. Роуз специально останавливается на вопросе о специфике феминистской эпистемологии. Абстрактный материализм, утверждает она, должен уступить место такому представлению об объективной реальности, которое было бы неотъемлемо от женского взгляда на мир (6, с. 57). Это означает, прежде

всего, что могут существовать и должны быть раскрыты специфически женские формы познания, соответствующие роли женщин в обществе, их месту в общественном разделении труда.

Современная научная лаборатория, помимо прочего, — это своеобразная модель рынка труда, причем рынка, на котором действуют принципы сегрегации: одни условия — для мужчин, другие — для женщин. В то же время в ней сохраняются черты "традиционного" или "патриархального" способа организации труда, где распределение обязанностей и вознаграждений определено раз навсегда установленными неписаными нормами, обязательными для всех участников этого процесса. Это предопределяет некий дуализм эпистемологического анализа, относящегося к роли женщин в научно-исследовательской работе. С одной стороны, в этом анализе неизбежно выявление общих принципов, черт, характеристик, объединяющих женщин-исследователей с их коллегами, представителями сильного пола. С другой стороны, специфика "женской эпистемологии" может быть раскрыта, если указанное единство рассматривать не как универсально-атрибутивное для научной деятельности, а как исторически и социально обусловленное, как определенный итог развития "патриархальной" науки, который может и должен быть подвергнут критике.

В современной науке неравномерно распределение женщин по областям научно-исследовательской работы: например, в биологии или медицине, в гуманитарных сферах, в педагогике женщин довольно много, иногда даже больше, чем мужчин, но в то же время в тех областях науки, которые тесно связаны с промышленностью, в которых преобладают громоздкие, энерго- и материалоемкие системы оборудования и экспериментирования, женщин гораздо меньше, чем мужчин. "Большая наука в значительно меньшей степени, чем малая, доброжелательна к женщинам; ее громоздкие и дорогие игрушки во все большей степени предназначаются ее детям мужского пола" (6, с. 61).

Не так просто ответить на вопрос, что теряет "большая наука" от этой неравномерности. Возможно, историко-научные исследования могут пролить некоторый свет, если сравнить определенные характеристики идей, выдвинутых учеными-мужчинами и учеными-женщинами, а также опосредованно и результативность трансляции того, что М.Полани называет "неявным знанием" в мужских по преимуществу и в женских научных коллективах. Например, Ивлин Келлер, исследуя творческий путь известного биолога Барбары Макклиток, приходит к выводу, что ей было свойственно понимание развития науки, основанное на более тонких и сложных допущениях, чем те, какими руководствуются многие современные эпистемологические концепции. Эти допущения относятся не только к связям между объектом познания и природой, но и к фундаментальным принципам организации природных объектов. Идеи Макклиток, отмечает И.Келлер, связаны с холистическим пониманием организмов в большей степени, чем с господствующими представлениями о клеточной иерархии и доминации генетического фактора (6, с.63).

Очень важна для развития науки критика, направленная против попыток "онаучить" некоторые дискриминационные идеи, например идею социобиологической предопределенности женской неполноценности в ряде сфер общественно разделенного труда, в частности в научном труде. "Феминистские антропологи, этологи, психологи и биологи показали, что претензии на обоснование полового различия в разделении труда по гормональным признакам, по данным эволюционной социобиологии или по глубокому выводу, сделанному из наблюдений за поведением животных, основаны на плохой, в классическом смысле слова, науке — на слабой теории, на неадекватных или ошибочно истолкованных данных, бедных экспериментах, недопустимых экстраполяциях наблюдений над утками или крысами на поведение людей. Столь бесцеремонное обращение с научным методом неприемлемо даже в менее идеологически на-

груженной области проблем, чем при рассуждениях, призванных оправдать доминирующую роль мужчин и подчиненную роль женщин биологическими, то есть естественными причинами" (6, с.64). То же самое относится и к попыткам "научного" обоснования мужского промискуитета, "двойной морали" для мужчин и для женщин и т.п., опирающимся на данные эндокринологии.

Еще теоретики Франкфуртской школы указывали на связь между принципами, провозглашаемыми современной теорией научного познания, и негативными последствиями научно-технического прогресса, разрушением природной среды обитания, гипертрофией техницизма и дегуманизацией социума. Некоторые феминистские критики, присоединяясь к этим воззрениям, связывают их с идеей чрезмерной маскулинизации науки и техники, оближают экологические и антиоцидентские движения с программами феминизма (6, с.66). Другие указывают на связь феминистской критики науки с общественными движениями, в том числе борьбой рабочего класса против капиталистического способа производства, конечной целью которых является преодоление деструктивных для культуры процессов отчуждения (6, с.69).

Таким образом, заключает Х.Роуз, "феминистская эпистемология, исходящая из специфики женского труда в нашем мире, должна способствовать достижению более последовательного материализма, более истинного познания. Она преодолевает некоторые дихотомии, настаивает на научной значимости субъективного, на необходимости соединения сфер мышления и чувства; она подчеркивает значение холизма, гармонии и целостности по сравнению с редуктивизмом, идеей доминации и линейной зависимости. В этом смысле она основывается на традиции, всегда имевшей место в науке, но отнесенной на задний план в господствующей ныне культуре, и присоединяется к критике современной науки и ее практики, развиваемой новыми социальными движениями" (6, с.72).

Разумеется, подобная критика имеет не только эпистемологический аспект, поскольку затрагивает важнейшие социальные стороны науки и ее места в культуре. Поэтому ясно, что и сама критика, и феминистские проекты преобразования научной деятельности и организации науки будут не более чем утопиями, если не рассматривать их как составную часть более общих теорий, направленных на кардинальные социокультурные изменения в современном мире.

Как далеко может распространяться феминистская критика в своем притязании на альтернативность теории научного познания? С одной точки зрения, феминистская эпистемология является лишь вариантом, существующим наряду с иными вариантами и вступающим с ними в "диалог", способствующий взаимному совершенствованию. С другой, более радикальной точки зрения, феминистский "проект" науки является более совершенным, чем иные, и потому следует бороться за его победу в конкуренции эпистемологий, тем более что эта победа рассматривается как часть и одно из условий прогрессивного изменения в обществе в целом (6, с.74).

В ряде статей рассматриваются конкретные научные области, в которых феминистский подход к науке способен обнаружить серьезные дефекты, возникающие из-за идеологической "ангажированности" этих областей. Одной из таких областей является приматология, в которой, как утверждает Д.Харауэй, расовые или национальные предрасположения исследователей играют весьма заметную роль, с которой сравнима роль "сексизма" — идеологии превосходства мужчин над женщинами. "Приматология, — пишет автор, — это политика, проводимая другими средствами... Описание жизни обезьян и человекообразных являют собой индустриальную и постиндустриальную версии прошлого и будущего наших животных "родичей" и нас самих" (4, с.82).

Здесь имеет место двойная взаимозависимость: во-первых, политические взгляды исследователей становятся факто-

рами формирования их научных воззрений; во-вторых, политические концепции находят поддержку в "строгих научных" и "объективных" констатациях приматологов, изучающих "первоосновы" и природные корни человеческих отношений, уходящие в биологический фундамент жизни. "Споры, ведущиеся в приматологии, дают некоторые интригующие образцы политического мышления, связанного с проблемами самоидентичности, человеческой общности и социальных изменений... Приматология — это жанр политического дискурса по вопросам человеческого общества" (4, с.87).

Биологический анализ жизни приматов ставит в центр два вопроса: воспроизводство рода и связанные с этим сложные процессы отношения полов, а также принципы организации того, что можно было бы назвать "социальной жизнью" человекообразных обезьян. Существует тенденция обличения этих вопросов с аналогичными проблемами, связанными с жизнью человеческого общества, стирания граней между приматологией и антропологией. Эта тенденция, имеющая несомненную идеологическую подоплеку, проявляется в разных формах: то в сомнительных аналогиях между биологическим, животным и женским началом у человека, то в "естественном" объяснении таких мужских черт, как властолюбие, склонность к полигамии, авантюризм, жестокость и т.п. Эта тенденция подвергается критике феминистской эпистемологией, указывающей на безосновательное преувеличение половых различий как фактора социокультурного развития — именно этот недостаток выступает на первый план, когда выявляется идейная и идеологическая платформа исследователей в этой области.

Однако критика такого рода пока мало влияет на положение дел в приматологии. Одна из причин — сравнительно низкая доля женщин-исследователей: среди членов Международного приматологического общества, насчитывающего около 750 членов, женщины составляют около 20% (во многих странах вообще нет женщин-ученых, специализирующихся в этой области).

Такое же положение в других дисциплинах, имеющих точки соприкосновения с приматологией: антропология – 22% женщин-исследователей, медицина – 12, психология – 27, зоология и экология – 19%. Если взять отдельно американских ученых, объединенных, например, Американской ассоциацией физической антропологии или Американским обществом приматологов (по данным на 1980 г. в последнем состоит 445 членов), цифры примерно те же: 24% женщин-психологов, 20 – зоологов; общее соотношение женщин и мужчин – 3:7. Число докторских диссертаций, написанных женщинами, – 20% от общего количества (4, с.97–99). Тем не менее, влияние женщин в рассматриваемой области научных исследований растет быстрее, чем чисто количественные показатели.

Другой показательной областью науки, в которой проявляются указанные выше черты, является исследование половой различий в интеллектуальных способностях. "Эта область пересыщена неизученными или непроверенными допущениями, противоречивыми и непоследовательными сообщениями об открытиях, ложными интерпретациями, которые внедряются в систему верований, именуемую теориями, а также бездумным манипулированием языком, которым средства информации и соответствующая литература обращаются к публике, остро реагирующей на научные сенсации в особенности на те, которые как бы совпадают с мнениями "здорового смысла" (2, с.147). Существует и быстро растет научная литература о половых различиях, опирающаяся на исследования по биохимической эндокринологии, нейроанатомии, психологии, политологии и т.д. Распространяются "теории", указывающие на биологические причины непреодолимых различий по интеллекту между мужчинами и женщинами: пренатальные гормональные эффекты, влияющие на развитие головного мозга, различия мозговых структур и т.п.

"Я полагаю, – пишет Р.Блейер, – что повышение интереса к проблемам биологической обусловленности половых раз-

личий по интеллекту или к попыткам объяснить или оправдать множественные формы асимметрии между полами в этом отношении нельзя рассматривать вне связи с социально-политическим контекстом 70–80-х годов, в котором женские движения способствовали тому, что вопросы неравенства между мужчинами и женщинами по отношению к занятости и образованию были поставлены в центр общественного внимания и приобрели политический смысл наряду с вопросами о юридическом и социальном статусе женщин" (2, с.147). Здесь можно уловить и определенную аналогию с известными научными изысканиями об интеллектуальной неполноценности негров, интерес к которым активно возрастал как раз во время подъема негритянских движений, протестовавших против расовой дискриминации, социального и политического неравенства цветного населения по отношению к белому большинству даже в таких странах, как Англия и США, известных своими демократическими и либеральными традициями.

Так возникает "парадигма" научного мышления, в состав которой по существу входят расистские или сексистские предположения. "Поддержка этой парадигмы зависит от игнорирования того, что очевидно и известно (сложность и гибкость человеческих способностей, процессов человеческого развития), замещения этого некой сфабрикованной реальностью (например, биологическое обоснование социальных различий между полами), для которой находятся оправдания в специально разработанной системе взаимообусловленных гипотез..." (2, с.149). Как пример такой фабрикации автор приводит исследования А.Эрхардта и Дж.Мани, в которых "доказывалось", что девочки с повышенным содержанием мужских гормонов (мальчишкоподобные) обладают рядом интеллектуальных преимуществ перед обычными девочками того же возраста¹⁾; в этих исследованиях

¹⁾ Ehrhardt A., Money J. Progestin-induced hermaphroditism: IQ and psychosexual identity in a study of ten girls // J. of sex research. – Philadelphia, 1967. – Vol.3. – P.83–100.

применяется модная терминология и методика, однако попросту игнорируются очевидные зависимости психологического, социального и культурного планов, сводящие на нет значимость сделанных выводов. Комментарии и толкования авторов носят анекдотический характер, но тем не менее воерьез рассматриваются в научной литературе (3, с.51-52). Аналогичные наблюдения сделаны в области исследований по проблеме природно обусловленного преимущества мужчин в получении визуально-пространственной информации ввиду определенных "дефектов" структуры головного мозга у женщин¹⁾.

"Поскольку мы все еще почти ничего не знаем о том, какие именно структуры мозга и как именно мозговые процессы определяют собой беглость вербального выражения, математические навыки, рассудочные способности и даже сознание или огромное разнообразие внутри любой данной популяции людей, например группы мальчиков или девочек, то невозможно объяснить и половые различия в этих процессах. Но поистине примечательно, что такой интерес (не говоря уже о деньгах, времени и способностях) направляется на тривиальные половые различия, обнаруживаемые в подобных студиях, в то время как систематическое изучение причин столь больших различий, обнаруживаемых внутри одной и той же половой группы, могло бы привести к открытиям, имевшим бы, возможно, огромное социальное значение" (2, с.158).

Встречаются мнения, что результаты научных исследований доходят до широкой аудитории в "испорченном" виде из-за лингвистической неподготовленности средств массовой информации, издателей, репортеров и т.п. Отчасти это верно, но в случаях, подобных изложенным, есть основания сомневаться не столько в подготовленности посредников между учеными и публикой, сколько в научной добросовестности и объектив-

¹⁾McGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: A crit. survey // Behavioral & brain sciences. - Cambridge, 1980. - Vol.1. - P.215-263.

ности самих же исследователей. "Недостойно ученых расосчитывать на невежество мнений и ожиданий своих читателей, неэтично перекладывать на них ответственность за результаты своих работ и за возможное ошибочное толкование своих "чистых" текстов. Ответственность лежит на самих ученых, ибо они сами опосредствуют двусмысленности и ложным интерпретациям своихopusов" (2, с.161).

Недобросовестная наука повинна не только в фабрикации результатов, предназначенных не к поиску истины, а к "обнованию" плохой идеологии, но и в том, что замалчиваются или опять-таки недобросовестно критикуются "альтернативные" гипотезы, указывающие на ограниченность узкого биологизма и необходимость рассматривать оложные социокультурные системы для ответов на вопросы о природе реальных половых различий, имеющих важное социальное значение. "Научно обосновываемые" предрассудки далеко не безобидны, ибо они заражают не только так называемую "публику", но и самое науку, вплоть до ее верхних, элитарных слоев. В таком факте, например, что из 1300 членов Американской национальной академии наук только 29 или 30 - женщины (по данным на 1983 г.), нетрудно уловить одно из следствий широкой распространности недоверия "мужской" науки к интеллектуальному творческому потенциалу женщин (7, с.167). Неудивительно, что при таком положении дел в науке действительно могут преуспеть лишь те женщины-ученные, которые сознательно или неосознанно "имитируют" черты, присущие маскулинизированной науке, подражают мужчинам в стиле, методах, выборе перспектив, заимствуют формы поведения в научном сообществе и т.д.

"Подавляющее меньшинство" женщин в науке - отрицательный фактор развития исследований по проблемам, связанным с жизнью женщин в современном обществе: социологии женщины, проблемам брака, семьи, здоровья женщин, социально-психологическим, культурологическим вопросам и т.д. Хотя курон

по этим проблемам уже включены в программы университетов, большинство преподавателей – мужчины, что накладывает вполне определенный отпечаток на содержание и характер их курсов.

История науки – слабо развитая область в американских университетах. Но когда историческая проблематика все же затрагивается в курсах естественных или гуманитарных дисциплин, показательно, что роль выдающихся ученых-женщин недооценивается, причем история соответствующим образом препарируется. В результате, когда студентов просят назвать женщин – лауреатов Нобелевских премий, в лучшем случае они вспоминают Марию Кюри-Склодовскую, не имея представлений о заслугах и наградах таких ученых, как Ирен Жолио-Кюри, Дороти Ходкин, Мария Майер, Гарбара Макклиток, Гертти Кори и др. Если крупный научный результат (теория, эксперимент, открытие) был получен группой ученых, в состав которой входили и женщины, учащаяся знает только имена руководителей-мужчин. Это также способствует закреплению определенных стереотипов по отношению к роли женщин в науке и в культуре. Завуалированной формой распространения такого рода стереотипов является отрицание вообще каких бы то ни было различий между женщинами и мужчинами в науке: наука, дескать, нейтральна по отношению к подобным вопросам, для истины безразлично, мужчина или женщина обретают ее. Подобная эпистемология, исходя из некоторого идеализированного представления о характере научного исследования, упрощенного образа науки, фактически способствует сохранению неравенства, игнорированию специфики женского вклада в научное познание и развитие науки.

Между тем именно эта специфика, по мнению многих авторитетных специалистов, может оказаться чрезвычайно важной для изменения "механистической, редуктивистской, иерархической модели современной науки" (7, с.177). "Женская субъективность", чувствительность, ощущение принадлежности к

универсуму и зависимости от него, возможно, могли бы отать атрибутивными чертами новой науки, защищенной от разъедающего аннигиляционного процесса дегуманизации.

Особенно важное значение это имело бы для системы образования и воспитания будущих поколений. В настоящее время идеи и результаты "маскулинизированной науки" некритически воспринимаются школой и другими учебными учреждениями. Здесь они примитивизируются, преломляются в незрелом сознании юношества и образуют основу для мировоззрения, из которого исключены важные ценностные, гуманистические компоненты. Такова, например, роль социобиологических идей, которые в системе образования часто приобретают форму "биологического детерминизма", с помощью которого обосновываются различные девиации человеческого поведения (гомосексуализм, промискуитет). "В периоды усиления общественной реакции, система образования в целом, по-видимому, склоняется к принятию биологического детерминизма. Недоброжелательное отношение к феминизму сопровождается повышением интереса к теориям, обосновывающим биологическую предопределенность половых ролей в обществе. Например, современные учебники по вопросам сексуального поведения и гигиены пола, распространенные в университетах, трактуют гормонально обусловленные различия в поведении мужчин и женщин как аргументы в пользу закрепления социальной структуры, базирующейся на противопоставлении мужчины и женщины. Студенты конспектируют и заучивают безосновательные выводы своих лекторов вроде: "Гомосексуальность, как известно, вызывается пренатальным воздействием гормонов на головной мозг" или "Так как женский организм не производит андрогенов, женщины не способны на значительные мускульные усилия". Такие утверждения научно несостоятельны, но преподносятся как проверенные факты на лекциях... В таких случаях одна из важных задач политически ответственного преподавателя заключается в том, чтобы помочь студентам обнаружить эту несостоятельность

с помощью соответствующей информации, а также организовать дискуссию о практических следствиях, вытекающих из этих проблем" (8, с.186).

Вообще недооценка политического смысла "маскулинизированной науки" и системы образования, популяризирующей недобросовестные выводы такой науки, чрезвычайно опасна. Речь идет о формировании культурных ориентиров целых поколений, фактически — о будущем человечества, о его нравственности, исторической перспективе. Роль женщин в науке и в системе образования поэтому исключительно велика еще и в том смысле, что они призваны ограничить распространение вредных стереотипов, способствовать развитию критического мышления, развенчивать мифы, гуманизировать науку и обучение.

Однако вопросы, поднимаемые феминистской эпистемологией, требуют дальнейшего уточнения. В частности, не вполне ясны и перегружены эмоциональными оценками "определения" маскулинизированной науки. "Как можно отличить маскулинизированные продукты науки (например, "парадигму власти мужчин") от науки, которая внутренне "не является маскулинизированной"? Или, что еще более важно, более тесно связано с проблемами, встающими перед феминистскими учеными во всех областях науки, — как можно приступить к концептуализации немаскулинизированной науки как чего-то абсолютно свободного от предвзятостей пола, объективного, если подавляющее большинство продуктов нашей письменной культуры — истории, языка, концептуальных схем, литературы — создано мужчинами? Какой авторитет, возвысившись над схваткой, гарантирует, что наука освободится от андроцентрических выкрутас и от патриархальных понятий и методов?" (1, с.15).

Конечно, теоретическая разработка феминистского подхода к науке должна продолжаться, однако нельзя и ограничиваться чисто академическим интересом к этой разработке. Цель феминизма — улучшить жизнь современного общества, на-

править ее в руло гуманистического прогресса. Феминизм в науке — часть этого движения. "Чтобы произошли многие из таких изменений, ученые должны научиться переосмысливать науку, ее методы, теории и цели, освободившись от языка и метафор власти и подчинения. Но чтобы это могло совершиться в достаточной степени, должны произойти глубокие перемены в самой системе, основанной на власти, силе и подчинении, которая поощряет и уоплиывает позиции тех, кто опоботствует укреплению ее идеологии и достижению ее целей. Но, точно так же, как ликвидация всех запасов ядерного оружия и запрещение его производства еще не означает достижение мира во всем мире, хотя и являет собой необходимый первый шаг к нему, так и феминисты должны рассматривать преобразование идеологии и практики современных научных интитутотв как первый и необходимый шаг в овоей борьбе" (1, с.16).

Список литературы

1. Bleier R. Introduction // *Feminist approaches to science* / Ed. by Bleier R. - N.Y. etc.: Pergamon press, 1986. - P.1-17.
2. Bleier R. Sex differences research: science or belief? // *Ibid.* - P.147-164.
3. Fee E. Critiques of Modern science: The relationship of feminism to other radical epistemologies // *Ibid.* - P.42-55.
4. Haraway D. Primatology is politics by other means // *Ibid.* - P.77-118.
5. Nemenwirth M. Science seen through a feminist prism // *Ibid.* - P.18-41.
6. Rose H. Beyond masculinism realities: a feminist epistemology for the sciences // *Ibid.* - P.57-75.
7. Rosser S. The Relationship between women's studies and woman in science // *Ibid.* - P.165-180.
8. Whatley M. Taking feminist science to the classroom: where do we go from here? // *Ibid.* - P.181-190.

В.Н.Поруо

ФЕМИНИСТСКАЯ МЫСЛЬ И СТРУКТУРА ЗНАНИЙ

(Реферативный обзор)

Руфь Хаббард (профессор биологии Гарвардского университета, США) (5) считает, что выбор научных фактов — это результат влияния социальных факторов развития науки. Автор ставит вопрос о том, какие социальные группы осуществляют в науке выбор фактов. Что касается США, то до последнего времени в науке преобладали выходцы из средних и высших социальных групп, в большинстве — представители белого мужского населения страны. Хотя в последнее время число белых женщин и представителей цветных национальностей в науке несколько увеличилось, социальный состав научных профессий остался прежним. Безусловно, в "башнях из слоновой кости", где "делается" наука, работают представители рабочего и нижнего слоя "среднего" класса, однако эти люди выполняют, как правило, функции техников, секретарей, уборщиц и т.п. Решение о том, кто достоин отбирать факты, принимают профессора, деканы, президенты университетов, а в более широком плане — правительство и представители частных благотворительных фондов. Критерии этого отбора, которые в идеале должны быть объективными, на практике оказываются ортодоксальными и конформистскими. "Тот, чьи идеи или поведение не укладываются в заданный стереотип, имеет

меньше шансов на успех, и в настоящее время нам, некоторым девушкам, позволяется занять место среди мужчин лишь в том случае, если мы усвоим правила существующей игры" (5, с.3).

Таким образом, наука делается самовоспроизводящейся группой: избранными для избранных. Где же выход из создавшегося положения? Как оделать, чтобы наука развивалась с помощью народа и для народа? Само по себе разделение умственного и физического труда не является злом. Неравенство вытекает не из того факта, что разные люди выполняют различную работу, а из того, что различные задачи рассматриваются по-разному и несут с собой различные оценки относительно престижа и власти. Например, в американском обществе в большей степени, чем в европейском, отдается приоритет умственному труду по сравнению с физическим, что отражается и на оплате труда. Автор находит такое положение дел не вполне справедливым. Ведь именно технические работники — люди, работающие руками, выполняют те операции и измерения, которые приводят к новой гипотезе. Естественных наук должны быть синтезом физического и умственного труда, поскольку наука и техника неразделимы.

В недалеком прошлом некоторые идеологи пытались "доказать", что различия в политическом, экономическом и социальном статусе мужчин и женщин, белых и черных, богатых и бедных вытекают из врожденных признаков. Работа женщин, как правило, недооценивалась как в экономическом, так и в политическом смысле. То, что женщина занималась "только" домашней работой и ухаживала за детьми, не рассматривалось в качестве труда и не включалось в совокупный национальный продукт. Вместе с тем женщина проводит за работой значительно больше времени, чем мужчина, — в среднем 70–80 час. в неделю, в то время как мужчина — 50–60 час. При этом заработная плата женщины составляет 50–60% по отношению к заработной плате мужчины. И если бы женщины прекратили за-

ниматься той работой, за которую они не получают заработную плату, общество оказалось бы в кризисном состоянии, поскольку продуктивный труд мужчин зависит от неучитываемого женского труда. Идеология недавнего прошлого, которая разрабатывалась мужчинами – выходцами из зажиточных белых семей, заставляла нас поверить, что способность женщины оказаться беременной делает ее физически менее совершенной по сравнению с мужчиной. Начало 1970-х годов было ренессансом в исследовании различия полов. В этих исследованиях пытались доказать научно, что женщины от рождения лучше приспособлены к ведению хозяйства и воспитанию детей, в то время как мужчины от рождения легче себя чувствуют в мире бизнеса и коммерции. В последнее время представители социобиологии пытаются доказать, что женщины дают детям в биологическом отношении больше, чем мужчины. Однако подобные теории опосредуют сохранению существующего неравенства и выдвигают натуралистическое обоснование практики дискриминации.

Феминистская наука должна начать с признания наших ценностей и нашей человеческой субъективности, учитывая личные и социальные особенности женщин. Феминистская наука должна расширить круг людей, "делающих" науку: самые различные люди должны принимать участие в осмыслении научных фактов.

Леонор Тиффлер (представитель американской психофизиологической науки, Калифорнийский университет, Беркли) (4) считает, что феминизм – это преимущественно политическое движение, ставящее своей целью осознать и изменить подчиненное положение женщины в мире. Сексуальность – это основной источник подавления женщин. Хотя представители феминизма много внимания уделяли сексуальности, они не внесли особого вклада в сексологию.

Что касается истории сексуальности, то в начале XX в. эта дисциплина успешно развивалась в Германии. М.Хиршфельд

в 1919 г., в условиях демократических свобод Веймарской республики, основал Берлинский институт сексологии, который в 20-е годы наполнился документами, фактами, фильмами и т.п. Однако в 1933 г. нацисты закрыли институт, документы были украдены или уничтожены, а сексология объявлена "еврейской наукой". Начиная с 20-30-х годов сексология успешно развивается в США в основном за счет поступлений от фонда Рокфеллера и в рамках Национальной академии наук. Первым, кто получил значительные средства из рокфеллеровского фонда в 40-50-е годы, был А.Киноли, посвятивший свои исследования истории гомосексуализма. Приведенные примеры говорят о том, что сексологические исследования осуществлялись преимущественно в политически нейтральной, или ультранаучной атмосфере. "Кажется, что современные исследования в области сексологии не преследуют какие-либо корыстные цели: лишены каких-то предвзятых установок, политических или идеологических, и, как полицейские детективы, занимаются лишь поиском его величества факта и ничем более" (4, с.21).

В действительности современные сексологические исследования в значительной степени характеризуются тенденциозностью. Достаточно указать на то обстоятельство, что язык современной сексологии существенно "медикализируется". Поскольку "альтернативным" исследованиям по сексологии оказывается незначительная поддержка, представители медицины заполняли этот вакуум своими редуccionистскими подходами к сексуальности человека. Они конструируют субъект как универсальную, врожденную, биологически регулируемую сущность. Сексуальность рассматривается как свойство, одинаково характерное и для людей, и для животных. И те и другие обладают сексуальным поведением, оргазмом, психо-соматическими связями.

С точки зрения феминизма, сексуальность – это не биологически данное, не врожденное свойство или инстинкт, а

социальная конструкция, способ жизни, порожденный социальными отношениями. Биологическая природа — это необходимая, но недостаточная предпосылка сексуальности. Феминистские методы сексологического исследования стремятся к использованию результатов субъективного восприятия участников, к максимальной контекстуализации исследования. Ни одно исследование сексуальности не может обойтись без учета социальных, демографических, культурных факторов. Феминистские исследования в области сексологии должны служить для женщин. Феминистский анализ будет включен в предмет сексологии, когда изменится существующая парадигма исследования.

Кеннет Джерджен (преподаватель психологии, Суортмор колледж, США) (2) подчеркивает, что объектом острой феминистской критики является традиционная наука. Научное знание рассматривается с точки зрения феминизма как утверждение мужской перспективы и мужских ценностей, как средство для утверждения господства мужчин. С точки зрения феминизма вряд ли можно понять мир с помощью привычных для нас методов эмпирического исследования. Во-первых, представители феминизма приводят многочисленные примеры того, как предвзятость ученых влияла на результаты научных исследований. Тем самым критика научного исследования за его предвзятость означает не просто критику традиционного использования научного метода, а сомнение в его адекватности в целом. Во-вторых, феминистская критика исходит из того факта, что многочисленные попытки эмпириков провести различные исследования фактами и оценкой окончились неудачей. Методология не может предложить такие средства, которые бы обеспечили нейтральность научной оценки фактов. Эпистемологические правила открывают возможность свободного выбора оценок в интерпретации тех или иных фактов. В результате феминистской критики возникает идея отказа от традиционного тезиса о нейтральности научных оценок.

Таким образом, феминистский подход выносит обвинительное заключение методологии эмпиризма. Разделение субъекта и объекта, мышления и эмоций, знания и социально-исторического контекста объявляется несовместимым с человеческой природой. Однако некоторые представители феминизма не отрицают, что от понятия точного и объективного знания следует отказаться. Скорее необходимо говорить о том, что мужская точка зрения в науке вступает в противоречие с объективностью. Женская ориентация в науке раскрывает большие возможности на пути к достоверному знанию, чем мужская. В своей критике эмпиристской методологии феминизм использует следующие аргументы позитивизма: против индуктивизма (Хэнсон), о взаимосвязи теоретического понимания и предзнания (Тулмин), о несоизмеримости конкурирующих теорий (Фейерабенд), о разделении фактов и оценок (Макинтайр), логика дедукции (Баррет) и др.

В рамках феминистской эпистемологии можно выделить два подхода. Во-первых, развитие альтернативной теории познания, устойчивой по отношению к внешней критике и, во-вторых, дальнейшая разработка понятия объективного знания. Однако второй подход вызывает серьезные замечания, поскольку вторая концепция объективности знания в настоящее время оспаривается. Сейчас преобладает альтернативный подход, в рамках которого научное знание рассматривается как обусловленное социальным контекстом. Подход социальной эпистемологии использует достижения герменевтики, исследования в области истории и социологии науки, этнометодологию и историографию. В центре критического анализа социальной эпистемологии находятся следующие положения: 1. Когнитивные предложения можно по праву рассматривать как формы рассуждения. В данном случае традиционное эмпиристское понятие опыта заменяется (благодаря позднему Витгенштейну) понятием рассуждения. 2. Окружающее не оказывает влияния на свойства рассуждения как источника интеллигентности. Это положение

можно рассматривать как форму лингвистического псевдорелятивизма, который отрицает реальность внешнего мира. 3. Поскольку любое рассуждение носит социальный характер, мы можем исследовать социальные процессы с целью обоснования когнитивных предложений. Наука становится социальным инстинктом, и когнитивные предложения зависят скорее от общественных отношений, чем от их верификации. Основы этому подходу положила концепция научных революций Куна. В дальнейшем социальные процессы развития науки разрабатывались такими представителями социологии науки, как Барно, Вулгар и Латур, Малкей и др. С точки зрения этих авторов, теоретические термины следует рассматривать не как приближение к истине, а как результат социальных отношений. 4. Поскольку когнитивные предложения являются продуктом социальной жизни, они должны быть открыты для оценки различных дискурсивных сообществ. "Только в рамках широкого диалога можно достичь значимых целей" (2, с.44).

Пегги Ривс Санди (профессор антропологии университета В Пенсильвании, США) (3) считает, что вопросы, касающиеся взаимоотношения полов – предмета феминистской антропологии, в любом обществе принимают политический оттенок. Poleмика и дискуссии, в которых один пол сравнивается с другим, набирая очки в общественных спорах, имеют место во многих современных обществах.

Патриархальная модель социальных ролей, рассматриваемая представителями феминистской антропологии, выступает в двух формах. Первая подчеркивает периферийное положение женщины в системе прав и обязанностей индивидов. Вторая подчеркивает символическую девальвацию роли женщины в обществе. Первая модель выделена в предисловии известных антропологов М.Розальдо и А.Ламфер к работе "Женщина, культура и общество" (1974), где авторы отмечают устойчиво сохраняющуюся асимметрию полов. Вторая модель анализируется в статье Ш.Ортнер в указанном сборнике. Она показывает, как

происходит символическое отождествление женщины с природой и природным, а мужчины – с культурой и соответственно культурным в западной цивилизации.

В рамках феминизма выдвигаются и матриархальные модели взаимоотношения полов. На основе этнографических исследований представители феминизма приводят документальные примеры, в которых женщины как матери играют центральную роль в общественных делах. Так, женщины Западной Суматры не занимают периферийную роль в системе общественных прав и обязанностей. Напротив, женщинам здесь принадлежит центральное место в общественной иерархии. Вот рассуждения специалиста по народным обычаям (Западная Суматра): "Зачем Бог послал в мир Адама? Чтобы сопровождать Еву. Тем самым Ева не менее значительная фигура, чем Адам. Женщины играют очень важную роль. Без женщин жизнь была бы невозможна. На этом основании женщины нуждаются в больших привилегиях" (3, с.50). Женщины, как и мужчины, играют важную роль в проводимых политических и культурных церемониях. Женщины несут ответственность за сохранение этнической идентичности народа. Глава клана избирается представителями обоих полов, как в центре, так и на местах женщины принимают активное участие в принятии важных решений.

По мнению автора, следует изучать скорее такие социальные модели, которые регулируют отношения между полами, а не предлагают те или иные формы доминанции, господства мужчин в западном обществе. Поиск альтернативных по отношению к патриархальной модели имеет различные политические следствия. Демонтаж патриархальных отношений должен означать возрождение роли женщин в социальной и культурной жизни не в противоположность мужчинам, а в сотрудничестве с ними.

Верена Эбшер (ассистент профессора Университета Париж-Х, Нантерр) (6), работает также в Европейском сообществе в Брюсселе над исследовательским проектом о равных воз-

можноостях для мальчиков и девочек. Она подчеркивает недавнюю переоценку феминистских вопросов, которая произошла во французских интеллектуальных кругах. Эволюция интересов французских интеллектуалов (в частности, Алена Турена) от абстрактных политических вопросов к личностным аспектам человеческой жизни выражается в том, что они все чаще обращаются к темам, которые раньше считались слишком личными, частными и неуместными в научных исследованиях.

По ее убеждению, феминизм и изменение взглядов на женщину ведут к неожиданным последствиям в развитии научных знаний. Действительно, женщины столетиями были "вне истории". Феминисты обнаружили это, когда стали анализировать приниженное положение женщины в ее повседневной жизни: в семье, в отношениях с различными учреждениями, на работе. Эти исследования открыли новую главу в науке. С целью анализа, поиска альтернативных решений и сознательных действий, направленных против принижения женщин в обществе, феминисты не только развивают новые сферы знания, но также способствуют созданию новых исследовательских методик, которые интегрируют личные интересы в процесс исследования. Таким образом, они серьезно поставили под вопрос прежние отношения между теорией и практикой в науке и обществе. Это был первый шаг в создании специфически женского знания, открывающего новые области исследования. Новые шаги феминисты видят в тесной связи личного знания и опыта не только женщин, но и мужчин и детей. Феминисты способствовали осознанию новых моделей культурного господства в медицине, средствах массовой коммуникации, информации, образования и т.д. (6, с.144-145).

Интересы автора сосредоточены на исследовании языка, в частности, как влияет пол индивида на его речь. В результате исследования "женских разговоров" и оплетен она выделила четыре типа женских позиций: I. Традиционный тип женщины, которая считает, что женщина отличается от мужчины,

как кошка от собаки. Она видит некий барьер между ними, который мешает правильному взаимопониманию и попыткам общения. Она отбрасывает своей склонности к сплетням, хотя и находит некоторые положительные качества в этом способе общения с другими женщинами, чего мужчины не в состоянии понять. 2. Современная, более ориентированная на карьеру женщина видит свое отличие не от мужчины, а от других женщин. Она думает о них, а особенно о традиционных женщинах, как о низшей породе, бесполезной, пустоголовой, как и ее сплетня. 3. Феминистки-суфражистки, как и женщины второго типа, относятся с отвращением к сплетням. Но в отличие от них они считают ее только остатком прежней покорности женщин мужчинам. Они считают, что сплетня исчезнет, когда женщина достигнет равенства с мужчиной. 4. Этот тип феминисток стремится преобразовать мир, созданный мужчинами для мужчин, в мир, созданный женщинами для тех и других, придерживаются разных точек зрения на женские разговоры. В отличие от суфражисток, они признают культурное значение этих разговоров. Они ценят сплетню и, вместо того чтобы отбрасывать ее, видят в ней средство, способное гуманизировать мир (6, с.147).

Автор подчеркивает, что мир науки и техники, особенно компьютерные науки и бизнес, производят субкультуру, которая с трудом допускает в себя женщин. На всех этапах образования и работы женщины, несмотря на значительные успехи, остаются в меньшинстве. Непропорционально мало женщин достигают высших профессиональных эшелонов в науке и технике, занимают высшие уровни в управлении, или различные ведущие позиции в предпринимательстве и академической науке. Стандарты половых ролей так хорошо усвоены большинством женщин, что они формируют свой собственный – низкий – уровень aspirations. Чтобы это преодолеть, автор предпринимает серию экспериментов в нескольких средних школах Франции. Ее идея заключается в том, чтобы дестабилизировать приобретенные

образцы среди девочек и мальчиков 14-15 лет, предлагая альтернативные стандарты, доступные и привлекательные для них. С помощью четырех профессиональных актеров, играющих определенные роли, в сцене повседневной жизни вовлекаются девочки, мальчики, родители, учителя и т.д. В этих сценах, в течение двух-трех месяцев разыгрываются различные типичные ситуации, причем мальчики и девочки обмениваются ролями. Автор надеется, что это приведет к изменению позиций и традиционного набора взглядов на перспективы мальчиков и девочек, что позволит в дальнейшем женщинам иметь реальные возможности в науке и технике.

Полли Янг-Эйзендрат (представитель американского психоанализа, Бала Синвид, США) (7) считает, что каждый человек вступает в жизнь с определенным набором представлений о самом себе, своей интенциональности, возможностях, эмоциях, интеллекте и других личных качествах. Мы целиком зависим друг от друга в нашей оценке себя как личности, как члена социальной группы. "Хотя очевидно, что достижение личной свободы является иллюзией, понятие личной свободы имеет большое значение в нашей культуре. Значение этого понятия должно быть ясным, когда мы сталкиваемся с поддержкой возрастающего участия женщин в философских, политических и межличностных системах общества, в котором мы живем" (7, с.153). Наши принципы и идеалы социальной жизни как самостоятельных индивидов включают в себя "равенство", "свободу" и "поиск счастья". Однако истоки многих наших философских и культурных ошибок кроются в индивидуализме, в убеждении, согласно которому отдельные люди обладают особыми творческими способностями. Следствием подобной идеологии является тезис о том, что некоторые умны лучше, чем другие, поскольку они лучше приспособлены к существованию (социал-дарвинизм) или эстетическому творчеству (кантовский идеализм). Соответственно люди воображают себя участниками соревнования за право обладать лучшим (или одним из лучших) умом. Авторитет мужской формы культуры убеждает нас, что такие личности, как Ч.Дарвин, К.Марко, З.Фрейд, А.Эйнштейн, являются нашими подлинными лидерами. В то же время мы ничего не знаем о том вкладе, который внесли в их работу жены, любовницы, дети, соседи, слуги и др.

Феминистская эпистемология включает в себя две основные функции: 1) деструктивную и 2) конструктивную. В рамках деструктивной функции феминизм выдвигает критику культурных и психологических предположений подчиненного положения женщины в различных областях деятельности. Феминистская критика существующей культуры должна вместе с тем формировать новые принципы существования сообщества, работы, отношений, которые бы основывались не на патриархальной модели, а на идеалах сотрудничества. Конструктивная функция феминистской эпистемологии выражается в формировании новой системы знания, основанной на новом социальном контексте, новой трактовке характера женского труда и социального равенства. На пути феминистской программы стоят два фактора: 1) под контролем мужчин находится знание, которое необходимо для нашей повседневной жизни; 2) под контролем мужчин находятся основные ресурсы, от которых мы все зависим как личности. Личность можно определить как первичный конструкт внутреннего опыта, составляющий психооматическое единство, воплощенное сознание или одухотворенное тело. Личность является одновременно и субъектом деятельности (интенциональности, движения) и субъектом знания (восприятия, ментальности). Благодаря нашим взаимоотношениям с другими людьми мы сами становимся личностями. Личностный опыт — это результат взаимного общения людей. Существуют общества, например эскимосов, где личность наделяется чертами коллектива. В таких обществах не существует личностей, обладающих особыми чертами. Отдельные люди лишь разделяют черты своей группы или общины. В таких обществах

не существует и таких понятий, как независимость, неповторимость, гений и т.п.

В американском обществе значение понятий независимости и индивидуальной автономии, наоборот, преувеличивается. Мы не живем в качестве членов некоего космического или социального порядка – как это было в средневековой Европе – скорее мы стремимся сохранить свою собственную индивидуальность в рамках общества таких же независимых индивидуумов. В условиях патриархальной модели западного общества женщины стремятся отстоять свою собственную теорию личности. Феминистки развивают собственные представления об истине, добре и красоте. "Новая модель человеческого существования, основанная на идеалах авторитета личности и ее социальной зависимости, восприимчивости к ее индивидуальным различиям и красоте, может внести вклад в новое представление о личности" (7, с.171).

Эмили Грошольц (преподаватель философии в государственном университете, Пенн, США) (1), как и многие философы считает, что будущее всегда открыто случайности, в то время как прошлое подчинено необходимости. С точки зрения автора, человеческое прошлое во многих отношениях является такой же социальной конструкцией, как и будущее. Если бы все события прошлого были подчинены необходимости, то выбор, желание, практический разум следовало бы исключить из рассмотрения, и история превратилась бы в строгую теоретическую науку. Некоторые историки феминизма отстаивают подобную трактовку исторической науки, считая все остальные подходы идеологическими. Согласно этой позиции, если идеологические теории легко опровергаются фактами, то строгая теория не может вступать в противоречие с фактами, а лишь подтверждается ими. Сторонники данного подхода упускают из вида то обстоятельство, что исторические факты и теории – это социальные конструкции. Правильной моделью понимания для феминистской историографии должна быть не научная теория, а практическое размышление.

Какие цели преследует феминизм и феминистская историография, в частности? Мы стремимся изменить социальную реальность таким образом, чтобы женщины играли более активную роль в формировании этой реальности. Социальность не дана, а создается в процессе практического размышления. Практическое размышление – это диалектическая оценка моральной значимости действий, попытка определить следующий шаг своей деятельности. Если смысл поступков вырабатывается в процессе практического размышления, т.е. в процессе осмысленной социальной оценки действий, то такое размышление определяет саму суть социальных событий. Победа феминизма сама по себе не должна являться самоцелью, скорее построение новой социальной реальности подготовит почву для воплощения в жизнь феминистских идей. Практическое размышление нельзя назвать произвольным и анархичным, поскольку оно должно отражать практические потребности людей.

В чем заключается назначение историка? "Прошлое всегда накладывает свой отпечаток на настоящее, живет в настоящем и отчасти определяет условия действия в настоящем..." (1, с.176). События прошлого обладают смыслом лишь тогда, когда они связаны с событиями настоящего и будущего. Представители феминизма должны играть более активную роль в осмыслении событий прошлого, определять формы историографической науки. Прошлое столь же подвержено случайностям и опорам, как и настоящее. В противном случае, нам следовало бы изобрести Идеального Хроникера, который бы беспристрастно фиксировал все происходящие в мире события. Однако практическое размышление над событиями прошлого не означает, что каждый историк может говорить о прошлом все, что угодно. Подлинный ученый всегда соотносит свои выводы с предшествующей историографией, с имеющимся запасом исторических фактов. Серьезный историк (в том числе представитель феминизма) должен подчинять свою деятельность ценностям, принятым за абсолют. Мы не можем ни игнорировать историю, ни

допускать того, чтобы историю писали за нас другие. Вместе с тем мы не должны впадать в релятивизм, игнорировать исходные принципы историографической науки. Мы должны связывать нарушение прав женщин в прошлом с примерами более терпимого характера отношений между полами в настоящем. Чем более мы прибегаем к практическому размышлению, тем более мы осознаем тот идеал, который подкрепляет нашу критику и отдаляет нас от эпохи молчания. Феминистская революция, основанная на практическом размышлении, должна существенно отличаться от всех предшествующих революций своим исключительно мирным характером.

Список литературы

1. Grosholz E. Women, history and practical deliberation// Feminist thought and the structure of knowledge / Ed. by McCanney Gergen M. - N.Y.; L., 1988. - P.173-181.
2. Gergen K. Feminist critique of science and the challenge of social epistemology // Ibid. - P.27-48.
3. Sanday P.R. The reproduction of patriarchy in feminist anthropology. // Ibid. - P.49-68.
4. Tiefer L. A feminist perspective on sexology and sexuality // Ibid. - P.16-26.
5. Hubbard R. Some thoughts about the masculinity of the natural sciences // Ibid. - P.1-15.
6. Leibischer V. Knowledge as result of conflicting intergroup relations // Ibid. - P.142-151.
7. Young-Bisendrath P. The female person and how we talk about her // Ibid. - P.152-172.

Э.П.Васильева
О.В.Летов

ФЕМИНИЗМ И НАУКА

(Сводный реферат)

Fox Keller E. Feminist perspectives on science studies// Science, technology and human values. - Cambridge, 1988. - Vol. 13, N 3/4. - P.235-249.

2. Traweek Sh. "Feminist perspectives on science studies": Commentary // Ibid. - P.250-253.

Эвелин Фоко Келлер (Гарвардский университет) отмечает, что одной из целей феминистского движения является анализ понятия пола не как биологической, а как социальной характеристики человека¹). Феминисты надеваются, извлекая пользу из языка пола в научных исследованиях, выявить его последствия для познавательной и социальной структуры науки.

¹) Для различения этого в англоязычной литературе используются два слова: sex - обозначает биологический пол (т.е. анатомофизиологические различия), gender - пол как совокупность социальных характеристик и норм, предписываемых обществом людям в зависимости от их биологического пола.

Пол (gender) для современного феминиста – это грамматическая категория (типа – род женский, мужской), не секс, не социальная классификация. От первоначальной точки зрения на пол как на культурную норму, определяющую психо-социальное развитие индивидов, внимание феминистов вскоре обратилось к полу как культурной структуре, организующей социальные (и сексуальные) отношения между мужчинами и женщинами, и, наконец, к полу как основе сексуального разделения познавательного и эмоционального труда, которое отчуждает женщин, их работу и ценности, связанные с этой работой, от культурно-нормативных определений объективности, морали, гражданства и даже человеческой природы. "Таким образом, пол и половые нормы выглядят организаторами умовенных и логически последовательных карт социального миров, которые мы одновременно и населяем, и конструируем, даже тех миров, в которые женщины никогда не входят" (I, с.237). Это понимание стало отправной точкой современной феминистской критики науки.

Наука традиционно является миром мужчин, заставляя нас думать о ней как о частном случае мужской работы: работы с вещами, а не людьми, работы скорее в одиночку, чем в обществе, работы разума, а не чувств. Другими словами, ученые – это мужчины, выстроившие свое положение на противоположности полов, думающие, что женщины, чтобы работать в науке, должны учиться "думать, как мужчина". У них особенность их мужественности заключена скорее в уме, чем в теле (I, с.238).

Сейчас все изменилось. История женщины в науке приобретает новый аспект: с одной стороны, о теме "женщины в науке" снято табу; с другой стороны, эта тема обсуждается в форме, которая эффективно гарантирует маргинальность положения женщин в науке.

Современные феминисты в своем движении к справедливости задают вопрос, к чему пришло развитие науки благодаря

историческому исключению из науки не только женщин, но и всех ценностей, связанных с женским трудом. Риторика социального равенства использовалась, чтобы замолчать социальную, политическую и познавательную функции норм пола в той сфере, в которую сейчас допущены некоторые женщины. Пол как аналитический инструмент дает возможность видеть ценности, исключенные из универсальных норм на основании их тождественности "женскому" (т.е. "не-мужскому"), или ценности, утраченные в процессе дифференциации мира и его качеств на две противоположности – мужскую и женскую.

Но есть и другая трудность с классическим решением проблемы пола. Последние несколько лет мы все осознаем пути, с помощью которых эгалитарная риторика (в отношении пола и расы), увеличивая возможности для некоторых, может открыто продолжать или даже увеличивать неравенство для других. "Язык равенства сам по себе не гарантирует справедливости" (I, с.240).

Очевидно, что поскольку изменяется мир, постольку изменяются и нормы пола. Так, роль, которую идеалы определенного пола раньше играли в формировании современной науки и современного мира, не может не изменяться в этом мире, который и сам трансформируется благодаря явным успехам науки. Наблюдаемый в последнее время рост возможностей для женщин в науке первоначально был вызван отнюдь не требованиями феминистов, не надеждами, что женщины могли внести более мирные ценности в науку, а стал необходимостью из-за все возрастающей "мужской власти", которая выросла прямо из "холодной войны". Непосредственным толчком пополнения рядов сегодняшних женщин-ученых стали гонки в космосе.

Отход от традиционных моделей причинности выявляет второй источник трудностей для анализа вопросов пола. Многие ученые, привыкшие к простой причинной модели, преобладающей в естественных науках, считают, что феминисты, выделяя пол как аналитическую категорию, имеют претензии к при-

чинному приоритету пола в социальных формациях. На оаом деле именно анализ пола ведет к оспариванию традиционного предпочтения причинного первенства как взаимодействующей модели объяснения. Научные структуры (познавательные и социальные) также являются оложными взаимодействующими оистемами, и простая оценка о помощью объяснений (основанная на политике, военных и экономических интересах, эмоциональных потребностях или правде) не может удовлетворять (1, с.246).

"Мы (т.е. современная западная культура) развивали методы и технику науки для того, чтобы изменить мир" (1, с.247). История и социальные науки дают нам инотрументы, которыми можно эффективно его изменять. Новне представления, если они достаточно достоверны, могут обеспечить нао новыми моделями действий. Автор предлагает всем – мужчинам и женщинам, феминистам, социологам науки и естествовникам – включиться в преобразование мира, которое начинается вопросом, в каком мире мы хотели бы или могли бы жить.

Комментируя статью Фоко Келлер, Шарон Трэвик (университет в Райсе) выделяет четыре этапа, которые уже прошла история участия женщин в научных исследованиях. На первом этапе было признано, что "женщины в науке и технике" представляют собой оубъект. Главным аргументом в пользу этого является то, что дискриминация женщин-ученых и инженеров иррациональна и может быть рационально опровергнута. В основной поток исследовательской деятельности должна быть включена и важная работа женщин. Второй этап показывает, что различия мужчин и женщин в производительности труда, знаниях и т.д. могут быть использованы при разных подходах к социальным и экономическим ресурсам в школах, университетах и лабораториях. Многие ученые в социальных исследованиях науки и технологии знакомы с этими двумя исследовательскими программами, большинство находит их полезным и интересным дополнением к исследованию главного потока науки и техники. Работа на третьем этапе была оосредоточена на про-

олеживании эпистемологии пола в науке, показе того, как нормы пола формировали критерии знания в науке и технике. На четвертом этапе изучались различия научной и инженерной практики, которая никогда не может быть подчинена традиционной доминирующей эпистемологии.

Автор очитает, что в наше исследование конотрукции знания в науке и технике должна быть включена вся взаимозвязанная офера пола, раса, класса и национальности, что значительно обогатит это направление науки (2, с.252).

Э.П.Васильева

ПЛАТОН И ФЕМИНИЗМ

(Научно-аналитический обзор)

Феминистское движение переживает подъем, начиная с 1960-х годов. Движение за женское равноправие имеет глубокие исторические корни. Его идеологи обнаруживают первые попытки теоретического обоснования своих позиций в античной философии. Оправдываются слова Энгельса о том, что нам вновь и вновь приходится обращаться к достижениям своих древнегреческих учителей при решении современных проблем (I, т. 20, с. 369).

Первую развернутую трактовку вопроса о возможностях равного участия женщин и мужчин в общественных делах мы находим в диалоге Платона "Государство" (кн. У). В обширной литературе, вызванной к жизни феминистским движением, предложения Платона об изменении общественного положения и роли женщин стали предметом детального обсуждения, ввиду чего они приобрели такую актуальность, какой, по-видимому, не обладали на протяжении предшествующих тысячелетий. Платон оказался в этом вопросе, как и во многих других, впереди своего времени.

Каковы же идеи Платона о положении женщин в образцовом, или идеальном государстве, высказанные от имени учителя Платона – Сократа?

Образцовое государство должно быть, по Платону, основано соответственно идее высшего блага, или всеобщей справедливости, которая состоит в том, что каждый индивид, существуя ради целого (государства), делает то, "к чему он по своим природным задаткам больше всего приспособлен" (Гос. IV 433 а). Из этого вытекает необходимость общественного разделения труда, прежде всего – разделения всех граждан (соответственно их способностям) на три "класса" – условия: 1) философов-правителей; 2) стражей-воинов; 3) ремесленников и крестьян).

Наивысшая справедливость, по Платону, может быть достигнута лишь тогда, когда правителями в государстве станут философы, ибо только они способны овладеть высшей идеей блага (Гос. У 473). Этот класс очень малочислен, так как высшая идея трудно достижима и доступна немногим. Но именно философам должны принадлежать права устроителей государства, охранителей его основ, распорядителей всей его жизни. Соправители называют друг друга "товарищами по страже" (Гос. У 463 в).

Установленный в государстве порядок философы-правители поддерживают с помощью несколько более многочисленного класса стражей-воинов, единственная функция которых состоит в вооруженной охране государства и его порядков от внешних и внутренних врагов. К этому воины готовятся, совместно занимаясь физическими упражнениями и совершенствуя свое воинское мастерство. По аналогии Платона, философы властвуют, используя воинов словно сторожевых собак, не допуская, однако, превращения их в волков. Платон часто прибегает к таким аналогиям, принимая поведение животных в

качестве модели при определении общественных функций людей. Такие аналогии имеют хождение и в современной полемике в связи с распространением идей социобиологии.

Наконец, третий класс идеального общества – демиурги – обеспечивают общество всеми необходимыми материальными благами.

Грани между этими тремя классами не строгие. Одаренные и добродетельные дети низших классов должны выявляться и переводиться в высшие классы, а бездарные и порочные дети высших классов – переводиться в низшие. Отбор производится системой государственного воспитания и образования. Система эта направлена, в первую очередь, на то, чтобы выявить детей, способных стать философами, а затем тех, кто пригоден к тому, чтобы быть воинами. Платон вновь прибегает к аналогии: государство воспитывает будущих философов, как в пчелином рое воспитывается матка. Воспитание с детства пресекает дурные и прививает положительные наклонности, которые постепенно переходят в привычку (Гос. УП 518 е).

Система образования, по Платону, предполагает занятия гимнастикой и мусическими искусствами, к которым относятся арифметика, геометрия, астрономия и теория музыкальной гармонии. Постепенно выявляется наличие у учеников способности к диалектике (Гос. УА 537), от которой зависит возможность стать философом. Овладев с помощью диалектики идеей всеобщего блага, философы способны упорядочить строй своей души и строй государства (Гос. УП 540 а–в). Сравнение способностей мужчин и женщин к названным дисциплинам занимает заметное место в дискуссиях о равноправии полов.

Каково положение женщин в идеальном государстве Платона? Оно определяется, в первую очередь, тем соображением, что в интересах упрочения единства государства Платон считает необходимым отменить частную собственность и частную ("атомарную" – по современной терминологии) семью для высших классов, чтобы общество не разрушалось борьбой корыстных

любимых интересов – личных, семейных, групповых и т.п. На заре цивилизации Платон глубоко постиг причину враждебности между людьми и неустойчивости государств. Отсюда его революционные предложения: раздирающие общество ущемления будут устранены, если правителей и стражей лишить права на частную собственность. Государство снабжает их всем необходимым для жизни. Они совместно проживают в общих помещениях и совместно питаются; даже дети и жены у них общие. Временные брачные связи для производства наилучшего потомства организуются таким образом, чтобы лучшие сочетались с лучшими, как это делается при выведении ценных охотничьих собак и птиц, лошадей и т.п. (Гос. У 459 в). Родители не должны знать своих детей. Воспитание детей и образование берет на себя государство.

Женщины и мужчины совместно участвуют в производстве потомства. К каким другим занятиям они одинаково способны? Платона интересует, главным образом, вопрос, способны ли женщины быть правителями и воинами, т.е. способны ли они к занятиям, которые традиционно считались мужскими. Он ставит вопрос в самой общей форме: Способны ли женщины "принимать участие во всех делах" (Гос. У 453 а). Это зависит от того, каковы природные склонности женщин.

На первый взгляд природа мужчин и женщин "резко различна" (Гос. У 453 е), даже противоположна: при производстве потомства женщина (в отличие от мужчины) рождает и вскармливает ребенка. Но, по Платону, это не влияет отрицательно на способности женщины выполнять какие-либо обязанности или работу, как способность человека быть сапожником не зависит от того, лысый он или кудрявый (Гос. У 454 о–е). Платон снова ожидает, что ответ на вопрос покажет аналогия: у собак самки охотятся вместе с самцами, хотя рожают и вскармливают щенят (Гос. У 451). Если кто-либо станет утверждать, что во всякого рода занятиях мужчины в общем превосходят женщин (даже в традиционно женском поварском ис-

куостве), то вряд ли он сумеет оспорить утверждение, что найдутся многие женщины, которые "во многих отношениях лучше многих мужчин" (Гос. У 455 с). Многообразный практический опыт убеждает Платона и его литературных героев, что у мужчин и женщин "одинаковые природные оюйотва".

Далее Платон делает вывод о опособности женщин ко всякого рода деятельности (к какой опособны мужчины), необходимой для общества. В самом деле, женщины обладают самыми разнообразными задатками. Одни склонны врачевать, другие опособны к мусическим иокуоствам и т.д. Особенно важен вывод Платона о том, что "по отношению к занятиям, связанным с государственным устройством, у женщины нет никаких особенностей" (Гос. У 455 в). Одна женщина кротка, другая - яростна. Следовательно, среди женщин найдутся склонные быть воинами. "И одна склонна к философии, а другая ее ненавидит" (Гос. У 456 а). Таким образом, женщины смогут даже править. Вопреки законам обычаям своего времени Платон провозглашает тезис о пригодности женщин ко всем видам общепольной деятельности, вплоть до самых высших - политических и духовных - ее форм. Пусть женщины занимаются мусическими иокуоствами, участвуют в защите государства, но, делает Платон гуманную оговорку, "из-за олобооти их пола женщинам надо давать поручения более легкие, чем мужчинам" (Гос. У 457 а).

В целом Платон считает: для того чтобы мужчины и женщины могли заниматься одним и тем же делом, воспитание их также должно быть одинаковым (Гос. У 451 е). Это противоречит обычаю? Да, и покажется смешным, если, например, женщины вместе с мужчинами будут в обнаженном виде заниматься гимнастикой в палестрах. Платон предвидит такое возражение. Сравнение обычаев различных народов и времен убеждает его в том, что обычаи изменчивы, подчиняются общественной пользе. Обнаженными заниматься гимнастикой удобнее, поэтому такие занятия могут показаться смешными лишь

глупцам. Когда критяне и лакедемоняне ввели совместные занятия обнаженных юношей и девушек, они не побоялись насмешек (Гос. У 452 о-). Одинаковые занятия и воспитание женщин и мужчин, заключает Платон, "не противоречат природе". Наоборот, "противоречит природе то, что вопреки этому наблюдается в нашей время" (Гос. У 456 в-о). "Противоречит природе" приниженное положение женщин, потому что оно препятствует раскрытию общественного потенциала половины человеческого рода.

Совокупность приведенных мыслей Платона о равенстве мужчин и женщин принято характеризовать как эгалитаризм. Но нередко эгалитаристским идеям Платона противопоставляют иные его высказывания. Его позиция эволюционировала на протяжении всей его жизни, оставаясь все время глубоко противоречивой. Действующие лица его диалогов в своих беседах разносторонне отражают общественное мнение афинского общества своего времени. Положение женщин в этом обществе было подчиненным, а преобладающее отношение к женщинам - пренебрежительным. Оно оставалось таковым на протяжении последующих тысячелетий развития частнособственнического общества.

2. Отношение к эгалитаризму Платона в прошлом

Господствовавшее в афинском обществе мнение о женщинах выразил Аристотель в I главе второй книги своей "Политики". Сравнивая мужчину и женщину, он утверждает, что "первый по своей природе выше, вторая - ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве" (Полит. I 254 в I3-I5). Здесь же Аристотель подвергает критике положения Платона в его "Государстве" об общности детей, жен и имущества. По Аристотелю, реализация этих новшеств поведет к результату, противоположному тому, которого хотел Платон: вместо упрочения государства - к его гибели. "К тому, что

оставляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им" (Полит. I26I в 33-35). По мысли Аристотеля, если у человека не будет ничего собственного, то он равно пренебрежительно будет относиться ко всему.

Эти положения Аристотеля оставались преобладающими на протяжении тысячелетий и в теории, и в общественном мнении. Некоторые авторы (Э.Баркер и др.) высказывают мнение, что средневековая католическая церковь воплотила идеальное государство Платона и что иерархия попов, монахов и светских лиц соответствовала трем сословиям из "Государства" Платона. Но эта аналогия может быть принята во внимание лишь при условии, что вопрос о женской эмансипации относится к числу второстепенных (9, с.8). Правильнее говорить о влиянии на средневековую мысль другого диалога Платона "Тимей", в котором утверждается, что души трусливых и недостойных в других отношениях мужчин после смерти последних переселяются в женщин (Тим. 90е-91а). Это утверждение созвучно женоненавистничеству средневековой католической церкви. Вопреки христианской догме о равенстве всех "душ" положение женщин в феодальной Европе не улучшилось по сравнению с античностью; и эта догма не получила никакого отражения в структуре христианской церкви.

Но идеал Платона нашел отражение в сочинениях арабских мыслителей средних веков. В X в. аль-Фараби, опираясь на "Государство" Платона, выдвинул идею "добродетельного города", возглавляемого "калифом-философом", или "имамом-философом". Правда, в соответствии с догмой мусульманства, согласно которой женщина ниже мужчины, аль-Фараби игнорировал эгалитаризм Платона. Зато другой выдающийся арабский мыслитель Аверроэс (Ибн-Рушд) в XII в. отнесся с сочувствием к идее Платона о равенстве женщин и мужчин. В своих комментариях к "Государству" Платона (см. 5) Аверроэс ут-

верждал, что в арабских странах "способности женщин не известны", так как до сих пор они использовали лишь для производства потомства; в других же отношениях их способности еще не испытаны. По мнению Аверроэса, мужчины определенного класса должны общаться лишь с женщинами, получившими такое же образование, какое получили они сами (Коммент. 454, 3; 456, 9). Комментируя эти исключительно смелые для своего времени слова, Н.Блюстоун замечает, что великий арабский мыслитель в XII в. был более либерален в отношении женских прав, чем многие современные профессора, которые заявляют, что им якобы известны способности женщин, чтобы оправдать сохранение дискриминации женщин во многих отношениях (9, с.14).

Тщательное изучение диалогов Платона вновь начинается в XV в. — с расцветом неоплатонизма в эпоху итальянского Ренессанса. Но даже в эту пору подъема раннебуржуазного гуманизма с его девизом "Все для человека" великие люди, взявшие на себя труд первыми освободить человечество от средневековой "тьмы", не могут встать выше предрассудков своего времени в отношении женщин. Леонардо Бруни перевел на латынь некоторые диалоги Платона и его письма, но отказался перевести "Государство", ибо нашел идеи Платона об общности имущества и жен "оскорбительными" для читающей публики. Он боялся вызвать возмущение читателей. Заметим, что даже в XVIII в. в первом переводе "Государства" на английский язык Г.Спенсом (опубл. в 1763 г.) текст о равенстве женщин был опущен (9, с.34).

Объективное изучение идей Платона, тщательное восстановление его подлинных текстов характерно для XIX в. Выдающиеся переводчики Ф.Шляйермахер, Б.Джозетт и многие другие стремятся донести подлинную мысль Платона до европейского читателя. Но и в это время редко кто из комментаторов чистоосердечно приветствовал мысль о равноправии мужчин и женщин.

В буржуазном обществе женщины неудержимо втягивались в процесс производства. Но их неравноправное положение сохранялось, выражаясь в более низкой зарплате и отсутствии политических прав. Иным было положение в привилегированных кругах, где функции женщин ограничивались в большей степени кругом семьи, что нашло отражение в известной формуле Бисмарка: "Церковь, дети, кухня". В этих условиях враждебность к платоновскому эгалитаризму в образованных кругах сохранялась. Упорное, часто неотчетливо выраженное "сопротивление идее" равенства прав женщин и мужчин характеризует большую часть классической учености XIX–XX вв. (9, с.5). Это сопротивление поддерживалось тем обстоятельством, что ученые в подавляющем большинстве были мужчинами. Женщин среди них было очень немного. Это отражало факт охраняющего господства мужчин в обществе. Против замаскированного предубеждения труднее бороться, поэтому оно даже опаснее.

Переводы и комментарии XIX в. считаются классическими. Они до сих пор оказывают влияние на студентов и читающую публику. Поэтому они могут рассматриваться заодно с платоноведением XX в. (вплоть до 1970-х годов). Для всей этой литературы характерны сходные предубеждения против эгалитаризма Платона. Эти предубеждения подпадают под некоторую классификацию.

Один из способов умалить эгалитаризм Платона состоит в его замалчивании. Эгалитаризм Платона не нашел поддержки у К.Поппера, который, однако, осуждает тоталитаризм и авторитаризм Платона и то, что он называет его антигуманизмом, антииндивидуализмом и антилиберализмом, т.е. стремление принудить всех людей к определенному образу жизни независимо от их желаний. Платон, по словам Поппера, был намерен вернуть людей к патриархальному образу жизни. Наряду с этим Поппер развивает мысль, что до Платона в Афинах существовало прогрессивное демократическое движение,

характеризовавшееся гуманизмом и эгалитаризмом, которое представляли Демокрит, Антисфен, Перикл, софисты и др. Они признавали равенство "от природы" эллина и варвара, свободного и раба. Эта мысль Поппера поддерживает тезис, имеющий хождение в современном феминизме, что идея равенства мужчин и женщин следует приписать не самому Платону, а его учителю Сократу, от лица которого Платон выдвигает ее в "Государстве" (9, с.24).

Н.Блюстоун упрекает также советского автора В.Ф.Аому-а за то, что он обошел молчанием поставленный Платоном вопрос о праве женщин участвовать (наравне с мужчинами) в управлении государством (9, с.23). Правда, В.Ф.Аому в своих комментариях к "Государству" Платона (3, с.602 сл.) говорит о том, что, по Платону, женщины вместе с мужчинами и наравне с ними входят в сословие стражей-воинов; но он не сказал, что женщины могут быть также правителями-философами. В данном случае В.Ф.Аому не проявил должного внимания к вопросу о женском равноправии, что было оценено Н.Блюстоун как умаление эгалитаризма Платона и идеи равноправия мужчин и женщин вообще, ибо вопрос о равной причастности к власти есть главный вопрос, касающийся равноправия, так как власть есть главное средство его утверждения.

Другой способ дискредитации эгалитаризма Платона состоит в том, чтобы охарактеризовать его как "противоестественный" под тем предлогом, что "природа" женщин глубоко отлична от мужской. Как сказал З.Фрейд, "анатомия – это судьба", считая, что неравенство общественного положения мужчины и женщины предопределено биологической неполноценностью женщины. Сегодня такая позиция называется сексизмом, т.е. дискриминацией по признаку пола.

Более мягкая форма тех же взглядов – это "патернализм", т.е. представление, что женщина, как более слабое существо, нуждается в опеке со стороны мужчины.

Характерный представитель "патернализма" – окофордский ученый второй половины XIX в. Бенджамин Джоветт (см. 19),

который осуществил первый полный перевод на английский язык всех известных диалогов Платона. В 1870 г. он прочитал свой первый курс лекций о "Государстве" Платона. Но Джоветт не принимает эгалитаризма Платона, хотя и солидаризируется с его отдельными идеями. В частности, он полагает, что женщины (как и мужчины) нуждаются в более разностороннем образовании; что тем и другим равно необходимо физическое здоровье, а следовательно, и гимнастические упражнения. Далее, Джоветт признает возможность изменения существовавших в его время отношений между мужчинами и женщинами и то, что женщины способны играть более активную общественную роль, чем это было характерно для викторианской Англии. Но он считает, что Платон неправильно определил то, что следует считать "естественным" для женщин; что он не сумел выявить всех различий между мужчинами и женщинами, а именно различий в "уме и чувствах", в характере и т.п. Образование же должно соответствовать характеру каждого пола. Для женщин оно должно быть направлено к лучшему воспитанию детей (19, т.3, с.215-216). Таким образом, Джоветт против кардинального изменения общественного и семейного положения женщин.

Сходна позиция другого английского ученого Э.Баркера, который, признавая, что идея женского равноправия уже получила большой общественный резонанс, тем не менее полагает, что различия между мужчинами и женщинами более "глубоки", чем считал Платон, и что в этом вопросе Аристотель был ближе к истине. Материнство окрашивает все существование женщины, ее функция (которую она никогда не передает обществу) состоит в том, чтобы быть центром семейной жизни. Платоновские аналогии с животными хромают, так как человек неизмеримо более развит, период воспитания потомства у него несравненно более долг, чем у животных. Воспитание детей поглощает всю жизнь женщины. Незамужняя женщина может позволить себе заниматься общественной деятельностью, за-

мужняя же - нет (6, с.261). Представляется неоспорным, что Баркер отражает взгляды официального истеблишмента буржуазной Англии, игнорируя положение пролетарских женщин, занятых и на производстве, и в семье. В другой работе Баркер подчеркивает еще одну общественную функцию женщин. В их характере, по его словам, возбуждать в мужчинах "благородный энтузиазм, но не направлять политику или командовать полком" самим (как того хотел Платон) (7, с.148).

Критично относится к эгалитаризму Платона и еще один оксфордский ученый-классицист - Р.Неттлшип. Он не отрицает естественность эгалитаризма Платона. В самом деле, у мужчин и женщин одинаковые интересы, следовательно права и обязанности у них также должны быть одинаковыми. Но эгалитаризм в том виде, в каком его предлагал Платон, Неттлшип характеризует как нежелательный, ибо Платона не интересуют "права" женщин в современном смысле. Платон устанавливает для женщин новые обязанности, которые столь тяжелы, что они не приняли бы их добровольно. Обществу можно быть полезным не только в качестве правителя или солдата. Неттлшип отдает предпочтение идеалу женщины - помощницы мужчины. Мужчина и женщина должны не делать одно и то же, а дополнять друг друга (21, с.173, 174).

К числу самых коварных способов дискредитации эгалитаризма Платона Блостун относит тезис о том, что трактуя о женщинах-стражах, Платон хочет якобы не защищать идею женского равноправия, а высмеять ее. Так, И.Кромби прямо заявляет, что предложения Платона надо отнести к числу абсурдных (12, с.100-101). В самом деле, разве не абсурдна картина голых юношей и девушек, совместно занимающихся гимнастикой? Разве нельзя здесь уловить убийственного сарказма? Ведь известно, что Сократ был мастером высмеять оппонента.

Развивая этот подход, Л.Страусс и А.Блум утверждают, будто Платон хотел показать, что его учитель Сократ был

способен поспорить в искусстве омеа со своим насмешником Аристофаном, который в комедии "Женщины в народном собрании" пародировал демократическую идею равноправия женщин (9, с.44).

Один из способов принизить актуальность эгалитаризма Платона состоял в том, чтобы объявить его реализованным. Этому способу отдали дань представители различной идеологии. Сторонник женского равноправия Морис Круазе объявил, что идеи Платона о равенстве мужчин и женщин были осуществлены в довоенной Франции (1930-е годы) введением совместного образования (II, с.191). Но это был преждевременный оптимизм, ибо в высших учебных заведениях Франции было очень мало девушек-студенток. К тому же женщины во Франции еще не обладали правом избирать в высшие законодательные учреждения (9, с.53).

С другой стороны, немецкий профессор И.Баннер в книге о "Государстве" Платона пытался оправдать авторитетом Платона идеологию и политику фашизма. Он, в частности, пытался найти следы влияния Платона в гитлеровской работе "Майн кампф" (9, с.53). Но Гитлер хотел уравнивать мужчин и женщин лишь в одном - в отношении к военной и трудовой повинности и в подготовке к ее несению. В избранных высших учебных заведениях Германии в конце 30-х - начале 40-х годов не было женщин.

Длинному ряду авторов, у которых эгалитаризм Платона не нашел поддержки, противостояли лишь отдельные мыслители, возвышавшиеся над общим уровнем. Среди них - Д.С.Милль, Д.Гроут, Т.Гомперц, Б.Бозанкет. Д.С.Милль в работе "О подчинении женщины" (1860-е годы) (которая до сих пор остается ортодоксальным пособием для студентов) высказывая за улучшение положения женщин. Он оспорил мнение тех авторов, которые полагали, что они знают "природу" женщин и что буд-то бы женщины имеют то, чего они заслуживают. Милль утверждал, что мы не знаем "природу" женщин, ибо мы наблюдали

ее лишь в существующих условиях и она не имела возможности проявиться в разнообразных обстоятельствах. Мы должны искать новых доказательств того, к чему способны женщины. По поводу позиции Милля современный американский философ Р.Дженкинс замечает, что Милль увлек "поражительный феминизм Платона" (18, с.230).

Теодор Гомперц в работе "Греческие мыслители" (опубликована в Лейпциге в начале 1890-х годов) тоже выражает энтузиазм по поводу предложений Платона об эмансипации женщин. Более того, он требует эмпирической проверки способности женщин выполнять те или иные общественные функции, т.е. социального эксперимента, подготавливающего социальную реформу. На аргументацию противников женского равноправия по поводу того, что женщины до сих пор не создали шедевров в искусстве, литературе и других областях деятельности, сопоставимых с теми, которые создали мужчины, Гомперц отвечал, что женщины находились в худших условиях, чем мужчины, и что изменение социальных условий позволит устранить преобладание мужчин во многих сферах деятельности (9, с.68, 69). Этот аргумент Гомперца не потерял своей силы и в современной полемике между сторонниками и противниками женского равноправия.

3. Платон и феминизм 1970 - 1980-х годов

Интерес к эгалитаризму Платона резко повысился после 1970 г. Это связано с ростом организованного женского движения и его престижности, изменением социального положения женщин, появлением большего числа женщин в областях деятельности, которые длительное время оставались мужскими, - среди преподавателей университетов, комментаторов диалогов Платона и т.п. Женщины стали думать, что они "могут иметь все": семью, детей, профессию и т.п. Но положение женщин даже в развитых странах все еще нельзя признать равноправным.

Так, в США доступ к научной деятельности для женщин остается ограниченным. Статистика на этот счет такова: во второй половине 1980-х годов из 115 тью. профессоров университетов лишь 11 830 составляли женщины (т.е. около 1/10 их общего числа). Таким образом, жизнь разума — цель философии Платона — для женщин достижима далеко не в такой степени, как для мужчин. Это проливает свет на причины роста женского движения. Его участники ставят перед собой различные цели. Каковы сходства и различия между ними?

Н.Блюстоун относит к феминистам тех, кто: 1) признает, что на протяжении истории женщины угнетались; 2) требует, чтобы было установлено полное равноправие полов (9, с.87). Но не все феминисты требуют равноправия, ибо равенство прав предполагает равенство обязанностей. Не все феминисты хотят, чтобы женщина делала то же, что делает мужчина, ибо это привело бы к нивелировке полов, к утрате женщиной ее специфики, женственности и т.п. Такие считают, что к феминистам надо отнести тех, которые желают улучшения положения женщин — экономического, социального, правового, профессионального, семейного и т.п., предполагая, однако, что биологические различия между полами не позволяют устанавливать равенство между ними во всех отношениях. Они предпочитают говорить не о требовании фактического равенства, а о требовании равенства возможностей для мужчин и женщин, т.е. вопрос ставится не так, как у Платона (женщина обязательно должна делать то, что делает мужчина), а так, что женщина может делать то же, что и мужчина, если она этого хочет. Это различие осуществлено, оно соответствует различию между авторитарным и либеральным подходами (9, с.87).

В силу разных целей различны и подходы феминистов к оценке эгалитаризма Платона. Часто его трактовка служит исходным пунктом расхождений в позициях феминистов. Некоторые восхваляют Платона за "полный" эгалитаризм, другие осуждают его за то, что он не шел достаточно далеко. Вотре

настая и парадоксальные ситуации, когда отдельные феминисты возрождают аргументацию комментаторов — противников женской эмансипации, подчеркивавших биологические и эмоциональные особенности женщин. Как бы то ни было, платоновская аргументация возрождена в современных спорах. В связи с этим видный классикист Марта Нассбаум утверждает (1986), что лучшее познание учения Платона поможет дать ответ на вопросы, стоящие перед феминизмом: исчезнет ли мнение, что у женщин своя, специфическая сфера деятельности? Станут ли женщины во всем (исключая анатомию) подобны мужчинам? Произойдут ли радикальные изменения в структуре семьи (как предполагал Платон)? Какова должна быть мера в сочетании гражданских и семейных обязанностей женщин? Какое образование должны получать женщины и каков будет результат этого? Какова должна быть роль женщины в утверждении эмоциональной привязанности и мягкости в личных и общественных отношениях? (22, с.7).

Новые комментаторы "Государства" Платона — феминисты — критикуют комментаторов прошлых десятилетий и веков за предубеждения в отношении женщин. Они вновь подчеркивают идеи Платона о женщинах-правительницах, о совместном участии женщин и мужчин в управлении государством. Резкой критике подвергается и непоследовательность самого Платона в женском вопросе. Те, кто не считают эту непоследовательность существенной для концепции Платона, причисляют его к своим сторонникам или предшественникам. Другие же полагают, что противоречивость Платона позволяет оставить под вопрос его феминизм. Дело не обходится без запальчивости и крайностей. Иные объявляют Платона мужским "шовинистом" — одним из многочисленного рода философов, создавших мужскую культуру.

К первым относится Абигейл Розенталь. Она восхваляет Платона за беспрецедентный в прошлом "феминизм" (27, с.29). Марта Нассбаум ценит у Платона то, что он не придает большого

значения биологическим особенностям женщин при определении их социальной роли и полагает, что и в женщине дух торжествует над телом (25, с.447). Но другие авторы возражают: хотя Платон считал души вечными и бессмертными, но отнюдь не равными (9, с.86).

Представители другой стороны в споре осуждают Платона прежде всего за авторитаризм, т.е. за то, что Платон в идеальном государстве безусловно подчинял интересы индивида интересам государства, не предполагая свободы выбора индивидом выполняемой им в обществе функции. Сейчас мало кто рискует прослыть противником свободы выбора. Осуждается также элитаризм Платона, т.е. его забота лишь о двух высших классах. Это противоречит современному демократизму.

Аллан Блум заявляет, что даже в отношении высших классов Платон не проявляет заботы о женском равноправии, что функция женщин в его высших классах состоит лишь в воспроизводстве правящей элиты (8, с.318). Но это явное искажение позиции Платона, который считает, что женщины в высших классах должны делать все, что делают мужчины. Точку зрения Блума поддерживает все уменьшающееся число авторов.

Иногда Платона обвиняют в женоненавистничестве. Ведь, помимо идеи равенства мужчин и женщин в идеальном государстве в его диалогах много высказываний, принижающих женщин. "Мужской шовинизм" Платона стремится заклеить Элизабет Джейнуэй. Она оближает позиции Платона и Аристотеля (17, с.82). Джим Эльштейн указывает на то, что в идеальном государстве у Платона женщины остаются собственностью мужчин, несмотря на их обобществление (13, с.19). И это очень меткое критическое замечание. Ведь Платон не говорит об общности имущества, детей и жен, не преодолев, таким образом, до конца психологии мужчины-собственника.

Сторонник феминизма Брайан Кальверт предложил любопытный способ разрешения противоречий в высказываниях Платона

о женщинах: распределить все соответствующие высказывания по двум уровням. Он полагает, что в таком случае на философском уровне Платона можно признать эгалитаристом, на житейском же уровне - обычным мужским "шовинистом" (10, с.242-243).

В современных дискуссиях видное место занимает вопрос о том, какому фактору Платон придавал решающее значение в становлении характера - врожденным задаткам или воспитанию. Подход Платона оценивается в свете новейших тенденций в биологии и психологии, касающихся соотношения унаследованного и приобретенного под влиянием среды. Сьюзан Окин полагает, что для Платона воспитание - главная детерминанта характера. Поэтому в идеальном государстве женщины должны тренироваться наравне с мужчинами (23, 51). Но это одностороннее понимание Платона, у которого совместным тренировкам предшествует отбор одаренных детей, оценка их задатков. Скорее, у Платона имеет место признание важности обоих факторов, их взаимодействия.

В другой своей работе Окин подчеркнула радикальность идей Платона о положении женщин в обществе, их значимость для современных дискуссий. Она ставит Платона во главе длинного ряда мыслителей, взгляды которых мы должны отчасти усвоить, а в ряде случаев - преодолеть, если мы хотим изменения общественного положения женщин (24, с.40-41).

"Государство" Платона до сих пор занимает важное место в феминистских дискуссиях. Вновь, как и у Платона, ставятся вопросы о том, какое устройство общества, а затем и какие отношения между мужчиной и женщиной, какая система воспитания и образования для них соответствуют наивысшему благу для всех. Для решения этих вопросов привлекаются данные биохимии, генетики, неврологии, социобиологии, этологии (приматологии - в особенности), антропологии и т.д. Признается, что прогресс в сфере образования идет в том направлении, которое считал желательным Платон. Но еще оста-

ются значительные расхождения мнений по вопросу о том, какие изменения в обществе и семье желательны для достижения равенства социальных возможностей для мужчин и женщин.

Социобиологи спорят о том, станет ли людям лучше, если будут устранены частная собственность и атомарная семья. Однако современные исследования позволяют сделать вывод, что ни одна форма человеческого общежития не является биологически или как-либо иначе извечно обусловленной (31, с.160, 161). Это подтверждает возможность реализации предложения Платона об изменении формы собственности и семьи. Вместе с тем некоторые социобиологи считают (волею за Платоном), что культуру можно формировать на рациональной основе — с помощью награждений и наказаний, обучения и принуждения (30, с.575).

Но, замечает Блуктоун, желательно, чтобы революция в этих сферах была "мягкой" и могла найти широкую поддержку. Такая революция желательна, ибо существующие формы семьи и собственности приносят много страданий. Важным остается то, что увидел еще Платон, а именно: что изменения какого-либо рода желательны. Но нежелателен авторитарный способ изменения, который предлагал Платон, ибо этот способ тоже ведет к страданиям (9, с.193).

Еще ни один ученый аргументированно не опроверг мнения, что женщины способны принимать участие в управлении обществом, а следовательно, и в управлении его изменением. Мнение противников женского равноправия, будто женщины интеллектуально ниже мужчин, не подтверждается данными современной гормональной и мозговой биохимии. Не обнаружены никакие важные различия в строении мозга мужчины и женщины. Признано даже, что эволюция все быстрее стирает существующие различия в интеллекте мужчин и женщин. Исследования также показывают, что интеллектуальные различия между представителями одного пола значительнее, чем среднее различие между двумя полами (9, с.188). И это подтверждает осуществимость эгалитаризма Платона.

Из этого далее следует, что женщины и мужчины должны одинаково пользоваться плодами прогресса. Общество не может пренебрегать творческими способностями половины человеческого рода. И это впервые понял еще Платон. Но философия будет несправедлива в отношении женщин, пока они сами не станут философами, а общество будет несправедливо к ним, пока они не станут управлять обществом совместно с мужчинами.

Идеи Платона питали феминистские настроения на протяжении веков. Они породили обширную полемическую литературу по вопросу о женской эмансипации. Изучение и обсуждение идей Платона способствует лучшему пониманию прошлого и настоящего и открывает новые возможности для создания в будущем (9, с.18, 89, 195). История движения за женское равноправие лишний раз подтверждает это.

Список литературы

2. Гомперц Т. Греческие мыслители. — Спб., 1913. — Т.2. — 128 с.
3. Платон. Соч.: В 3-х т. — М.: Мысль, 1971. — Т.3, ч. I. — 687 с.
4. Annas J. Plato's Republic and Feminism // Philosophy. — L., 1976. — Vol. 1. — P.146-172.
5. Averroës. Commentary on Plato's Republic / Ed. by Rosenthal. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1966. — 336 p.
6. Barker E. Greek political theory: Plato and his predecessors. — L.: Methuen, 1947. — XIII, 403 p.
7. Barker E. The political thoughts of Plato and Aristotle. — N.Y.: Russel, 1959. — XII, 559 p.
8. Bloom A. Response to Hall // Polit. theory. — L., 1977. — Vol. 5, N 3. — P.302-325.
9. Bluestone N.M. Women and the ideal society: Plato's Republic a. mod. mythes of gender. — Oxford: Berg, 1987. — X, 238 p.
10. Calvert B. Plato and the equality of women // Phoenix. — Toronto, 1975. — Vol. 19, N 3. — P.67-91.
11. Croiset M. La République de Platon. — P.: Mellottee, 1946. — 241 p.

12. Crombie L. An examination of Plato's doctrines. - L.: Routledge & Paul, 1962. - Vol. 1: Plato on man and society. - XII, 395 p.
13. Elshtain J. Against androgyny // Telos. - St. Louis, 1981, - N 47. - P.209-262.
14. Elshtain J. Public man, private woman. - Princeton (N.Y.): Univ. press, 1981. - XVIII, 378 p.
15. Gould T. Platonic love. - L.: Routledge, 1963. - VII, 216 p.
16. Hall D. The Republic and the "limits of politics" // Polit. theory. - L., 1977. - Vol.5, N 3. - 246-263.
17. Janeway E. Powers of the weak. - N.Y.: Knopf, 1980. - 350 p.
18. Jenkins P. The Victorians and ancient Greece. - Cambridge: Harvard univ. press, 1981. - XII, 386 p.
19. Jowett B. Plato. The dialogues. - Oxford, 1875. - 175 p.
20. New York review of books. - 1984-1985.
21. Nettleship R. Lectures on the Republic of Plato... - L.: MacMillan, 1961. - II, 364 p.
22. Nussbaum M. Women's lot // New York rev. of books. - 1986. - Jan. 30. - P.7.
23. Okin S. Philosopher-Queen and private wives: Plato on women a. family // Philosophy a. public affairs. - Princeton, 1977. - Vol. 6. - P.47-64.
24. Okin S. Women in Western political thought. - Princeton (N.Y.), 1979. - 371 p.
25. Osbourn M. Plato's unchanging view of women // Philos. forum. - Boston, 1975. - Vol. 7, N 1. - P.115-137.
26. Popper K. The open society and its enemies. - L.: Routledge, 1957. - Vol. 1. - XI, 321 p.
27. Rosenthal A. Feminism without contradictions // Monist.-La Salle (Ill.), 1973. - Vol. 57, N 1. - P.438-474.
28. Saxenhouse A. The philosopher and the female in the political thought of Plato // Polit. theory. - L., 1976. - Vol. 4. - P.326-342.
29. Strauss L. The argument and the action of Plato's Laws. - Chicago: Univ. of Chicago press, 1975. - VIII, 186 p.
30. Wilson E.O. Sociobiology. - Cambridge: Harvard univ. press, 1975. - IX, 697 p.
31. Wilson P.J. Man, the promising primate. - New Haven: Yale univ. press, 1980. - XIII, 185 p.

ФЕМИНИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛИИ

Feminist interpretation of the Bible / Ed.
by Russell L.M. - Oxford: Blackwell, 1985. - 166 p.

Сборник статей, авторами которого являются теологи, преподаватели различных университетов США, состоит из трех частей: I - Критическое феминистское сознание, II - Феминисты за работой (практика феминизма), III - Критические принципы феминизма.

В первой части рассматривается вопрос о том, как женщины подошли к рассмотрению Библии с новой точки зрения, каковы предпосылки этого. Так, Б.Зикмунд, профессор истории религии в Университете Беркли (Калифорния), обрисовывает историческую перспективу феминистского сознания. Сильно изменившееся за последние несколько столетий положение женщин, считает она, позволяет говорить о возрастающем критическом феминистском сознании. По мере того как само-сознание женщин росло, изменялось их отношение к авторитетам, особенно к авторитету религии. Это новое понимание женщинами своего места в религиозных обществах и отношение к священному писанию можно назвать "критическим феминистским сознанием". Каковы истоки феминистского сознания и в чем оно выражается?

До начала XIX в. большая часть научных и теологических исследований велась с дофеминистских позиций. Считалось, что женский опыт не имеет отношения к интеллектуальному труду. Это был мир мужчин, и женщины были лишь его частью.

Постепенно женщины пришли к осознанию того, что их опыт недооценивается, и начали требовать изменений: в правовой системе, политике, социальной сфере и даже в церкви. Оппоненты движения за равноправие женщин использовали Библию для обоснования незаконности этих притязаний. Тщательное и буквальное толкование библейских текстов должно было выявить все различия между мужчиной и женщиной. Тот факт, что женщина была создана из ребра Адама, традиций, как доказательство ее подчиненного положения. В XIX в. многие женщины пытались компенсировать свое неравноправие, восхваляя роль женщины в обществе: женщины служат обществу как жены, матери, они привносят в мир любовь и христианские принципы. Такое понимание роли женщины было названо "мягким феминизмом" (*soft feminism*). В некоторых случаях это вызвало обратный сексизм, провозглашающий, что мир мужчин может быть спасен лишь путем феминизации.

К началу XX в. женщины отказались от "мягкого" феминизма и начали выступать за равноправие и "женские исследования" (*women's studies*). В области изучения библейских текстов женские исследования расширили женское понимание авторитета Библии. Помогая оценить место женщины в Библии и в ранней церкви, они вышли за пределы ортодоксальных установок, традиций, предлагая альтернативные образы женщин.

В середине XX в. женщины пришли к выводу, что недостаточно лишь реинтерпретировать Библию. Строго говоря, женские исследования затрагивали только те аспекты жизни, в которых женщины играли какую-то роль. Феминистское сознание, однако, этим не ограничилось, бросив вызов многим священным принципам и теории, и практики.

В наше время критическое феминистское сознание не всегда может позитивно определить свои цели, но всегда точно знает, против чего оно направлено. В. Вульф писала о дилемме, встающей перед женщинами, когда они пытаются войти в области, в которых ранее доминировали мужчины: "Давайте же никогда не перестанем думать – что это за "цивилизация", в которой мы находимся? Что это за профессии и почему мы должны зарабатывать на жизнь с их помощью?".

Конечная цель феминистского сознания – сделать доступными всему миру опыт и интуицию женщин.

Развитие критического феминистского сознания прошло путь от утверждения, что женский опыт не имеет значения, до убеждения, что он представляет собой норму. Были и есть люди, утверждающие, что различия между мужчиной и женщиной заставляют женщин искать свои сферы жизни и ответственности. Женщин рассматривали как существа подчиненные. Иногда положение женщин считалось равным или даже более высоким, оставаясь, однако, обособленным. Женские исследования отвергли этот двойной стандарт в обществе и предложили женщинам раскрыть неизвестные и неисследованные стороны их существования, исходя из равенства мужчин и женщин. На основе новых знаний оформилось новое феминистское критическое сознание. Современные феминисты ставят новые вопросы и выдвигают новые теории для обогащения религиозного понимания мужчины и женщины.

Профессор христианской этики в Йельской школе богословия М. Фарли затрагивает тему интерпретации Библии на основе феминистского сознания.

Для феминистов признание авторитета Библии как источника понимания человека и его жизни означает, что по крайней мере Библия содержит нечто большее, чем патриархальный взгляд на жизнь человека и поддержку сексизма.

Автор приходит к выводу о том, что возникновение феминистского сознания берет начало именно в Библии, как в ис-

точнике христианской этики, моральных принципов, идеалов, ценностей, ориентиров.

Каким же образом феминистское сознание проявляется в интерпретации Библии? Феминисты признают исторический характер человеческого знания и социальную основу интерпретации человеческого опыта. Библейское свидетельство признается феминистскими теологами аутентичным, но они исключают некоторые толкования (например, божественность императива о подчинении женщины). При этом разные интерпретаторы допускают разные подходы. В целом изучение Библии и ее феминистской интерпретации необходимы для того, чтобы найти ключ к пониманию процессов нашей жизни.

Феминистское толкование и интерпретация Библии развиваются и во второй части книги, но здесь это носит прикладной характер. Так, К.Сакенфелд дает обзор феминистского использования библейского материала в практике религиозных проповедей. Ш.Риндж поднимает тему освобождения, которая вытекает из истории "спесивой женщины". Ч.Экзем рассматривает новый подход к матерям в Израиле. Д.Сетел и С.Тротт-вейт анализируют связь древних преданий о современности, чтобы показать, как следует интерпретировать библейский материал для использования в борьбе против господства патриархального порядка.

В третьей части обсуждается вопрос об уникальности феминистской интерпретации. Р.Рутер разбирает вопрос о отношении между процессом самокритики в Библии и феминистским критическим взглядом на патриархальную идеологию библейских текстов. Э.Фиоренца разрабатывает феминистскую интерпретацию модели критической оценки. Л.Рассел обсуждает изменяющиеся взгляды на авторитет Библии.

Одной из интереснейших статей в третьей части книги является статья Р.Рутер, профессора прикладной теологии Евангелической семинарии Иллинойса. По мнению Р.Рутер, герменевтика и теологические рассуждения прошлого не учиты-

вали женский опыт. Женщинам было запрещено изучать, преподавать теологию и вести службу, они не только не допускались к формированию и интерпретации традиции на основании своего опыта, но сама традиция формировалась и интерпретировалась не в их пользу, таким образом, чтобы обосновать их отстранение.

Что же такое женский опыт и как его обобщить? Имеется ли в виду, что в силу биологических отличий от мужчин, у женщин особая "женская" психология, которую они привносят в библейскую герменевтику? Биологические различия, считает автор, сами по себе несущественны: речь идет о женском опыте, возникающем из социального и культурного подавления женщин в обществе, где господствуют мужчины.

В патриархальной культуре женщин окружает система представлений, отрицающих или принижающих их роль. Телесное присутствие женщин рассматривается как угроза мужской непорочности и как оправдание постоянного словесного и физического оскорбления. Их взгляды и суждения недооцениваются под предлогом того, что они по природе своей не наделены достаточным разумом. Таким образом их отчуждают от собственного сознания и предлагают принять это как норму, естественное и божественно санкционированное явление.

В попытке самоутверждения женщины ставят под вопрос культуру, которая их отрицает, и также постепенно от нее освобождаются. Феминистская критика обнаруживает сексизм и патриархальность не только в истории и современной христианской культуре, но и в Библии. Библия создавалась мужчинами в патриархальной культуре и многие ее откровения интерпретировались с патриархальной точки зрения. Последующая канонизация этих откровений опосредствовала укреплению патриархальных предубеждений. Таким образом Библия становится авторитетным источником оправдания патриархата в иудейском и христианском обществе.

В истории человечества мир богов использовался для освящения существующего общественного строя. Подразумевалось, что боги создали общественный строй таким, как он есть, чтобы одни правили, а другие олужили. Боги провозглашали законы этого общественного строя, поэтому он отражает их волю. Восстать против этого – значит восстать против богов.

Функция религии как освящения существующего общественного строя также представлена в Библии, особенно в Новом Завете. Однако Бог в лице прорицателя или прорицательницы часто выступает скорее о критикой, чем о освящении существующего положения. Такая критика общества включает и критику религии. Говорящие от имени Бога осуждают использование религии для оправдания несправедливости. Однако библейская критика социальной несправедливости не распространяется на подавление и угнетение женщин. Так, в иудейском овященном писании живо и трогательно говорится о социальной несправедливости, которую терпит, например, бедный израильский крестьянин от городского богача, поработенный еврейский народ – от великих империй античности. Но поражение личности в самой иудейской семье (особенно женщины и рабов) пророк или игнорирует, или оправдывает.

Ту же ограниченность можно наблюдать в критическом общественном сознании современных освободительных движений. Феминисты на Западе призывают к справедливости по отношению к женщинам, но то, что кажется важным для белых женщин, принадлежащих к "среднему" классу, часто мало интересует черных или бедных женщин. Или феминизм, ориентированный на христианство, обвиняет иудаизм в патриархате.

Сегодня феминисты и представители других освободительных движений ощущают необходимость в диалоге. Но ни одно освободительное движение не может претендовать на универсальную истину, ибо что является благой вестью для нас есть дурная весть для наших врагов, ибо может оделать их

такими же угнетенными. А это означает скорее новые страдания, чем построение нового общества, где нет ни победители, ни побежденных.

В процессе формирования и передачи прорицательского сознания как традиции его смысл также может искажаться, поскольку интерпретируется в другом социальном контексте. То, что однажды было критическим сознанием, направленным против установившихся традиций в одном контексте, в другом становится их оправданием.

Задача феминистской герменевтики, включает автор, в том, чтобы интерпретировать благой весть об освобождении как благой весть для женщин об освобождении от патриархата, утвердить эту теорию интерпретации как нормативную и необходимую для понимания веры и закрепить ее в коллективной памяти.

Е.Г.Руднева

ЛОВИБОН С.
ФЕМИНИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

LOVIBOND S.
Feminism and postmodernism // New Left
rev. - L., 1989. - N 178. - P.5-28.

Сабина Ловибон (Великобритания) анализирует возможность и целесообразность привлечения философских идей постмодернизма в качестве "теоретического союзника феминизма". По мнению Ловибон, постмодернизм не исчерпывается своим академическим философским содержанием (хотя именно это содержание в виде "кусочков текстуального исследования" работ Ж.-Ф. Лиотара, А. Макинтайра и Р. Рорти составляет исходный пункт размышлений автора). "Яростная приверженность", которой отмечены труды постмодернистов, позволяет рассматривать это явление в качестве "движения, определяющего себя посредством соотношения с современностью и противодействия ей" (с.8).

Такая дефиниция, на первый взгляд, свидетельствует об абсолютном различии целей и ценностей феминизма и постмодернизма. Если феминизм - это "типичное движение современности" в том смысле, что оно противопоставлено социально-историческим стереотипам, унаследованным от традиционного общества, то пафос постмодернизма составляет отрицание "изношен-

ных сюжетов современности". Тем не менее оба движения имеют некоторые точки соприкосновения, поэтому их возможный концептуальный альянс нуждается в критическом осмыслении с позиций феминизма. "Очарование постмодернизма" состоит в утверждении, что современность есть пройденный этап истории и культуры человечества, которое нуждается в новых формах сознания, соответствующих новым социальным обстоятельствам. Для феминизма столь же очевидна историческая обветшалость таких удерживаемых современностью социальных конструкций, как понятия пола и половой роли. Борьба феминизма за реальное равноправие полов означает признание того факта, что "социальная реконструкция, которую обещала модернизация, не завершена до сих пор" (с.12). Социальный проект современности оказался исчерпанным, так и не получив окончательной реализации.

Приступая к реконструкции академического постмодернизма, Ловибон отмечает, что "при его изложении в контексте политической и культурной теории достаточно часто негативной точкой отсчета выступает идея Просвещения" (с.5). При всем своеобразии философской рефлексии Лиотара, Макинтайра и Рорти, их концептуальные построения объединяет острое неприятие философского, нравственного и эпистемологического идеала Просвещения - представления о едином универсальном человеческом разуме как вневременном суде и непреходящей внешней ценности человечества, его истории и культуры. Философия Просвещения исповедовала принцип всеобщей моральной и интеллектуальной самореализации человечества, которое является универсальным субъектом единого исторического опыта. Политика выступает воплощением универсального разума на практике, с позиций абсолютной истины оценивается степень прогрессивности социальных и исторических тенденций. Идея универсального разума органично включала в себя телеологическое толкование исторического прогресса: цель интеллектуального и морального самосовершенствования чело-

вечества в ходе истории состоит в приближении идеала абсолютного консенсуса – познавательного, нравственного, социального.

Постмодернизм отказывая от концепции человечества как "единого субъекта", вместо идеала всеобщего единения были выдвинуты аргументы в защиту нравственного, политического и эпистемологического плюрализма. Важнейший тезис постмодернизма состоит в утверждении, что "оправдание" или легитимация канонов истины есть "вопрос практики, существование которой поддерживается посредством предположенности отдельных исторических обществ людей признавать именно это, а не то в качестве разумного основания для определенных верований или действий" (с.6). С этой точки зрения Просвещение представляет собой попытку установить связи между местными канонами познания и поведением, о том, чтобы подогнать их под общий идеал "абсолютного единства". Для постмодернистов, однако, очевидна сомнительность просветительского "принципа консенсуса как регулятивного дискурсивного идеала", который не работает сегодня по двум причинам. Во-первых, этот идеал "вышел из исторической моды", о чем, в частности, свидетельствует повсеместное поражение революционного социализма на Западе. Комментарии Макинтайра по этому поводу акцентируют "измученность" политической традиции марксизма; Лиотар рассуждает о конце ностальгии человечества по утраченным историческим сюжетам, включавшим, подобно марксизму, идею всеобщей эманципации как значимой цели исторического процесса. Во-вторых, идеал консенсуса сам по себе, безотносительно к историческим обстоятельствам, является "ложным ориентиром", поскольку смена неповторимых "языковых игр" человечества непредвиденна, случайна и самоценна. С точки зрения Рорти, социальный и интеллектуальный престиж, традиционно закрепленный за понятием исследования, должен быть передан акту конверсации. Для Лиотара "сердцевину всех вещей" со-

ставляет "мифология" или диапазон сюжетных архетипов, посредством которых культура направляет своих членов в русло их собственной идентичности. И мифология, и конверсация отнюдь не мыслятся здесь в виде единого, устойчивого отображения реальности, которое может претендовать на звание истины более, чем в контекстуальном или временном смысле слова. Именно эта негативная характеристика используемых терминов позволяет избрать их на роль "толкователей постмодернизма в области интеллекта".

История не имеет направления; во всяком случае человечество уже отказывается от намерения мыслить историю в терминах телеологии. В противоположность идеалам Просвещения легитимация канонов есть локальный процесс, неизбежно связанный контекстом. Подавление одного локального критерия другим не может быть интерпретировано как приближение к критерию абсолютному; смена языковых игр – это "исход самовопрошения той или иной отдельной традиции" (с.8).

Постмодернистскую интерпретацию легитимации нередко называют современным оппонентом платонизма, подразумевая учение Платона о трансцендентности истины, выходящей за пределы любого из своих осязательных критериев. Постмодернистский скепсис в отношении платоновой истины распространяется также и на его представления о диалектике как методе достижения этой истины. Диалектический процесс мышления предполагает получение позитивного и окончательного результата (или "совокупности верований, которые статичны и не подлежат дальнейшему совершенствованию") при помощи негативного метода, состоящего в непрерывном поиске и элиминации противоречий (с.8). Идеал диалектического познания – достижение абсолютного, "несокрушимого" знания, совершенства которого делает невозможным дальнейший прогресс познания. Постмодернистский идеал познания как конверсации, напротив, обладает ценностью бесконечного продолжения и продвижения вперед то с помощью достигнутого согласия, то путем волнующих расхождений.

Постмодернистская критика платоновой диалектики означает неприятие еще одного аспекта Просвещения – концепции "позитивной свободы". Диалектический способ познания предполагает одновременное совершенствование его носителя, который с каждым шагом в сторону трансцендентной истины приближается к идеалу "интегрированного" или "централизованного" субъекта опыта. Автономия или "позитивная свобода" понимается при этом как свобода от воздействия любых иррациональных элементов на достигнутый уровень интеллектуальной целостности. Логическим продолжением подобного понимания автономии является вывод о трансцендентности свободы, которой обладает лишь идеально интегрированный носитель абсолютного разума. Классический "интегрированный субъект" Просвещения был освобожден (в идеале) от аффектов и страстей; позитивная свобода его современного потомка означает освобождение от внешних условий бытия, препятствующих его самореализации (путем познания экономических законов – в марксизме или осмысления истоков мужского социального и культурного доминирования – в феминизме).

Отказ модернизма от идеи свободы как трансценденции является естественным следствием его критики рационализма. Этот критический пафос близок многим сторонникам феминизма, которые усматривают в рационалистической доктрине позитивной свободы козвенное оправдание "одной из самых печально известных aberrаций европейской культуры" – ложную интеллектуальную ассоциацию природного и женского начал (с.12). Свойственное рационализму противопоставление сознания природе выразилось в стойкой философской традиции, связывающей природу с превращенной имманентностью, конечностью и хаосом "воплощенного бытия". Сменявшие друг друга философские схемы от Платона до Гегеля разделяли общее представление (или общее заблуждение) о том, что путь к автономии человека, т.е. его движение от природы к свободе есть путь вывобождения мужчины из-под иго сковывавших его условий изначальной воплощенности. Символами этой воплощенности выступили

атрибуты традиционной феминности: материнское лоно, семья, дом, быт. Рассмотренная под этим углом зрения, просветительская риторика "эмансипации" выглядит "соучастницей фантазии освобождения" от груза воплощенности, и любая философская концепция, которая подвергает ее критике, заслуживает внимания феминистов. Таким образом, "общая холодность в отношении одного из ключевых компонентов идеала Просвещения составляет очевидный момент конвергенции феминизма и постмодернизма" (с.10).

Другой аспект вероятной теоретической ценности постмодернизма составляет его плюралистическая или локальная концепция разума. Одним из важнейших этапов теоретического развития феминизма Ловибон считает осмысление того факта, что социальные системы ценностей и связанные с ними представления об эстетическом, интеллектуальном или нравственном совершенстве носят идеологический, т.е. переходящий характер. Натуралистическое (или материалистическое) изучение социальных институтов, включая институты образования, продемонстрировало неоднозначную роль разных социальных групп в деле "определения стандартов" и ценностных норм. То, что еще недавно именовалось обладающим объективной или универсальной ценностью, оказалось "опосредованным, почти некончаемым процессом социального научения" здесь и теперь (с.13).

Приведенные рассуждения дают немало оснований для признания феминизмом постмодернистской концепции плюрализма разума. Тем не менее Ловибон предостерегает от преждевременных оптимистических выводов, предлагая для "критического обсуждения" три темы философствования, которые позволят проследить "отчетливо-постмодернистские" способы социально-философской реализации данной концепции. Эти темы или тенденции можно условно обозначить как динамический плюрализм, тихий плюрализм и плюрализм склонностей.

Для иллюстрации первой тенденции автор выбирает тезис Лиотара о "потускнении великих сюжетов современности", кото-

рый, по ее мнению, проливает свет на проблему постсовременного ментального здоровья человечества. Динамический плюрализм – это вызов постмодернизма в области психологии мышления. Согласно Лиотару, рационалистический идеал корректирующего консенсуса, который в должном направлении ориентирует языковые игры человечества, постепенно утрачивает свое влияние на коллективное воображение. Сегодня важнейший мотив интеллектуальной деятельности составляют вероятные благоприятные последствия "способности к представлению с помощью сложного концептуального и материального механизма" (с.14). Причем его носители не располагают более каким-либо метаязыком (или метасюжетами) для формулировки конечной цели и надлежащего использования этого механизма. В этих условиях "рационалистическое требование легитимации предполагаемого отрезка "знания" вытекает из безграничного поиска дискурсивной новизны" (с.14). Господствовавшее прежде убеждение, что миф имеет некоторое "место назначения", где ей уготованы покой и отдых, следует расценивать как неадекватное ментальным условиям постсовременности. Аутентичное постмодернистское сознание экспериментально, воинственно и "жестко", оно лишено утешения "единства вкуса" и коллективной ностальгии по недостижимому. Постмодернизм, заключает свои рассуждения Лиотар, есть развитие модернизма в рамках общего стремления к отчетливой артикуляции опыта бытия, лишённого порядка и направления. Однако это стремление реализуется в границах двух разных типов сознания. Модернизм не выходит за пределы "проекта Просвещения", изображая когнитивное мастерство современности как шаг на пути к его завершению (с помощью марксистской революционной формулы принудительно-коллективного "оформления" хаоса). Постмодернизм вовлекает человечество в дискурсивный водоворот без цели обретения *terra firma*.

Адекватная реакция феминизма на постмодернистское "низвержение в Мальстрим" требует, по мнению Ловибон, обра-

щения к философским предшественникам его антирационализма, одним из которых она считает Ницше. Ловибон усматривает ряд параллелей в интеллектуальных новациях постмодернизма и рассуждениях Ницше о "второй невинности" человечества, которая последует за "омертвевшим Богом". Эти параллели охватывают такие аспекты их философской аргументации, как критика диалектической "элиминации противоречий", неприятие идеи абсолютной истины как способа эпистемологической и социальной регуляции, наконец общее стремление "преодолеть современность во всем ее анархическом уродстве" (с.17). По Ницше, это преодоление вовсе не требует реализации политических амбиций Просвещения; оно предполагает выздоровление человечества, которое должно порвать с современными наследниками Бога – идеалами морали, разума, истины.

Ницшеанское толкование "современности" объединяло эгалитаристские тенденции двух последних столетий – либерализм, социализм и феминизм. Причем последний обладал для Ницше не только своим непосредственным негативным смыслом движения за окончание "войны полов"; это был также способ философской дискредитации всякого рационалистического демократического движения как явления, лишённого атрибута мужественности (т.е. любви к опасности, приключениям и войне). Ницше подчеркивал, что его идеи в принципе "враждебны... всякому феминизму (или идеализму, если мы предпочтем это слово)" (с.18). Иными словами, он использовал термин "феминизм" "в качестве сокращенного способа обозначения ментального бедошия, которое, он верил, открыто за работой преданности мифу идеалам истины, реальности и добра" (с.18).

Анализ ницшеанских мотивов постмодернизма не ограничивается оферой профессионального философского интереса, считает автор. Результаты историко-философского экскурса позволяют сделать вполне практический вывод: изучая постмодернизм, сторонники феминизма должны быть внимательны к

малейшим признакам "потворства коллективной фантазии мао-кулининого фактора" (с.19). Это значит, что, отвечая на призыв Лиотара покончить с тоской по утраченному рационалистическому единству человечества, следует помнить о геноа-логическом методе Ницше: в чьих "интересах пола" раздается этот призыв?

Тихий плюрализм постмодернизма связан с социальным аспектом его критики современности – это "открытие заново обычного и локального". Анализ этой тенденции с позиций феминизма позволяет обнаружить скрытое противоречие в рассуждениях постмодернистов, которое состоит в негласной уступке принципу легитимации (эпистемологической и моральной). Отказавшись от абсолютных Истины и Добродетели, постмодернисты тем не менее постулируют "способность дискурсивных сообществ к самокритике в принципе", допуская возможность саморефлексии в процессе "замкнутых языковых игр" (с.20). Поскольку не назван качественный критерий, который позволил бы установить принципиальную разницу между совершенствованием истины локальной и стремлением к истине абсолютной, то, по мнению Ловибон, ничто не мешает рассматривать тенденцию Проувещения к безграничной диалектической ревизии теории и практики как "предельное выражение нынешней аргументации" (с. 20).

Смягченный вариант постмодернизма в той же мере непригоден для целей феминизма, как и его жесткая "ницшеанская" разновидность. Подтверждением этому может служить моральная эпистемология Макинтайра, которая наиболее ярко демонстрирует уязвимость постмодернистского ренессанса локального и обычного. Макинтайр выступает против либерального индивидуализма современности и соответствующего ему "современного "я". Эмансипация человечества от оков традиционализма оказалась равносильной лишению человека его истинной сущности, считает Макинтайр. В масе социальных ролей, принимаемых на себя "современным" "я", нет ни одной,

утрата которой была бы для него ощутимой потерей. Ницшеанскому сверхчеловеку, который олицетворяет для Макинтайра вершину либерального индивидуализма, он противопоставляет неоаристотелевскую программу "гражданственности и моральности". Призывая человечество "остановиться в своем преследовании целей моральной и политической трансценденции", Макинтайр предлагает ему "посвятить себя созданию локальных форм сообществ, которые смогут поддерживать гражданственность, нравственность, интеллектуальность" (с.21).

С позиций феминизма постмодернистская апология локального и обычного выглядит "вялой утопией". Движение, которое ставит своей целью радикальное преобразование существующей половой асимметрии, рано или поздно будет вынуждено поставить под сомнение священные для постмодернистов рамки локального. Основная слабость социального идеала постмодернистов – отсутствие четкой программы его политической реализации. Осуществление действительного равенства полов невозможно вне практического решения таких классических гуманистических проблем (или устаревших привычек сознания – в терминах постмодернизма), как вопросы власти, собственности, труда. Анализ структурных причин сексуального неравенства несовместим с аморфной позицией, которую занимают постмодернисты.

Постмодернизм, таким образом, стоит сегодня перед выбором: либо признание интересов феминизма, реализующего рационалистическую идею социальной реконструкции, либо догматическое подтверждение существующих альтернативных аргументов.

Косвенным свидетельством склонности постмодернизма к последнему из названных путей могут служить размышления Макинтайра о сюжетных архетипах или мифологии, с помощью которых осуществляется введение индивида в границы его культуры. Элементы "эффективной мифологии" Макинтайра (заимствованные из Библии, сказок братьев Гримм и латинских и греческих классиков) включают лишь один образ женской лич-

ностной идентичности – образ оварливой мачехи. Сюжетные архетипы Макинтайра заранее исключают такие варианты личностных ролей постсовременной культуры, как активист, борец или радикал. Согласно логике постмодернизма, подобные роли, базирующиеся на моральных фикциях Просвещения, могут обеспечить их носителям лишь псевдоидентичность. Идея протеста о неизбежности ведет к концепции личностной добродетели, тяготеющей к трансцендентной моральной истине, поэтому она неприемлема в качестве жизненной модели постсовременности. Цель аргументации Макинтайра, подчеркивает Ловибон, состоит в том, чтобы преградить путь развитию любой политической теории, принудив политических теоретиков вернуться в "идеологически насыщенное лоно мифологии", т.е. в царство сюжетных архетипов существующего общества. Между тем реальный набор "местных архетипов" носит еще более антифеминистский характер, чем мифология Макинтайра.

Понятие плюрализма склонностей выражает постмодернистскую альтернативу рационалистическому идеалу позитивной свободы и интегрированного субъекта. Квинтэссенцией этого аспекта философии постмодернизма Ловибон считает защиту непосредственной чувственности или идею субъективности как подвижной и преходящей социальной (дискурсивной) конструкции. В последние годы эта антирационалистическая тенденция завоевывает все большую популярность среди британских социалистов и феминистов, которые выступают с критикой традиционного морального элитизма левого феминизма. Предпосылкой для такой критики послужило разочарование в некогда модной концепции "ложного сознания". Эта концепция подразумевала критическое осмысление любой эстетической или эмоциональной склонности индивида с позиций феминистского прочтения существующих отношений между полами. Ловибон полагает, что участвовавшие призывы со страниц феминистских изданий положить конец старомодному моральному и эстетическому ригоризму и пренебрежению истинно женским удовольствием нравиться

свидетельствуют о глубоком пессимизме, охватившем некоторых представителей движения. Возможность личности быть источником и субъектом наслаждения "представляет собой предмет политической оценки" (с.27). Поэтому реализация "подвижной субъективности" в обществе с половой асимметрией немаловажна вне политических действий, которые принесут женщине более высокое наслаждение привлекательности как человека – в отличие от нарцисстического удовольствия по стандартам половой привлекательности.

Завершая свой скептический очерк постмодернизма, автор акцентирует глобальный характер феминизма как движения, несовместимого с узкими рамками "местных политических программ". С этой точки зрения "движение обязано рассматривать себя скорее как компонент или боковую ветвь модернизма Просвещения, нежели в качестве одной из весьма "волнующих топографических особенностей" постмодернистского пейзажа" (с.28).

Е.В.Якимова

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ФЕМИНИЗМА КАК ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ ЗА РУБЕЖОМ

(Обзор)

Для феминистской литературы 80-х годов характерен критический анализ изданной в 70-е годы литературы, при этом особое внимание уделяется феминистскому направлению в науках, или, иными словами, феминистской науке. Что же такое феминистская наука? Здесь, как и относительно определения феминизма в целом, существует довольно значительный "веер" мнений. Однако в 80-е годы все большее число ученых склонны называть феминистскими отнюдь не те исследования, предметом которых является женщина. Речь идет совсем о другом. Для все большего числа идеологически не ангажированных ученых становится очевидным однобокий, сексистский характер традиционной социальной науки, изучающей не человека вообще, а мужчину; не общество в целом, а "мужское" общество, оставляющее за рамками женщин и их мир. Научный феминизм выступает с критикой современных общественных наук, показывая их заблуждения, мешающие выработке альтернативных общественных перспектив. Термин "феминистская наука", считает социолог М.Эйхлер, имеет смысл только в условиях существования сексистской науки в целом. Если бы не было сексизма в науке, то феминистская наука была бы

бессмысленна. Феминистская наука против сексизма. Но нужно точно показать сексистскую науку с тем, чтобы янее понимать цели и природу феминистской науки. Для сексистской науки характерен ряд моментов. 1. Большая степень невидимости к женщине, а выводы и теории предлагаются в таких общих терминах, что применимы только к человечеству в целом. 2. Женщин принимают во внимание только в том случае, если они становятся нужными мужчинам или в связи с жизнью мужчин, а не благодаря их собственной значимости как людей. 3. Иногда появляется анализ обоих полов, но при этом мужчины обычно изображают как норму, а женщин - как отклонение от нормы. 4. Сексистское содержание находит свое отражение в сексистском языке, например, мужской род местоимения "он" и мужской род понятия "человек" и т.д. 5. Сексистская наука сознательно придерживается понятий о принципиальном различии, даже противоположности мужской и женской природы. Так, одно и то же поведение или ситуация, где действуют мужчины и женщины, оцениваются различно в зависимости от пола действующего лица. Таким образом, двойной социальный стандарт постоянно присутствует в сексистской науке. 6. Придерживаясь сексистских понятий человеческой природы и пользуясь двойным стандартом при оценке научных достижений, сексистская наука сама становится одним из факторов поддержания половой стратификации, на основе которой такая наука сформировалась и придерживается этого принципа до сих пор (2, с.115).

Современная феминистская наука, выступая против сексизма в науке, ставит перед собой две задачи: показать, что применяемые сейчас научные методы и теории оказываются сексистскими, идеологически ангажированными и потому ненаучными, необъективными; попытаться выработать новые методы и создать новые социальные теории, свободные от недостатков традиционной науки.

Феминистская наука, по заявлению Эйхлер, находится в начале своего развития: "Мы еще в процессе расчистки поля, необходимого для того, чтобы увидеть, какое здание нам нужно построить на месте разрушаемого... Цель феминистской науки — создать науку, ответственную за поведение всех людей, мужчин и женщин. При этом всякое эмпирическое утверждение, ведущее к теоретическому положению, должно иметь в виду субъектов-женщин, а не только мужчин. Любая теория, претендующая называться общей, должна быть в состоянии объяснить поведение не только мужчин, но и женщин. Нельзя считать нормой поведения мужскую модель и на ее фоне оценивать модель женского поведения. Нужно унифицировать эти нормы, сделать их подлинно человеческими. Теоретические и эмпирические утверждения должны касаться как мужчин, так и женщин, а для этого нужно создать такие условия, когда язык не будет исключительно мужским. Местоимения и существительные мужского рода не должны быть понятиями рода (например, говорят "история человека" — мужчины, но не история людей"¹⁾). Такой язык привержен сексизму, и этот сексизм переходит в теорию... Нужно перестать называть культуры, ценности, нормы, характерные модели поведения мужскими и женскими. Прилагательные "мужской" и "женский" нужно использовать только как признаки эмпирически устойчивых конфигураций переменных, различающихся по полу, а не как устойчивые характеристики. Ведь мужественность и женственность не порождаются сами собой, а возникают в том или ином социальном контексте; они имеют не биологическую, а социальную природу. С изменением общества содержание мужественности и женственности меняется, как, например, меняется значение нормы и отклонения от нормы. Поскольку нельзя иметь представления о нормальности, не являющегося специфически культурным понятием, нельзя иметь универсальное поня-

¹⁾ Во многих языках человек и мужчина называются одним словом, а женщина — другим. — Прим. реф.

тие мужественности и женственности. Нужно покончить с представлением о женщине как об объекте, существующем для связи между людьми, или о вещи, прикрепленной к мужчине. Нужно способствовать пониманию, что женщина — субъект истории и ее творец в той же мере, как и мужчины. Нужно рассматривать действия не как взаимоисключающие друг друга, а видеть их как один процесс. Рациональность и эмоциональность нужно рассматривать как два совместимых качества процесса (иногда под этими качествами подразумевают инструментальность и экспрессию). Эти качества составляют один неразрывный процесс, свободно развивающийся и соотносимый с любой деятельностью. Нужно отойти от взгляда на семью как на функциональную единицу, а думать о ней как о сложной модели отношений между различными исполнителями специфических ролей: жены, мужа, детей, родителей, бывшего мужа, отчима и т.д. Пора называть работой всякую работу, оплачиваемую или неоплачиваемую как мужчиной, так и женщиной. Наличие или отсутствие оплаты — это один из способов определения категории работы. Такой способ зачастую вреден. Возможно, наиболее подходящим способом определения категории работы могла бы стать оценка ее социальной полезности. Тогда в круг социально полезного труда вошла бы та работа, за которую сейчас не платят, а некоторые виды оплачиваемого сейчас труда оказались бы вне сферы социально полезной деятельности. Нужно покончить с половой стратификацией, так как она мешает созданию нормальной, здоровой личности, нельзя делить людей по признаку социальных классов, как это делают до сих пор, и нельзя не потому, что нет социального неравенства, — оно, несомненно, есть, но классовый анализ не включает в свою сферу женщин, а потому несоостоятелен, классовый анализ не включает в себя половую стратификацию общества, так как внутренняя логика такого рода анализа делает его закрытой системой. Однако, половая стратификация реальна, универсальна, а классовая часто существует только теорети-

чески. Не все общества (можно указать примитивные общества) имеют социальные классы, но всем им свойственна социальная половая стратификация. Поэтому можно считать, что пол — это более основательная переменная социальной стратификации, чем класс. В связи с этим встают задачи начать переосмысливать, во-первых, всю модель социальной стратификации и, во-вторых, понятие пола в социальных науках. Эйхлер отводит феминизму ведущее место в этой деятельности.

Отмечая, что феминисты ведут исследования очень широкого круга вопросов, Эйхлер все же считает, что их труды выполняют в основном три функции: критику существующей социальной структуры и способов ее осмысления; выполнение функции корректирующего механизма через предложение альтернативных вариантов этих структур; разработку основ для преобразования общественной науки и общества. Таким образом, критика, предложение альтернатив и меры по преобразованию общества предлагаются как логическая последовательность. Предполагается, что такой процесс протекает постоянно. Критика, считает Эйхлер, может быть эффективной только в том случае, если она в состоянии породить более продуктивную альтернативу. Вслед за этим возникает возможность улучшить общественную науку (а затем и общество). Чтобы критиковать, нужно иметь способность видеть, а чтобы быть способным видеть, надо критически относиться к существующей ситуации. Вся критика должна опираться на факты, которые можно осмыслять как постоянно имеющие место на разных уровнях. Эйхлер утверждает, что феминисты уже достигли успеха в первом цикле — в критике, предшествующей преобразованию. Теперь они находятся в той точке, с которой можно начать следующий этап программы, но уже на основе ранее проделанной критической деятельности. "Феминизм и борьба с двойным стандартом в науках должны стать частью нашего социально-политического и научного миров", — заключает Эйхлер свой анализ феминистской науки.

Конкретным примером попыток разработки несекоистской социологии является сборник "В процессе феминистского исследования". Это своеобразный отчет о работе социологов, стоящих на позиции феминизма или феминистской критики социологии, или того и другого. Исследуемые проблемы сами по себе социологические, а данного рода отчет о результатах их исследований может дать студентам живое представление о ходе подобной работы, хотя в ряде статей отрицаются условности социологических методов исследования, предлагаемых учебными пособиями. Книга "В процессе феминистского исследования" (I) предлагает читателям дискуссию по практическим, методологическим, теоретическим и этическим вопросам, поднимаемым как раз в тот момент, когда в социологии делаются попытки решить их с феминистских позиций. В начале книги исследуются термины "феминистская или несекоистская методология" и указывается на возможные ошибки в формулировании целей исследования такого рода и о вытекающей из этого омоничности результатов.

Преодолеть старые методы исследования, отмечают авторы сборника, — это значит не просто преодолеть какие-то технические трудности, а выступить против старой теории и старой системы ценностей. Обычно сексизм как идеология отождествляется с властью мужчин. Эта идеология оправдывает распределение преимуществ, основанное на половой стратификации общества, но при этом скрывает такое положение дел. Более того, сама репрезентация женщин в культуре носит жестко лимитированный характер, их опыт здесь практически не учитывается. "Феминизм, — считает Э. Роберто, автор предисловия и первой главы книги, — это прежде всего попытка настоять на том, чтобы принимали в расчет опыт женщин и само их существование. Поэтому феминизм — это важный признак идеологического конфликта, а не просто "беспристрастной" или "бесценностной" методологии" (2, с. 16).

Дороти Смит подчеркивает, что основная ограниченность традиционной социологии заключается в том, что женщине отводится второстепенная роль, ее часто игнорируют, не замечают. О женщинах говорят только как об имеющих отношение к миру, управляемому мужскими принципами и интересами.

"Женщины-социологи в той или иной мере принимают такое положение вещей, и в соответствующей этому согласию степени они отчуждаются от своего собственного личного опыта. Они говорят на чужом языке и выбирают методы, которые их самих исключают" (3, с. II).

Феминисты настаивают на необходимости создания рефлексивной социологии, где социологи-женщины имели бы свою собственную позицию и имели бы возможность ее выразить, включить свой собственный опыт в эту работу, бросить вызов их коллегам-мужчинам, у которых отсутствует объективность по отношению к женщинам. Некоторые из этих проблем выходят за рамки феминизма.

Если во введении обсуждаются общеметодологические проблемы создания феминистской (несексистской) социологии, то в последующих четырех главах их авторы рассматривают более конкретные социологические вопросы о феминистской или, по крайней мере, несексистской позиции.

Например, Элен Роберто, написавшая первую главу под названием "Женщины и их доктора", демонстрирует весьма нетрадиционный анализ такого заурядного факта, как обращение к врачу. Тщательно собранный фактический материал показывает, что женщины чаще мужчин обращаются к врачу. Специалисты обычно расценивают их жалобы как "психосоматические" по своему происхождению. Однако Элен Роберто предлагает считать эти жалобы "социосоматическими", так как их причина — социальный базис. "Социальная и экономическая структура современного индустриального общества постоянно вынуждает женщин ощущать дискомфорт от неудовлетворенности образованием, трудом и др." (2, с. 9). Социологический анализ

"психосоматических" жалоб выявил ряд факторов. Во-первых, женщины постоянно оказываются в стесненных обстоятельствах из-за образовательных и профессиональных ограничений. От них требуется видеть свою общественную роль только как семейную: жены и матери. В результате этого представительницы женского пола, которые осуществляют "двойную карьеру", часто попадают в стрессовые ситуации из-за конфликта между этими ролями. При этом они испытывают чувство неполноценности, неудовлетворенности. Социологам важно выявить, как социальная структура порождает эту индивидуальную неудовлетворенность. Во-вторых, желание ощутить внимание к себе со стороны медицинского персонала в связи с различными недомоганиями дает некоторым женщинам известную компенсацию за разочарование в будничной жизни или несостоятельность своих прожитых лет. В этом смысле врачебное внимание и участие аналогичны поддержке, получаемой женщиной от религиозных организаций. В-третьих, самые частые посетители больниц — это женщины, не имеющие занятий вне дома, недавно пережившие уход детей из дома, неудовлетворенные своей работой, имеющие низкий уровень образования и низкий профессиональный уровень. В-четвертых, во всех этих случаях медицинские учреждения вообще и врач в частности выполняют идеологическую роль, так как они помогают женщине приспособиться к ее социально — лимитированной роли, смириться с ней, но не предлагают проанализировать, чем вызваны претерпеваемые ею ограничения. Таким образом, медицина выступает своеобразным проводником скрытого общественного контроля.

В главе второй под названием "Интервьюируя женщин: противоречия в терминах" Э. Оукли обсуждает методологические проблемы таких исследований. Она указывает на несоответствие между советами, даваемыми в книгах о процедуре проведения интервью, и тем опытом интервьюирования, который она сама имела на практике. Традиционно считается, что брать интервью — это односторонний процесс, когда исследо-

ватель выбирает объект и получает от него информацию, но сам ничего не сообщает. Оукли рассказывает, что ее испытуемые задавали ей встречные вопросы. Теоретически принято считать, что ответы опрашиваемых нужно воспринимать беспристрастно, рассматривать только в социологическом плане: тогда их можно обоснованно сравнивать с данными других опрашиваемых. Оукли говорит, что процесс интервьюирования очень сложен: перед нами возникает некий мираж, когда вроде бы все знают, о чем идет речь, а на самом деле мы остаемся перед закрытой дверью, за которой масса секретов. Существует выработанная схема ведения интервью, представляющая собой нечто вроде жесткого, рационального, беспристрастного протокола. Модель этого протокола — это преимущественно мужская модель социологии и общества, считает Оукли.

С другой стороны, интервью получается более результативным, если устанавливаются дружеские отношения между исследователем и объектом исследования. Но установление личных контактов между ними возможно только при нарушении традиционной "мужской" процедуры "беспристрастного" протокола. Оукли считает "женскую" (т.е. эмоциональную) процедуру интервьюирования более продуктивной с научной точки зрения.

Дэвид Морган в главе четвертой "Мужчины, мужественность и процесс социологического исследования" согласен с критикой феминизма в адрес установившейся социологической практики. Он преподаватель факультета социологии Манчестерского университета, имеет несколько работ по социологии семьи, в дальнейшем планирует продолжать исследование вопросов, связанных с анализом мужчин и мужественности. Морган спрашивает: "В какой же степени можно считать академическое дело чисто мужским занятием?". Он советует отбросить такие ярлыки, как "рациональность", "научность", "ученость", которые связаны с "мужской" культурой, с "мужским" языком. Направленность социологической науки на анализ проблемы

пола, отремление к феминистскому способу познания и видения, противоположному преобладающему мужскому образу видения, откроет целый ряд вопросов в социологии познания, близких тем, которые ставит марксистская критика буржуазной общественной науки. Здесь можно назвать природу и границы общественных групп (классов, биологического пола, культурного пола), природу господствующих способов познания, способ восприятия культуры теми, кто стоит вне ее, условия возникновения противоположных версий, выбор альтернатив.

Итог феминистским социологическим исследованиям 1970-х годов подводят К.Б.Уорд и Л.Грант в своей статье "Феминистская критика и десятилетие публикаций в социологических журналах" (4). В этой работе подчеркивается, что социологи не сумели показать женщину как субъект, постоянно помещали в центр своих исследований вопросы, важные более для жизни мужчин, чем для жизни женщин. Их концепции, методы и теории больше подходят для описания мужского, а отнюдь не женского образа жизни. Свои выводы они делают на основе экспериментов, отражающих нормы мужского общества, а не общества в целом. Такое положение характерно как для исследований, опубликованных в 1970-х годах, так и для работ этого рода, появившихся в журналах в период 1974-1983 гг. и позже. Уже в конце 70-х годов стали появляться работы, где выражалась неудовлетворенность феминистской социологией, предлагались рекомендации по исправлению сложившейся ситуации, но не всем авторам удалось четко и последовательно выполнить поставленную перед собой критическую задачу. Уорд и Грант уверены, что многие заблуждения в этой области объясняются недостаточным пониманием исследователями термина "феминистская" критика, так как это слово имеет много нюансов.

Уорд и Грант в своем исследовании называют наиболее интересные по своей острой критической направленности работы социологов-феминистов. Дж.Эккер в своем исследовании

литературы 1970-х годов указывает на многие просчеты большинства произведений, с которыми ему удалось познакомиться. В них обсуждались проблемы общественного статуса семьи, определяемого по профессиональному положению и занятости и по уровню образования мужчин, а семьи, во главе которых стоят женщины, вообще выпали из сферы внимания.

Уорд и Грант указывают еще на одно слабое место большинства феминистской литературы 70-х - начала 80-х годов - на рассмотрение именно тех аспектов общественной жизни, где ведущую роль играют мужчины. Таковы политика, военное дело, высокий уровень профессионализма. При этом авторы воячески обходят стороной или лишь вскользь касаются тех сфер, где роль женщины ведущая - это детство, материнство, незаметные профессии. Когда же речь все же заходит о тех сферах, где без женщины не обойтись, как, например, при обсуждении проблем семьи и образования, то женщинам отводится роль не как самостоятельным единицам, а только в связи с жизнью мужчин. В таких случаях обычно высоко оценивают в женщине такие качества, как чувство материнства и сексуальность. Только совсем недавно стали появляться высказывания о важности роли женщины как организатора семьи, о сложности проблем деторождения, об эмоциональном мире женщин, об их возрастных особенностях и т.д.¹⁾

Критическая тенденция феминистской литературы 70-х годов оказала положительное действие на характер последующих произведений этого года. В 80-х годах

¹⁾ Bernard J. My four revolutions // Amer. j. of sociology. - Chicago, 1973. - Vol. 78, N 4/6. - P. 773-791; Bernard J. Research on sex differences: An overview of the art // Women, wives and mothers. - Chicago, 1975. - P. 7-29; Oakley A. The sociology of housework. - N.Y., 1974. - 274 p.; Oakley A. Becoming a mother. - N.Y., 1979. - 178 p.; Oakley A. Woman confined: toward a sociology of childbirth. - N.Y., 1980. - 209 p. Hochschild A. The managed heart the commercialization of human feeling. - Berkley, 1983. - 321 p.

число статей по проблемам феминизма увеличилось, стало меньше сексистских подходов к решению общественных проблем. Однако появилось новое отношение к понятию "пол" - о нем стали говорить как о своеобразной "переменной". М.Эйхлер в своей работе "Двойной стандарт" указала на опасность "овеществления" половых различий, на опасность укрепления сознания, что половые качества - это неотъемлемая часть характеристики мужчины и женщины. Авторы, придерживающиеся этих взглядов, сохраняют почву для существования консервативных социологических идеологий.

Уорд и Грант, проанализировав большой объем литературы по феминизму, приходят к заключению, что социологи внесли большой вклад в разработку проблем, связанных со сферами жизни как мужчин, так и женщин. Наместились изменения в языке, в понятиях, в методике и технике подбора фактов. Однако таких прогрессивных трудов все еще мало, многие проблемы феминистской социологии, поднятые литературой 70-х годов, до сих пор не решены. Социологи не должны ослаблять своего внимания к женскому вопросу и к методологии и уровню социологических исследований по феминизму, считают К.Б.Уорд и Л.Грант.

Список литературы

1. Doing feminist research. - L. etc., 1981. - 207 p.
2. Fichler M. The double standard: A feminist critique of feminist social science. - L., 1980. - 151 p.
3. Smith D. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology. // Sociol. enquiry. - Vol. 44, N 1. - P. 7-13.
4. Ward K.B., Grant L. The feminist critique and a decade of published research in Sociology journal // Sociol. quart. Columbia, 1985. - Vol. 26, N 2. - P. 139-157.

Е.Н.Федина

КЕЛЛИ ДЖ.
ЖЕНЩИНЫ, ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ
KELLY J.

(Women, history and theory: The essays
of Joan Kelly. - Chicago; L.: Univ. of
Chicago press, 1984. - 161 p.

Келли занимает особое место в научном мире: она была представителем того поколения, которое первым приступило к исследованию женщин, к разработке так называемых "women's studies". В 1960-е годы она занималась историей Возрождения, преподавала в Колумбийском университете. Затем, уже в 1970-е годы, она отошла от этой области, чтобы заняться новым предметом своего исследования - женским вопросом.

Книга состоит из пяти очерков, написанных Дж.Келли в разное время, и предисловия, а фактически интеллектуальной биографии Келли, написанной о ней ее друзьями после ее смерти. По существу работа Келли представляет собой то, что в американской академической науке называется "women's studies", т.е. исследование реальной, а не мифифицированной патриархатной идеологией роли женщин в тех или иных сферах жизни общества. В данном случае Келли как профессиональный историк занимается разоблачением традиционной версии молчания и даже лжи относительно реальной роли женщин

в истории человечества. Она считает, что реконструкция истории с феминистских позиций (т.е. взгляд на историю не с мужской, а с женской точки отсчета) выполняет двойную задачу: возрождения истории для женщин и возрождения женщин для истории. В последние несколько лет эта идея стала стимулом для развития значительного числа исследований (в США в настоящее время читается около 30 тысяч курсов по различным аспектам "women's studies" и разрабатывается 300 национальных и международных программ "women's studies"). Но существует и другой аспект "женской истории", который необходимо иметь в виду - это ее значение для исторической теории вообще, поскольку новый аспект "женской истории" расширяет рамки традиционного исторического исследования.

По мнению Келли, изучение общественной истории женщин дает веские основания для того, чтобы рассматривать "социальные отношения полов как фундаментальную категорию исторической мысли, поскольку отношение между полами является социальным, а не только природным отношением". Такое понимание взаимоотношений полов разрушает традиционный подход к истории общества. Более того, включение понятия "пол" (gender) наряду с понятиями "раса" и "класс" в систему категорий социально-исторического анализа позволяет расширить рамки понимания истории и общества. Эти идеи развиваются Келли в очерке "Социальные отношения полов: методологическое значение изучения истории женщин".

В следующем очерке "Существовал ли Ренессанс для женщин" Келли обращается уже к конкретному историческому материалу. Ее внимание обращено на Италию в период с середины XIV до середины XVI в., в которой происходили бурные социально-экономические преобразования, способствовавшие формированию новых социальных отношений и развитию того, что принято называть Ренессансом. Однако именно эти совершенствования неблагоприятно повлияли на женщин до такой степени, что не было Ренессанса для женщин, по крайней мере

его не было в период Ренессанса. Государство, ранний капитализм и социальные отношения, созданные ими, ограничивают свободу женщин и подавляют их разными способами, в зависимости от социального положения женщин.

Келли выбирает следующие параметры для оценки ограничения (или увеличения) власти женщин в период Ренессанса и для определения этого исторического опыта: 1) контроль над женской сексуальностью в сравнении с мужской;

2) экономические и политические роли женщины, т.е. вид работы, которую выполняют женщины, в сравнении с работой мужчин, и их доступ к собственности, политической власти и образованию или к профессиональному обучению, необходимому для работы, овладения собственностью и властью;

3) культурные роли женщин и доступ к образованию и/или институтам, необходимых для этого; 4) идеология по отношению к женщине, особенно поло-ролевая система, представленная и пропагандируемая посредством культурных символов, искусством, литературой, философией.

Анализ положения женщин в ренессансной Италии приводит Келли к выводу о том, что личность женщины подавлялась в эмоциональной и культурной жизни, что женщина подвергалась жесткому экономическому и социальному контролю.

Очерк "Семья и общество" — это анализ исторического развития "семейной жизни", рассматриваемой как сфера пересечения классового и культурного опыта.

Келли ведет нас через историческую перспективу семейных форм — в родовых, прединдустриальных и индустриальных обществах. Она показывает, что в любом обществе семья является социальным институтом. Она прослеживает, как отношения силы и власти внутри семьи, социополовые роли и отношения к сексуальному поведению воздействуют на женщину. Нуклеарная семья появляется с развитием индустриального производства, введением оплачиваемого труда вне семьи и разделением семейного труда. Келли подробно описывает, как эти процессы усиливают социальную изоляцию женщин.

Анализ понятий класса, расы и поло-ролевых отношений привел Келли к оценке патриархатности как явления, возникшего из специфических общественно-исторических условий, а не как некоего статического универсального образования, по мнению других исследователей. В этом очерке она рассматривает развитие патриархата в системе семейных отношений крестьянства и буржуазии ранней Европы. Как отмечает сама Келли, этот очерк "раскрывает способы вхождения людей в социальные отношения родства, класса и пола через семью; пути, которыми эти отношения формируют тип семьи, в которой мы живем и средства, которыми идеологические нормы подкрепляют их и заставляют нас думать, что они являются универсальными и правильными". С позиций марксистского феминизма Келли акцентирует внимание на отношениях, связанных с конфликтом и отчуждением, которые сдерживают реализацию потенциальных возможностей личности. Классовые, расовые и поло-ролевые отношения дополняют и отчасти формируют друг друга: относительно женщин это приводит к тому, что все они разделяют общую участь подавления и угнетения, хотя их потенциальная сила и жизненный опыт различны.

Келли выявляет эту тотальность подавления более убедительно в очерке "Двойный взгляд на феминистскую теорию". Она говорит, что сегодня феминистская теория способствует значительному расширению границ социального видения. Возрождение теории феминизма Келли связывает с именем Джульет Митчелл, которая в 1966 г. определила четыре сферы полового угнетения женщин: производство, воспроизводство, сексуальность и социализацию. С 1966 г. женщины боролись лично, интеллектуально и политически против социализации девочек, женщин для обслуживания семьи (мужчин) и существования в рамках "естественного предназначения" и против социализации мальчиков/мужчин в сфере социального и культурного. Теоретики феминизма пытаются понять, как и почему традиционные институты с мужским главенством управляют биологическим и

социальным воспроизводством. Феминистское движение продвинулось в своей борьбе против социальной организации и институционализации разделения труда по полу и вытекающего отсюда неравенства в отношениях полов. Современный этап женского движения значительно отличается от того, каким он был во время Джульет Митчелл. Характерной его особенностью Келли считает, в частности, существование нескольких школ и направлений феминистской мысли и знания. Келли пытается разработать "унифицированный" подход к анализу дискриминации женщин, чтобы преодолеть определенные конфликты между различными позициями в феминистской мысли. Она считает неверным традиционное разделение, присутствующее и в некоторых феминистских теориях, женской сферы "личного" и противоположной ей мужской сферы "общественной" деятельности. Келли рассматривает этот разрыв как идеологический, напоминая нам, что наш личный, общественный и исторический опыт возникает в результате совместной деятельности людей различных полов в труде; возникающие при этом отношения взаимосвязаны и всегда были таковыми. "Изменить наш субъективный опыт", "переструктурировать опыт того, как мы узнали себя и других" — это глубоко политическое и социальное дело.

Наши социальные институты дают нам так мало возможности выражать и разделять наши реальные человеческие потребности, что мы вынуждены скрывать эти потребности внутри самих себя. Все мы становимся свидетелями результатов такого положения: рост и внутренние взрывы этих закрытых чувств связаны с личными трагедиями и общественным принуждением и беспорядком в нашей повседневной жизни. Так давайте допустим, что личное — это и есть политическое; что социальная система должна обладать способностью переводить личное в общественное и в то же самое время делать общество реальной частью ежедневной, личной жизни каждого через значительное участие в решениях, которые формируют нас всех, пишет она.

Сегодня возникает необходимость объединить теорию и практику феминизма, считает Келли. Она призывает привносить феминистское сознание, феминистские ценности и критическое отношение к мужскому господству во все сферы жизни, туда, где мы работаем, учимся и живем. "Уничтожение всех форм иерархии" в каждой области власти — вот что имеет в виду практический феминизм. Для Келли значительным вкладом феминизма в формирование и организацию всех программных общественных движений было стремление к воодушевлению людей и демократизации личных отношений.

Особой заслугой Келли в развитии феминистской теории стала работа над осмыслением исторических основ феминистской мысли. Она систематически проследила весь ход развития феминистских идей с момента их зарождения. При этом феминизм она понимает не просто как сопротивление индивидуальному угнетению или эксплуатации, а как сознательную и коллективную (т.е. социальную) борьбу против женоненавистничества. В начале очерка "Ранний феминизм и спор о женщинах" она описывает ранних феминисток как "образованных, чувствующих себя и всех женщин оскорбленными" женоненавистнической идеологией. Она представляла их как защитников женщин, как "социальную группу". Здесь Келли заостряет внимание на том, что мы обычно думаем о феминизме и, конечно, о феминистской теории как о возникшей в XIX и XX столетиях. Большинство англо-американских исследователей женского движения признают, что существовали отдельные "предшественники" этого движения во Французской и Английской революциях, но все же общепризнанным считается, что только с конференции в Сенека-Фолс (США, 1848 г.) возникает постоянно развивающийся корпус феминистской мысли. Историки французского феминизма заявляют о более длительном прошлом. Они склонны считать Кристину де Пизан (1364–1430?) первой женщиной, которая выражала современные феминистские взгляды, а также называют других женщин, выражавших эти идеи вслед за Кристиной и вплоть до Французской революции.

Келли рассчитывала показать основательную четырехсот-летнюю традицию женской мысли в отношении женского вопроса и сексуальной политики в европейском обществе до Французской революции. Она полагала, что феминистское теоретизирование появилось в XV столетии в тесной связи и в ответ на новую светскую культуру современного европейского государства. Именно голое образованных женщин объявил о чувствах женщин, униженных и по-новому угнетенных этой культурой, чувствуя себя и всех женщин оскорбленными женоненавистнической идеологией. Кристина де Пизан была первой из таких феминистских мыслителей, и длившаяся четыре столетия дискуссия по вопросу о женщинах, которой она дала начало, получила название спора о женщинах, стала пунктом, от которого отталкивалась сама феминистская мысль.

Конечно, ранние феминистки не употребляли этот термин. Если они и называли себя как-либо, то это были термины наподобие "защитников" или "адвокатов" женщин, но будет справедливым назвать этот длинный список проженских писательниц, который начинается Кристиной де Пизан и ведет к Мэри Уолстонкрафт, именем, которым мы пользуемся при назывании их потомков XIX и XX столетий. Определяя позиции этих женщин как феминистские, Келли выделяет в них следующие существенные на ее взгляд моменты. Это, во-первых, сознательная оппозиция "женоненавистничеству"; во-вторых, "сознательная коллективность", понимание своей борьбы как социальной; в-третьих, более широкое понимание угнетения и эксплуатации, чем индивидуально-женская дискриминация.

Более поздний феминизм содержит некоторые моменты, характерные для ранних феминисток периода "рассерженных женщин". Это прежде всего полемический-публицистический тон произведений. От Кристины де Пизан и далее защита женщин женщинами была ответом на специфические публицистические нападки на них. "Защитницы" выбирали сознательную оппозицию мужской клевете и угнетению женщин.

Стоя в оппозиции, ранние феминистки сосредоточили свое внимание на понятии пола. Они, считает Келли, четко понимали, что пол (т.е. совокупность биологических особенностей) человека играет в данном обществе не биологическую, а социальную роль. "Защитницы" женщин раннего феминистского периода выступали против идей о дефективности женского пола. Разоблачая идеологию женоненавистничества и оказывая сопротивление навязанным ею предвзвешенным и ограниченным в отношении человека, они стояли за общую концепцию гуманизма. Конечно, идеи ранних феминисток несут на себе отпечаток социального и интеллектуального климата того времени. Королевское правление и социальная иерархия сосуществовали с буржуазными моделями жизни и труда и со становлением республиканско-либерального сознания. Феминистская теория формировалась как под влиянием новейших тенденций социально-экономического подавления женщин, так и под влиянием открывавшихся перспектив. С другой стороны, женщины-аристократки потеряли значительную экономическую, политическую и культурную власть не только по сравнению с мужчинами из собственного класса, но и по сравнению с их предшественницами-феодалками. В то же самое время появилась, оформилась новая родовая конструкция женщины — хозяйки дома. Основное содержание ранней феминистской теории отражает уходящую власть женщины определенного ранга и принудительное одомашнивание женщин среднего класса.

Далее Келли рассказывает о некоторых светских и религиозных социальных движениях XVII-XVIII вв., которые она определяет как практически-феминистские. Основанием для такого определения является то, что эти движения, по мнению Келли, оказывали сопротивление идеологии и практике женоненавистничества и мужскому угнетению женщин. Например, бедные поздних средневековых городов были мирянки, давшие обет безбрачия, которые стремились жить в своих собственных обществах и поддерживать себя коллективной работой; таким

образом, они спасались от двух главных институтов мужской власти: семьи и церкви. Разумеется, государство и церковь объединились, чтобы уничтожить движение, и добились успеха.

Тенденция к независимости от мужской власти проявилась в дни революционных выступлений английских сект, считает Келли. С 1630 по 1650 г. большинство радикально настроенных сект поддерживало требование религиозного равенства для женщин. В то время были женщины, активно освобождавшие себя от мужской клерикальной власти, а также от власти мужей. Они стремились развивать собственное сознание, проповедовать и совершенствовать образовательные и экономические возможности для женщин. Наследниками этих идей являются женщины Франции, эпохи религиозных движений XIX столетия и последующих этапов женского движения XIX и XX вв. Феминистская деятельность и теория ищут корни в движении женщин за демократические изменения. Феминистская теория смогла развивать идеи социальной реорганизации, стать политической силой, только найдя новые основы в социальном действии.

Очерк "Ранний феминизм" представляет собой в сущности попытку исторического и теоретического анализа преемственности и развития идей от прошлого к настоящему в антипатриархальном сознании и феминистской мысли. Стремление Келли вновь показать и проанализировать четырехотчетную традицию женской оппозиции по отношению к мужской клевете возникло из понимания ценности преемственности идей в историческом развитии феминистской теории, где каждая ее стадия сохранила достижения предшествующего периода. Всеобъемлющая феминистская теория, как она думала, должна перейти от внеисторического транскультурного приговора патриархальности к пониманию ее исторической специфики. Келли полагала, что феминистская теория возникла в те моменты истории, когда женщины, живущие "на границе" мужского общества и

культуры, отказались от традиционного сознания и вступили в активную борьбу.

Но как появляется оппозиционная культура, какова природа революционного или критического сознания вообще и феминистского сознания в частности? Феминистское изменение сознания, достижение "двоякого видения" — очень трудная задача. Ведь человек, живущий в патриархальном обществе и понимающий вдруг необходимость его изменения, должен как бы "выйти" за рамки этого общества, чтобы понять, что же должно быть в нем изменено. Возможности индивида оделать такой скачок в развитии сознания мешает "раздвоенность сознания", обусловленная патриархальным характером традиционных мыслительных ходов языка и принятых ценностей. Как переступить через эти коварные формы?

В своих заметках по феминистской теории Келли делает вывод, что оппозиционное сознание возникает из своего анти-тезиса, из "несоответствия между реальным и идеальным", испытанного теми, кто стоит на границе господствующей культуры. Женщина постоянно испытывает состояние "несчастливого сознания", состояние отчуждения, которое делает ее при этом соучастницей культуры, угнетающей и отчуждающей ее. Она стоит на краю. Из этой маргинальности возникает возможность экзистенциального осознания своего положения, осознательного названия своего положения и выступления против него. Феминистская теория развивается из маргинальности всех женщин. Но теория также страдает от "раздвоенности сознания", потому что даже язык, который мы используем, заимствуется из мужской господствующей культуры, он помогает воспроизводить эту культуру, примиряя ее с "внутренними несоответствиями и разладами".

Мы были введены в заблуждение терминами, которые действительно не соответствовали положению женщин. Женщин сравнивали с рабами, с кастой, с классом, с меньшинством. Подобно всем аналогиям, в них существовали моменты соответ-

ствия, которые разъясняли положение женщин, но были и совершенно нелепые моменты.

В то же самое время феминистская теория представляет собой трансцендентность, поворот "отчуждения" к позитивной позиции, к выбранному положению. Социальный опыт женщин как аутсайдера дает другое представление о реальности, которое может осветить социальную природу ее существования. Осознание самой себя и своего положения как обусловленного социальными причинами может помочь найти выход из "раздвоенности сознания" и облегчить выработку "двойного видения", а следовательно, способствовать движению за подлинное освобождение женщин. Как писала Келли, шаг к феминистскому осознанию — это шаг за пределы всего сознания, которое мы носим в себе, даже за пределы той грани, где мы находимся.

Г.А.Новичкова

МУР Г.
ФЕМИНИЗМ И АНТРОПОЛОГИЯ

MOORE H.
Feminism and antropology. - L.,
1988. - 246 p.

Книга Г.Мур, преподавательницы антропологии Кембриджского университета (Великобритания), — попытка критического переосмысления теоретических и методологических установок социальной антропологии с позиций феминизма. В традиционной антропологии, утверждает автор, женщина присутствовала как второстепенный объект полевых исследований; эмпирически наблюдаемая специфика ее социального положения и мировосприятия не находила отражения на уровне теории. В работах антропологов, независимо от их пола, доминировала "мужская" модель изучаемой действительности с неизбежной периферийностью женских проблем.

Ограниченность "мужского" прочтения антропологической проблематики послужила поводом для выделения в начале 70-х годов особой субдисциплины — антропологии женщин (Глава первая). Ее представительницы видели свою задачу в том, чтобы "изучать женщин с позиций женщин", причем общность пола исследуемых и исследовательниц расценивалась как естественная гарантия адекватности восприятия, репрезентации и

толкования этнографического материала. Бунт против "мужской монополии" сыграл заметную роль в начавшемся ранее процессе внутренней ревизии социальной антропологии как науки. Многие ее теоретические постулаты были подвергнуты серьезной критике, в первую очередь, — "предрассудки этноцентризма" (европоцентризма), которые навязывали прочтение любой культуры в терминах западной традиции. Для многих антропологов стало очевидно, что понятие культурных различий "не может в его теперешнем виде играть роль ведущей категории современной антропологии, поскольку оно отдает предпочтение одному типу различий в ущерб прочим" (с. 9).

В антропологии женщин место абстрактно толкуемых "различий в культуре" заняли конкретно наблюдаемые "различия пола" в их культурно-специфическом проявлении. Проблемное поле новой субдисциплины включало сопоставительный анализ положения женщин в различных культурных регионах и поиск социальных факторов, порождающих "всеобщее угнетение и подавление женщины и ее неравноправие с мужчиной" (с. 7).

Первый синтез антропологии с феминизмом оказался, однако, теоретически уязвимым. Антропология женщин исходила из априорной посылки о существовании "единой женской точки зрения на мир", вопреки наблюдаемому разнообразию социокультурных представлений о роли и статусе женщины. Причем "единая" женская точка зрения на самом деле воспроизводила мироощущение современной европейской женщины, т.е., не выходила за рамки критикуемых установок европоцентризма.

Сделав "различия пола" приоритетным объектом изучения, антропология женщин не рассматривала их в контексте прочих социальных различий. Между тем исследования негритянок феминисток овидетельствовали, что опыт расы трансформирует опыт пола. Поэтому изучение пола самого по себе не может служить предпосылкой для анализа социального положения женщины, равно как общность пола не является достаточным условием женской солидарности.

Преемницей антропологии женщин стала феминистская антропология 80-х годов, которая от борьбы с "мужскими предрассудками" перешла к критическому осмыслению дисциплины в целом. Изменившиеся задачи повлекли за собой и изменение предмета исследования. Изучение пола (которое положило начало развитию самостоятельного пласта исследований — антропологии пола, выходящего за рамки феминистского подхода) антропологи-феминистки дополнили сравнительным анализом отношений между полами в их взаимодействии с прочими социально значимыми факторами (класс, раса, экономический статус, отношения собственности, культурные традиции). Автор следующим образом резюмирует постулаты феминистской антропологии (глава VI):

I. Накопленный этнографический материал овидетельствует о широком спектре социокультурных различий в положении и мировосприятии женщин, трансформирующих ее половую идентичность. Универсальная категория "женщина", заимствованная антропологами из социологии, не годится в качестве аналитического инструмента социальной антропологии. Следовательно, в равной мере ошибочны как попытки антропологов трактовать идентичность пола в качестве независимой переменной социального исследования, так и популярные среди феминисток поиски универсальных причин женского неравенства.

2. Важнейший теоретический вклад феминистской антропологии — осмысление половой идентичности как социокультурного феномена. Ответ на вопрос, что значит быть женщиной? мужчиной, требует конкретизации применительно к данному культурному и историческому контексту.

3. Феминистский подход предполагает, что отношения между полами рассматриваются как доминирующий принцип общественной жизни; изучение этих отношений принимается в качестве отправного пункта для любого типа социального анализа — антропологического, исторического, экономического;

приоритетный объект исследования – выявление культурной специфики социального опыта через призму опыта пола.

Во второй–пятой главах Г.Мур пытается обосновать приведенные тезисы, привлекая большой эмпирический материал, собранный антропологами различных теоретических ориентаций. Вторая глава посвящена проблеме социального статуса женщины и истокам половой асимметрии, которая в той или иной мере присуща разным культурам. Автор выделяет три подхода к проблеме, не всегда исключаящих друг друга: символический, социологический и личностный. Сторонники первого подхода рассматривают половую идентичность и приписываемый ей социальный статус как набор культурно-специфических символов и стереотипов, составляющих определенную идеологию пола. Представители социологического направления отдают предпочтение анализу отношений между полами в контексте заданного культурой разделения труда между ними, трактуя пол как специфическую социальную роль. Защитники личностного подхода рассматривают опыт пола через призму социального опыта личности. Недостаток всех трех подходов, по мнению автора, – европоцентристская трактовка используемых понятий и приписываемых им социальных характеристик (личность, семья, материнство, домашнее хозяйство и т.п.). Социальная неравнозначность статусов мужчины и женщины рассматриваются сторонниками разных подходов как следствие "естественной" ассоциации женщины с природой (домашней, менее социально значимой), а мужчин – с культурной (публичной, социально престижной) сферой общественной жизни. Между тем и сама дихотомия природы и культуры, и содержание, вкладываемое в эти понятия, и выстроенные на их основе альтернативные ассоциации (природа – быт – женщина; культура – общественная жизнь – мужчина) представляют собой плод западной культурной традиции и поэтому не могут служить методологическими ориентирами социоантропологического анализа. Задача феминистской антропологии в данном случае состоит в том,

чтобы "продемонстрировать комплексный, неоднозначный характер таких категорий, культурная гомогенность которых до сих пор считалась очевидной" (с. 30).

Тема историко-культурной конкретизации основных понятий социальной антропологии продолжена в третьей и четвертой главах, где анализируются содержание и формы женского труда. Автор подвергает критике утвердившееся в научной литературе противопоставление продуктивного (общественно полезного, преимущественно мужского) и репродуктивного (домашнего, женского) труда. Этот стереотип основан на той же дихотомии природы и культуры, о которой шла речь. Репродуктивный труд (домашнее хозяйство, рождение детей, организация быта) обычно рассматривается как обслуживающий естественные потребности людей и потому исторически и культурно неизменный по своему сущностному содержанию. Исследования феминисток-антропологов предоставили большой фактический материал, который не только свидетельствует о разнообразии форм организации репродуктивного труда, но доказывает подвижность культурно-специфических границ между содержанием "мужской" и "женской" работы, равно как меняющуюся социальную значимость тех или иных составляющих репродуктивного труда. Ценность феминистской критики, подчеркивает автор, состоит в том, что соотношение продуктивного труда и репродуктивных обязанностей женщины рассматривается как детерминанта ее положения в обществе.

Включение женщины в систему капиталистических общественных отношений приводит к деформации традиционных форм разделения труда между полами. Тем не менее именно принципы докапиталистических внутрисемейных и классовых отношений, оформленные в соответствующую идеологию пола, а также прежние стереотипы полового поведения должны быть исходными для понимания культурной специфики тех или иных способов, посредством которых женщина становится участницей капиталистических отношений. Г.Мур расценивает как "редукционист-

ские" и "чреватые заблуждениями" концепции феминисток-марксисток, которые детерминируют переход женщин от традиционных форм труда к работе по найму "нуждами капитала" и "логикой капиталистических производственных отношений", рассматривающих женщин в качестве резервной армии труда.

Пятая глава посвящена изучению положения женщины в современном государстве. Эта тема, представляющая большой интерес с точки зрения феминизма, является относительно новой для социальной антропологии. Антропологов справедливо упрекали в пренебрежении макросоциологическим уровнем исследования, в неумении включить традиционный анализ локальных обществ в тот широкий экономический и политический контекст, в котором они реально существуют. С точки зрения социальной антропологии институт семьи и государственные институты состоят в отношении взаимной обусловленности и обоюдного влияния, это в свою очередь детерминирует социальное положение женщины, находящейся на "границе" государственных и семейно-клановых интересов.

Феминистская антропология, пишет автор в заключение, вносит серьезные методологические коррективы как в работу социальных антропологов, так и в теорию и практику феминизма. Заслуга феминизма состоит в доказательстве "приоритетности отношений между полами для решения ключевых вопросов обществоведения" (с. 195); вместе с тем осмысление классово-расовой дифференциации социальных интересов женщин повлечет за собой переосмысление классических проблем женской эмансипации.

Е.В.Якимова

СЕКСИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(Обзор)

Как известно, 18 декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. СССР ратифицировал ее 23 января 1981 г. Одной из важных и опасных форм дискриминации является дискриминация женщин в сфере общественного сознания, т.е. принижение, недооценка женщины, создание негативного ее образа, утверждение о принципиальном отличии ее человеческих качеств и натуры от мужских, разумеется, более "ценных" с традиционной точки зрения. Эта важная проблема нашла отражение в тексте Конвенции, и мне хотелось бы привести здесь некоторые выдержки из этого важного международного документа, до недавнего времени не публиковавшегося на русском языке. Так, в частности, государства - участники Конвенции, "напоминая, что дискриминация женщин нарушает принципы равноправия и уважения человеческого достоинства... будучи убеждены в том, что полное развитие страны, благосостояние всего мира и дело мира требуют максимального участия женщин наравне с мужчинами во всех областях... осознавая, что роль женщины в продолжении рода не должна быть причиной дискриминации, поскольку воспитание детей требует совместной ответственности мужчин и женщин и всего общества

в целом, согласились о нижеследующем: ... Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью: а) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и управления обычаях и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин" (ст. 5) (1).

Руководствуясь двойным намерением: поддержать усилия в борьбе против сексистских предрассудков и стимулировать соответствующие инициативы, ЮНЕСКО приступила с 1981 г. к осуществлению широкой программы, направленной на то, чтобы привлечь общественное мнение к проблеме сексизма в книгах для детей и школьных учебниках, а также на то, чтобы стимулировать и поддержать деятельность в этих целях.

В рамках этой программы и работает доктор социологии, научный руководитель Национального центра научных исследований (Париж) Андре Мишель, исследование которой будет здесь вкратце представлено¹⁾.

Сексизм, т.е. практика, предрассудки и идеологии, недооценивающие и принижающие женщин по отношению к мужчинам, все еще представляет собой одно из тяжелейших зол, поражающих человечество, поскольку, с одной стороны, женщины страдают от такого положения, а с другой, — все общества лишают себя огромного потенциала интеллектуальных возможностей, которые они игнорируют или которыми они пренебрегают", — отмечает Мишель. Под влиянием феминистского движения понятие "сексизм" используется для обозначения этих дискриминационных по отношению к женщине мер и идеологий, а также для того, чтобы показать, что они настолько же несправедливы и преосудительны, как и практика и идеология, ущемля-

ющая личность по признаку ее этнической, религиозной или политической принадлежности. Создав понятие "сексизм" для того, чтобы заклеить дискриминацию по признаку пола, которая рассматривалась до сих пор как следствие естественного порядка вещей, отводящего мужчинам и женщинам различные функции и роли, общество сделало значительный шаг вперед. Используя это понятие, оно показывает, что воспринимает отныне эти принижающие женский пол различия не как происходящие из воли божьей или естественного порядка вещей, основанного на биологии, а как результат несправедливого социального обращения с женщинами и что такое обращение должно уступить место справедливому статусу женщин, равному в своем достоинстве статусу, занимаемому мужчинами во всех сферах общества.

Первая часть книги "Сексистские стереотипы в обществе и школе" начинается с их определения. Так, сексизм — это позиция или действие, которые принижают, исключают, недооценивают и стереотипизируют людей по признаку пола. Взятый в еще более широком смысле, сексизм — это ориентация, которая ставит в неблагоприятные условия один пол по отношению к другому. Стереотип же определяется как тенденция к стандартизации, как устранение индивидуальных качеств и различий (В.Шестаков), как жесткая и анонимная модель, на базе которой автоматически воспроизводятся представления или поведение (Л.Данниган).

Мужские и женские сексистские стереотипы ведут к недооценке женщин и девочек и переоценке мужчин и мальчиков. Более того, наблюдается единообразие среди женских персонажей и среди мужских персонажей и определенный барьер между двумя группами, который приводит к тому, что особенности одной критикуются и встречают неодобрительное отношение со стороны другой. Иначе говоря, мужские и женские персонажи стереотипизируются до такой степени, что возвышение первых неотделимо от принижения вторых.

1) Мишель М. Долой стереотипы!: Преодолеть сексизм в книгах для детей и школьных учебниках / ЮНЕСКО. — Париж, 1986. — 122 с.

Сексистоное отношение к женщине отмечается во всех современных обществах. Одним из самых ярких (и неожиданных) свидетельств этого является признание одного писателя, который переосмыслил операцию по перемене пола с мужского на женский. "Говорят, что социальная пропасть между полами сокращается, но я, побывав в двух ролях во второй половине XX века, могу засвидетельствовать, что, очевидно, нет ни одного аспекта существования, ни одной минуты в течение дня, ни одной встречи, ни одной договоренности, ни одной реакции, которые не были бы различными для мужчин и женщин... Чем больше ко мне относились как к женщине, тем больше я чувствовал себя женщиной. Волей-неволей я приспособлялся. Если предполагали, что я не способен подать назад машину или открыть бутылку, я чувствовал, что становлюсь странно неловким..." (с. 4).

Руководствуясь сексистскими стереотипами, человеческий разум функционирует в двойственной манере, наделяя женщин качествами и слабостями, которые не признаются за мужчинами, тогда как последние считают себя обладателями качеств и недостатков, в которых отказано женщинам. Излишне при этом говорить, что мужчины считают себя наделенными гораздо большим числом позитивных качеств (мужество, ум, способность к самоутверждению, профессиональная компетентность, склонность к риску и приключениям, инициативность и эффективность), чем женщины, которые чаще всего представляются лишенными этих так называемых "мужских" качеств.

Исследуя методы формирования и проникновения сексистских стереотипов, Мишель отмечает такие социальные институты, как семья (которая является, по ее мнению, наибольшим проводником сексизма), школу, подростковую компанию, рынок труда, политический мир и средства массовой информации (которые по степени сексизма могут конкурировать с семьей), и книги для детей и юношества. Особое внимание она уделяет анализу различной книжной и печатной продукции, выпуска-

емой в мире. Серия национальных исследований, проведенных под эгидой ЮНЕСКО в различных странах и регионах — Китае, на Украине, в Норвегии, Франции и т.д., убедительно демонстрирует присутствие массы сексистских стереотипов в детской литературе. Явным или скрытым образом, с помощью картинок или литературных героев книги и журналы для детей рисуют стереотипные образы мужчин и женщин: первые всегда успешны, активны, компетентны, умны, сильны, им доступен весь мир; вторые — это всегда и прежде всего жены, матери, домохозяйки... Мужские профессии приносят власть, престиж, авторитет и технические навыки, тогда как женские профессии являются малоквалифицированными и низкооплачиваемыми (так, семилетняя американка, посмотревшая серию картинок о врачах-мужчинах и медсестрах-женщинах, сказала: "Я не могу стать доктором, я могу стать только медицинской сестрой..."). По результатам французского исследования, четыре качества характеризуют мужчин и мальчиков: самостоятельность, результативность, компетентность и дружба. Представления о женщинах чаще всего негативны или, по крайней мере, двусмысленны.

Воздействие сексистских стереотипов на сознание идет по разным каналам, и это замечательно показано А. Мишель в соответствующей главе. Чем младше ребенок, тем меньше он вооружен, чтобы противостоять действиям стереотипов, которые располагают его к восприятию другого пола с определенными атрибутами, традиционными положительными качествами или недостатками (типа "все мальчики сильные, девочки — плаксы"). Уже в возрасте от трех до четырех лет дети обоих полов внутренне усваивают предпочтения своих родителей в отношении игрушек и одежды, выбор которых можно квалифицировать как сексистский, поскольку родители предопределяют детям категорию игрушек или одежды в зависимости от их пола, а не в зависимости от их интереса.

В сравнительном исследовании, проведенном в Миннеаполисе (США) и Бомбее (Индия) Жаклин и Муррей Страус показали, что способность детей к творческому мышлению связана с самостоятельностью и свободой, которые им предоставляют их родители. А поскольку девочкам предоставляется меньше свободы, они зачастую оказываются менее способными творчески мыслить, чем мальчики. Одним из наиболее очевидных негативных следствий сексистских стереотипов, внушаемых обществом через семью, школу, систему воспитания и печатную продукцию, является "боязнь успеха" у девочек, как назвала его Марта Горнер. Страх добиться успеха связан с опасением утратить "женственность". Исследования Грейс Барух показали, что в связи с возрастанием социального давления в ходе социализации девочек как зависимых существ "боязнь успеха" у них с возрастом увеличивается и достигает кульминации к 15 годам. В ряде других американских исследований было показано, что девочки дошкольного возраста добивались лучших результатов по тестам общего умственного развития, чем мальчики. Но в ходе наблюдения за этими же детьми в период их школьного обучения было отмечено, что мальчики продвигались быстрее, чем девочки, и к моменту перехода в среднюю школу мальчики с большим успехом проходили тесты умственного развития, чем девочки.

Одно из исследований отношений обучающихся и обучаемых в США позволило выявить, что учителя/учительницы значительно чаще общаются с мальчиками, чем с девочками, и при этом девочки чаще получают принижающие их замечания. Результатом этого является то, что мальчики, которые чаще, чем девочки, участвуют в классных дискуссиях, задают больше вопросов, получают со стороны своих учителей/учительниц больше внимания, воспринимаются как главный пол, тогда как у девочек развивается чувство собственной неполноценности. Об этом свидетельствует эксперимент, проведенный в одном из классов начальной школы: в ходе его девочки проявили больше сообразительности, чем мальчики, однако учащиеся обоего

пола, не считаясь с реальностью, заявили, что результаты мальчиков были выше.

"Таким образом, сексистские стереотипы, лишаящие девочек самостоятельности из-за их пола, тормозят их развитие и представляют собой посягательство на равенство возможностей и на все принципы равенства полов, провозглашенные в национальных и международных хартиях. С другой стороны, пренебрегая потенциалом творческого мышления, которое могли бы развивать в себе девочки и женщины, не будь на них надет железный ошейник стереотипных и уродующих образов, общество лишает себя значительного людского потенциала", - заключает А.Мишель.

Книгу завершает серия приложений:

1. Методология и методика национальных исследований о представлениях, которые дают о женщинах и мужчинах школьные учебники и книги для детей.

2. Руководство Мак-Гроу-Хилла по равному обращению с обоими полами в школьных учебниках, которое служит справочником для авторов книг для детей и школьных учебников, публикуемых этим крупным американским издательством.

3. Рекомендации авторам учебников и иллюстраторам, составленные Фернаном Натаном (французским издателем, специализирующимся на книгах для детей).

4. Несексистский словарь терминов и профессий.

Устранение сексистских стереотипов из языка - черта, характерная для современных средств массовой информации на Западе, как, впрочем, и для выступлений любого политического или общественного деятеля. Руководствуются ли они при этом благородными идеями или просто боятся потерять женскую часть аудитории или избирателей - в данном случае неважно. Важно другое: язык реально переотает быть транслятором традиционного патриархального сознания. Разрабатываются различные пособия для журналистов, теле- и радиокomentаторов, издателей, политических и профсоюзных деятелей.

Например, в пособии, изданном Австралийским Советом профсоюзов и адресованном функционерам, разбираются такие вопросы, как: "Кто дискриминируется в языке?", "Почему важен несексистский словарь?" – и дается серия советов в соответствующих главах о том, как устранить сексистские стереотипы из названия профессий, профсоюзов, при написании инструкций, деловых писем, подготовке публикаций и т.д. Как видим, то, что раньше считалось "феминистскими изысками" и воспринималось с усмешкой, сегодня давно и прочно вошло в плоть и кровь культуры. Что же касается нашей страны, то подписание Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин отнюдь не привело к борьбе против дискриминации в сфере общественного сознания и несколько не отразилось на языке и самой манере репрезентации женщин в массовой печати: мы по-прежнему считаемся там "вторым полом"...

Список литературы

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Вестн. МИД СССР. – М., 1989. – № 16(50). – С. 35–40.
2. Мишель А. Долой стереотипы!: Преодолеть сексизм в книгах для детей и школьных учебниках. – Париж: ЮНЕСКО, 1986. – 122 с.
3. Non-Sexist language: Guidelines for Unions. – Melbourne: Austral. Council of trade unions, 1986. – P. 21.

О.А.Воронина

МИШАР-МАРШАЛЬ К., РИБЕРИ К.
СЕКСИЗМ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
ОТНОШЕНИЙ ПОЛОВ КАК КЛАССОВ

MICHARD-MARCHAL C., RIBERY C.

Sexism et sciences humaines: Pratique
linguistique du rapport de sexe. – Lille.

1988. – 208 с.

"Данная книга вписывается в рамки феминистской критики науки, развернувшейся во Франции в последние десять лет, – пишут ее авторы. – Она никогда не увидела бы света, если бы многие женщины в научных учреждениях не боролись, проявляя смелость, ум и стойкость против социального неравенства между полами, чаще всего – в ущерб собственной карьере" (с. 9).

Авторы полагают, что именно в лексико-семантическом плане ощутимей всего сексизм французского языка. "Но поскольку словообразовательные механизмы и лексический смысл слов не могут быть отделены от языковой деятельности, т.е. от производства речи в данном обществе, мы пришли к мысли, что эти лексико-семантические разногласия представляют собой лишь видимую часть айсберга, подводная часть которого гораздо более опасна" (там же). Лингвистический и семан-

тический анализ практики разговорного языка и научной речи позволяет выявить противоречия между тем, что прямо высказывается, и тем, что подразумевается, остается невысказанным. Маршал и Рибери обнаруживают таким образом скрытую сексистскую речь, основанную на объективном противопоставлении между "естественной" неполноценностью женщин и мнимым превосходством мужчин. Авторы приводят многочисленные примеры подобного сексизма, скрытого в "мутных водах" речи. Так, представление Мари Склодовской-Кюри в энциклопедическом словаре "Пти Ларусс" выглядит следующим образом: "Кюри Пьер, французский физик. Открыл пьезоэлектричество и изучал симметрии в физике. Вместе со своей женой, Мари Склодовской, он провел исследования и открыл радий. (Нобелевская премия в 1903 и 1911 гг.)". В этом тексте наглядно видно отсутствие автономии существа женского пола: во-первых, в энциклопедии нет отдельной рубрики о Марии Склодовской-Кюри – о ней упоминается только как о жене Пьера Кюри, а ведь она была самостоятельным ученым; во-вторых, М.Кюри ни разу не выступает в качестве синтаксического субъекта; в-третьих, в результате стирания роли М.Кюри как ученого получается, будто обе премии получил Пьер Кюри. Однако первая премия была присуждена им вместе, а вторая – одной Мари, поскольку к тому времени Пьер уже пять лет как был мертв.

Научная речь часто берет на вооружение наиболее сексистские идеологические представления и таким образом в большой степени опосредствует их воспроизведению. Скрытая позиция социальных наук заключается в том, что, дифференцируя поведение мужчин и женщин, они связывают его главным образом не с социальными, а с биологическими моментами.

Столкнувшись с проблемой языкового обоснования идеологических представлений о категориях пола в текстах из области гуманитарных наук, авторы данного труда решили избрать для подробного анализа две статьи современных этно-

графов-мужчин "Лук и корзина" Пьера Кластра и "Власть и язык" Мориса Годелье, а также работу "Вопросы политики" социолога Пьера Бурдьё.

Целью исследования Маршал и Рибери было выявить, как один и тот же исследователь говорит о мужчинах и женщинах. Подобный анализ, как утверждают авторы, никогда еще не проводился. В своем исследовании они опираются прежде всего на текст П.Кластра, так как он, по их мнению, представляет собой очень яркий пример идеологической трактовки эмпирических данных.

Цель работы П.Кластра "Лук и корзина" – доказать, что язык не только средство общения: он определяет его индивидов. Кластр показывает это на примере южноамериканского племени гуайяки. Так, выстраивая принятое там понятие "мужчина", П.Кластр снабжает его лингвистическими характеристиками, присущими референту – человеку (одушевленному, добровольному зачинателю того или иного процесса), в то же время понятие "женщина" не имеет у него этих лингвистических характеристик. Конструкции с понятием "женщина" идентичны у Кластра конструкциям с понятиями, обозначающими как одушевленные, так и неодушевленные предметы. В тексте Кластра встречается и большое число высказываний, где женщина, выступая в качестве "понятия-цели", полностью идентифицируется с неодушевленным предметом. Примерами такого рода могут быть выражения типа: "сочетаться со своей женщиной", "делить свою женщину", "давать свою женщину", "предлагать свою женщину". Текст изобилует выражениями, свидетельствующими об отношении к женщине, как к собственности. Это видно и из приведенных примеров, и из наименований мужчины: "берущий женщин", "дающий женщин", "получающий женщин", "овладелец женщины", а также наименования женщины – "имущество" – и частой замены слова женщина сочетанием "чья-то женщина". Для так называемых "примитивных обществ" это означает прежде всего статус женщины как собственности, оформ-

ленный определенными обычаями и ритуалами. В браке отношения между полами становятся отношениями "индивидуального присвоения": не требуется никакого специального лингвистического анализа, чтобы установить, что мужья именуются "владельцами своих супругов" и что обратного отношения не существует.

Авторы присоединяются к мнению К. Гийоме, анализирующей отношения полов как классов в современном обществе и утверждающей, что индивидуальное присвоение в процессе брачных отношений может происходить без открытого конфликта только в том случае, если те, кого присваивают, взаимозаменяемы и представляют собой класс. "Внутренняя запрограммированность" человеческого существа на свое порабощение и выполнение работы в пользу другого человеческого существа возникает в том случае, когда коллективное присвоение предшествует частному. Что касается полов как классов, то присвоение класса женщины происходит не только в браке. Речь идет о присвоении не случайном, а вытекающем из основного социального отношения общества. Подобный идеологический феномен возникает тогда, когда все женщины принадлежат к некоей совокупности, которая в качестве таковой и присваивается и из которой вытекает частное присвоение женщин — брак.

Авторы отмечают, что Кластер всегда идентифицирует описываемое им общество гуайяков с мужской, а не женской половой группой. Любопытно также, считают Маршалль и Рибери, связать эти феномены с тем порядком, в котором стоят обычно слова в словосочетании "мужчина" и "женщина": если бы эти слова обладали одинаковой значимостью, они не употреблялись бы постоянно в одном и том же порядке. Легко, впрочем, заметить, что таким принудительным порядком отмечен не только данный текот. Вспомним знаменитые пары: "Адам и Ева", "Ромео и Джульетта", "Тристан и Изольда" и т.д. Это легко объяснить; когда два слова, соединенные союзом "и"

отражают признанную социальную иерархию обозначаемых ими понятий, "главенствующее" слово ставится первым. Например, "родители и дети", "врачи и медицинские сестры", "учителя и ученики" и т.д. Это вообще очень распространенное явление во всем, что связано с половыми группами. Авторы констатируют, что когда речь идет о мужчинах, перечисляются их профессиональные или какие-либо иные качества, когда речь заходит о женщинах, то они упоминаются только в этом своем качестве, вне любого другого.

Маршалль и Рибер утверждают, что именно в области языка проявляются отношения власти как между полами, так и отношения власти вообще. Они сопоставляют результаты своего лингвистического анализа с точкой зрения Н. Биссере, которая показывает, как индивиды выражают себя в своей речи в зависимости от своей классовой принадлежности: индивиды господствующего класса воспринимают индивидов угнетенного класса как совершенно иных по сравнению с собой, считая себя нормой. Маршалль и Рибери показывают, что в этнографических текотах понятия "мужчина" и "женщина" строятся не просто как отличные друг от друга, ибо это предполагало бы их сопоставимость, соотносимость. Речь, по их мнению, конструирует одну из половых групп как норму (данность), от которой отличается другая половая группа: только понятие женщина трактуется как отличное от понятия мужчина. Проведя анализ различных текотов, описывающих различные общества (и примитивные, и современные), авторы приходят к убеждению, что в них мужчина всегда выступает как одушевленный агент. Кроме того, мужчина всегда идентифицируется с обществом в целом, а женщина — никогда. В результате подобной асимметрии мужчина выступает как общее, а женщина как частное, специфическое. Асимметрия лингвистических построений устанавливает не "равенство при различиях", а иерархию. Женщины отличаются от мужчин, мужчины не отличаются ни от чего. Негры отличаются (белые просто есть), китайцы отличаются (европейцы

есть), женщины отличаются (мужчины есть); мы отличны от мужчин – это наша основная черта. Наша природа – это отличие, пишет К.Гийомэн.

Заклучая свою книгу, авторы пишут, что, поскольку осознание индивидом своей социальной значимости проходит через его языковую практику, в настоящее время сознательное феминистское сопротивление находит свое выражение и на лингвистическом уровне. Например, термины, употреблявшиеся ранее только в мужском роде, употребляются теперь и в женском; происходит инверсия в оставших словах, меняющая смысловой акцент: "этнограф-женщина", а не "женщина-этнограф" и т.д.

Э.А.Гроссман

БЕНДЕРЛИ Б.Л.
МИФ О ДВУХ УМАХ:
ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПОЛОВОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ, А ЧТО НЕТ

BENDERLY B.L.
The myth of two minds: What gender
means a. doesn't mean. - N.Y.:
Doubleday, 1987. - 324 p.

Б.Бендерли известна своими работами в области научной журналистики. Постоянный объект ее интереса – взаимосвязи, взаимовлияния современной науки и форм человеческого поведения. В книге "Миф о двух умах" ею рассматривается вопрос о том, какие различия в умственных способностях мужчин и женщин обусловлены физиологией, а какие – исключительно социальными условиями.

Б.Бендерли полагает, что данные современной науки не могут служить основанием для утверждения о базисном, непостижимом друг для друга своеобразии мужского и женского ума. Речь может идти, на ее взгляд, о некоторой общечеловеческой концепции интеллектуальных способностей, имеющей симметричные мужской и женский варианты. Отношение же к этим симметричным вариантам как к двум принципиально различным формам способностей порождено исключительно социальными условиями, в которых существует современное человечество.

Доказательства этих тезисов Б.Бендерли последовательно развивает в четырех главах своей книги.

В главе I "Что есть мужское и женское?" автор пытается дать ответ на вопрос о том, на какие категории в социальном плане разделяет людей принадлежность к определенному полу. Этот вопрос, по ее мнению, вовсе не тривиален, так как физиологически человечество подразделяется более чем на два пола, тогда как социальные условия принуждают каждое человеческое общество идентифицировать себя либо с мужчинами, либо с женщинами.

Б.Бендерли рассматривает различные формы генетических и гормональных аномалий и приходит к выводу (опираясь на мнения специалистов), что невозможно наверняка определить, где находится основной признак пола: в генах, в гормонах, в мозге, в глазах наблюдателя, ибо "существует с очевидностью более двух способов быть человеком" (р. 25).

Аналогичным образом разрешает Б.Бендерли и вопрос о том, почему существует половой диморфизм. Она утверждает, опять-таки ссылаясь на почтенные научные исследования, что не существует физических фактов, которые в состоянии были бы обосновать необходимость именно двух полов, как для человека, так и для любых других видов животных.

Важнейшим результатом такого рода исследований является, по мнению автора, установление того факта, что для многих высокоорганизованных животных, в том числе и для человека, социальная среда (культура) определяет типы и границы полового диморфизма.

Способность жить в культуре не есть нечто "дополнительное" к базисной физической структуре человека. Она также изначальна, как слух или зрение.

Жить в культуре не значит следовать обычаям и изготавливать орудия. Это значит, что люди понимают символически и действуют систематично. В систематизированном мире события имеют причины, действия имеют смысл. Культура же есть

средство, помогающее человеку упорядочивать мир, наполненный бесчисленными явлениями.

В любом человеческом обществе существуют символические шаблоны, позволяющие выделять значимые действия. Половые различия относятся к числу наиболее важных символов, помогающих человеку ориентироваться в структуре социальных ролей. Эти роли в различных типах человеческого общественного устройства могут весьма существенным образом отличаться друг от друга, однако везде они рассматриваются как "естественные", обусловленные физической принадлежностью к тому или иному биологическому полу. Люди не склонны замечать, что они зачастую навязывают социальным конструкциям статус физических факторов.

На этом автор заканчивает свои рассуждения о том, что есть мужское и женское вообще, и переходит к вопросу о методе современных исследований мужских и женских способностей.

В главе II "Два отступления по поводу метода", обращаясь к результатам широко известных психологических опытов, подтверждающих тот факт, что для мужских познавательных способностей характерны такие черты, как аналитичность, рационализм, тогда как женское мышление характеризуют скорее метафоричность и интуитивность, Б.Бендерли дает этим опытам нетрадиционную культурно-историческую интерпретацию.

Она подчеркивает, что только в рамках парадигмы современной науки можно рассматривать способности, обеспечивающие успех в точных науках, как нечто более высокое в сравнении со способностями, необходимыми в науках социального плана, т.е. там, где необходимо умение "глобально" оценивать ситуацию, где эмоциональный подход не покажет, а зачастую проявляет ситуацию.

Только в условиях господства естественнонаучной парадигмы возможно, например, надеяться, что описание биохимических процессов в клетках, усваивающих алкоголь, может

послужить объяснению поведения алкоголиков, и не замечать отсутствия прямых причинных связей между областями биохимии и психологии в конкретном случае, а более широко — между областями точных (в западной парадигме мужских по преимуществу) и общественных (по преимуществу женских) наук.

Б.Бендерли призывает не забывать того обстоятельства, что парадигмы как системы культурных предпочтений отнюдь не вечны, и потому, признав логически и исторически вполне возможной парадигму, в которой отдается предпочтение познавательным опоспособностям "женского" типа, следует признать также отсутствие универсального критерия, позволяющего определить, какой из двух типов познавательных опоспособностей (мужской или женской) является вышшим.

Далее автор проводит небольшой обзор истории, в ходе которого обнаруживается, что отнюдь не всегда женские опоспособности рассматривались как "от природы" более слабые по сравнению с мужскими. Например, времена после падения Римской империи, когда распространилось германское право, согласно которому женщины имели равные с мужчинами права владения и наследования, оставили истории имена женщин, выдающихся своими дарованиями: св.Хильда, Хильдегарда Бингенская и др.

Эти же материалы дают основание для проведения мысли о том, что всплески "натуралистического" подхода к обоснованию различий в человеческих опоспособностях (не обязательно лишь в соответствии с половой принадлежностью) приходятся на весьма мрачные эпохи в истории общества, окажем, на период господства националистической идеологии.

Что же касается современных естественнонаучных методов сравнения мужских и женских опоспособностей, то их анализ, предпринятый Б.Бендерли, направлен на раскрытие заложенной в них идейной тенденциозности. Примечателен, например, ее рассказ о том, как совершенствовались тесты на определение

коэффициента интеллектуальности (КИ). Первоначально предложенные тесты показывали, что девочки зачастую (и даже едва ли не как правило) имели показатели КИ выше, чем мальчики. Очевидно, не посмеяв противоречить законам природы, исследователи изменили контрольные вопросы таким образом, чтобы обеспечить преимущество мальчикам.

Покорность идеологическим установкам своего времени проявилась, по мнению Б.Бендерли, и в том, что психологи долгое время игнорировали (и зачастую продолжают игнорировать) данные антропологов, этнографов, историков, которые показывают, что представления о социальных функциях полов в значительной степени зависят от исторической эпохи, от системы общественного устройства, от культурных традиций и т.п.

Ввиду приведенных фактов Б.Бендерли считает себя вправе заявить, что наука до сих пор служила в основном укреплению господствующей идеологической схемы, представляющей первичную структуру человеческого общества как строго иерархическую: он доминирует, она покоряется. Реальные же, значимые различия между опоспособностями мужчин и женщин в поле зрения исследователей не попадали. Этим различиям и посвящается следующая глава.

В главе III "Что представляют собой мужчины и женщины?" дается сравнительная характеристика мужчин и женщин, которая начинается со сравнения параметров их тел. Вопреки распространенному мнению о том, что превосходство мужчин в размерах и силе свидетельствует об их лучшей приспособленности к условиям, в которых приходится бороться за существование, Б.Бендерли доказывает, что разница в антропометрических характеристиках обусловлена не различной степенью приспособляемости к среде, а необходимостью для женщины приспособиться к условиям вынашивания и вскармливания ребенка, который имеет в сравнении с детенышами других млекопитающих самую большую голову и самый длительный период развития в самостоятельную особь.

К тому же, добавляет она, различия в силе культивируются современной западной цивилизацией. Мужчины и женщины, имеющие равные условия в физическом развитии, отличаются друг от друга по силе, выносливости и т.п. меньше, чем мы привыкли видеть в условиях нашей цивилизации.

Обращаясь затем к различиям между мужским и женским типами сексуальности, Б.Бендерли находит, что и здесь фактор культурного воздействия является решающим в формировании представлений о норме сексуального поведения. Например, западная цивилизация под воздействием христианского учения о грехопадении имеет принципиально другие представления о распределении ролей в сексуальном партнерстве, чем цивилизации, в которых сексуальное никогда не отождествлялось с греховным.

Анализируются в этой главе и традиционные представления о мужском типе личности, казалось бы обоснованные биохимическими опытами, подтверждающими, в частности, что мужской и женский организм по-разному реагирует на стресс (так, во время вступительных экзаменов уровень адреналина в крови абитуриентов значительно превосходит его уровень в крови абитуриенток). Б.Бендерли обнаруживает, однако, уточненные исследования, согласно которым подобные опыты могут считаться корректно поставленными только в том случае, когда правильно подобрана стрессовая ситуация. Вступительные экзамены как раз являют собой неудачный пример, ибо для женщин получение высшего образования не является столь же значимой жизненной целью, как для мужчин. Корректно же поставленные опыты не дают возможности утверждать, будто существуют типы личности, обусловленные принадлежностью к биологическому полу.

У автора книги находятся также контраргументы и для попыток обосновать наличие принципиально различных (мужских и женских) форм интеллекта. Она склоняется скорее к мысли, что несомненно существующие различия обусловлены тем, что

общество в большей степени поощряет интеллектуальное развитие мужской своей половины, нежели женской.

Наконец, попытки утверждать, что разница интеллектуальных способностей обусловливается различным в зависимости от половой принадлежности распределением функции правого и левого полушарий мозга, Б.Бендерли расценивает как опыты, которые больше говорят об интересах, ценностных установках и убеждениях исследователей, чем о подлинной человеческой природе пола. С этим она и переходит к заключительной главе своей книги.

В главе IV "Для чего существуют мужчины и женщины?" Б.Бендерли критически анализирует концепции, согласно которым мужское принимается за эталон общечеловеческого (в физическом строении, в интеллектуальных способностях и т.п.). Приводя аргументы из области генетики, эволюционных теорий, биохимии, она доказывает, что женское представляет собой особый, но вполне равноценный вариант общечеловеческого.

Этим она доказывает, что традиционная схема иерархического соотношения способностей в зависимости от пола является ничем иным, как мифом. Этим же объясняется и второй ее вывод о том, что концепция баланса мужской и женской форм человеческого бытия, или концепция симметрии, является в настоящее время одной из самых настоятельных задач, во-первых, в естественных науках.

А во-вторых, и этому посвящается вторая часть последней главы, построение искомой концепции симметрии требует пересмотра традиционных представлений о влиянии культуры на формирование человеческих представлений о сущности полового диморфизма. В этом обращении к исследованию культуры Б.Бендерли видит основную задачу и ценность своей книги. Ведь именно в культуре рождаются мифы, например, миф об объективности науки или миф о двух умах. Поскольку же именно культурологический анализ может показать зависимость той или иной "объективной" установки от системы интересов

той или иной культуры, ему принадлежат и наиболее мощные возможности в открытии перспективных направлений исследований, имеющих общекультурное значение.

С.П.Чернозуб

ПОЛОВЫЕ РОЛИ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Sex roles and psychopathology / Ed
by Spatz Widom C. - N.Y.; L.: Plenum,
1984. - 402 p.

Цель данной книги — исследование воздействия стереотипных представлений о женских и мужских половых ролях на возникновение и специфические формы распределения психических отклонений в зависимости от пола пациента. В ней также рассматривается вопрос о том, насколько культурные нормы, общественные ожидания и ценности, связанные с половым различием, влияют на развитие, проявление, диагноз и лечение так называемого отклоняющегося поведения у мужчин и женщин.

Отклонение от нормы не может пониматься абстрактно. Наши представления об отклонении в значительной степени определяются культурными нормами и политическим климатом данного общества.

Ни в коей мере не отрицая воздействия физиологических, биологических, генетических и гормональных факторов на развитие психических заболеваний, авторы подчеркивают важную роль окружающей среды, социальную обусловленность возникновения психических отклонений, их конотации и принимаемых против них мер.

Поведение представителей обоих полов формируется под влиянием разных видов социализации, тесно связанных с раз-

ными половыми стереотипами. Так, родители, учителя, общественные и культурные организации поощряют или наказывают действия девочек и мальчиков в строгом соответствии с их полом, что впоследствии ведет к возникновению типичных для каждого пола отклонений.

Интерес к изучению ролей, связанных с половой принадлежностью, пробудился около 15 лет назад. За этот срок были выработаны основные для этой области понятия. Эти взаимосвязанные понятия четко различаются в зависимости от того, какие факторы влияют на возникновение, проявление и развитие психических отклонений: биологические, социальные или психические.

Понятие "пол" означает просто биологическую принадлежность индивида к мужскому или женскому полу. Половое отождествление связано с осознанием и принятием/непринятием своей половой принадлежности. Психологическая мужественность/женственность включает ряд желательных с точки зрения общества признаков, которые якобы должны отличать представителей одного пола от другого.

Между традиционным пониманием свойств, якобы присущих мужчине и женщине, и некоторыми особыми формами психопатологии существует определенная связь. Ряд авторов указывают, что традиционные представления о женственности играют немалую роль в теоретическом обосновании некоторых психических отклонений.

Половая роль — это поведение, обычно понимаемое как характерное для представителей того или иного пола в данном обществе. Такое поведение обычно соответствует принятым в данном обществе мужскому и женскому стереотипам. Стереотипы половых ролей — это общепризнанные в данном обществе взгляды на приличествующее мужчине или женщине поведение.

Опыт социализации, стереотипы и установки, связанные с половыми ролями, занимают важное место в исследованиях по психопатологии. Различия в социализации мужчин и женщин

определяют их поведение, которое, в свою очередь, накладывает отпечаток на развитие различных форм психических заболеваний. Например, в процессе воспитания перед детьми ставятся различные запреты, связанные с пониманием половых ролей в данном обществе, а эти запреты имеют непосредственное отношение к возникновению различного рода психических отклонений от нормы. Ограничения в доступе к различным видам опыта частично опосредствуют формированию подобных отклонений, а также влияют на их неравное распределение среди мужчин и женщин.

Культурные роли предписывают каждому полу определенные представления об идеальном физическом облике, подчеркивают неодинаковое для мужчин и женщин значение физической привлекательности и таким образом влияют на развитие расстройств, связанных с неудовлетворенностью внешним обликом. Кроме того, традиционная социализация половых ролей ограничивает сексуальный опыт женщины в детстве и юности, предусматривая строгие нормы с разработанным "сексуальным сценарием" для одобряемого мужского и женского поведения. Например, социализация мужчин и женщин в американской культуре развивает у женщин большую склонность к депрессии, делает проявления истерии более приемлемыми для женщин и менее приемлемыми для мужчин.

В стереотипах мужского и женского ролевого поведения отражены определенные общественные ожидания. Исследования подтверждают, что от людей женского пола (даже здоровых новорожденных) ожидается большая слабость, меньшая способность самостоятельно осуществить свои желания и, следовательно, большая потребность в защите. В процессе воспитания окружающие более охотно выполняют что-либо за девочек, в то время как мальчикам показывают, как сделать это самостоятельно. Действия мальчиков чаще имеют последствия, чем действия девочек. Конечно, мальчиков чаще наказывают, особенно за проявление агрессии, но наказание и поощрение,

как правило, зависит от их собственного поведения. Таким образом, мальчики имеют большую возможность научиться контролировать наказание и поощрение с помощью собственных действий. Поведение девочек, включая агрессию, реже вызывает какую-либо реакцию взрослых.

В западной культуре успех и компетентность четко поощряются только в отношении мужчин. Для женщин успех имеет неоднозначные последствия. Отмечено, что к мнению компетентных женщин меньше прислушиваются, чем к мнению компетентных мужчин: их чаще перебивают, и они оказывают меньшее влияние на мнение группы. Квалифицированная работа, выполненная женщиной, чаще оценивается как менее значимая¹⁾. Иногда верное решение, предложенное женщиной, вообще не воспринимается группой. Нередко женщина, добившаяся успеха, одновременно наказывается, отвергается обществом. Исследования, посвященные "боязни успеха" у женщин, показывают, что женщинам, в отличие от мужчин, общественное мнение часто оказывает дурные последствия достигнутого ими успеха. Не удивительно, что преуспевающие женщины чаще объясняют свои достижения удачей или какими-либо другими внешними причинами, но не личными качествами. Так, через блокирование эффективности поощрения перед женщинами возводится когнитивный барьер. Женщины реже мужчин ожидают успеха в будущем и реже пытаются достичь его. Аналогичная картина характерна для людей, страдающих депрессией: добившись успеха, они приписывают его удаче, а потерпев поражение, винят себя.

¹⁾ Широкую известность на западе получили результаты одного социально-психологического эксперимента: американским студентам и студенткам был предложен один и тот же рассказ, только в одном случае имя автора было Джон Смит, а в другом — Джоан Смит. Надо ли говорить, что рассказ, якобы написанный мужчиной, оценивался всеми участниками эксперимента гораздо выше, чем рассказ, написанный "Джоан Смит"?!

Короче, за столь ценимое в современной западной культуре "компетентное поведение" женщины реже поощряются, меньше контролируют поощрение, а само поощрение у них нередко сопровождается наказанием. Посредством половых стереотипов женщине внушается, что от нее не ждут активного компетентного поведения. Это "обучение беспомощности" отражается у женщин в низком уровне ожидания успеха, большей нерешительности и т.п.

Депрессия особенно распространена среди женщин не в силу каких-либо биологических причин, не только потому, что они острее реагируют на стресс, но главным образом из-за того, что в процессе усвоения стереотипов женского поведения они учатся большей восприимчивости к депрессии. Хотя для обоих полов существует множество источников восприимчивости к депрессии, воздействие стереотипов женского ролевого поведения является для женщин дополнительным источником депрессивного состояния.

Конечно, с депрессией связано множество других социальных факторов, распространяющихся на представителей обоих полов: низкий уровень образования, низкие доходы, молодость, физические заболевания и т.п. Однако степень воздействия одних и тех же социальных факторов может меняться в зависимости от пола и семейного положения.

Например, подвергаясь одновременному воздействию нескольких социальных факторов, замужние и разведенные женщины страдали от депрессии чаще мужчин того же статуса, исключение составили вдовы и женщины, никогда не бывшие замужем.

В свое время высказывалось предположение, что работа вне дома помогает женщине сохранить психическое здоровье. Однако в показателях заболеваемости замужних работающих и неработающих женщин не наблюдается существенных расхождений, в то время как эти же показатели значительно ниже у женатых работающих мужчин. Несомненно, данные подобных

исследований следует интерпретировать с большой осторожностью, так как в них неизбежно не учитываются некоторые параметры, например уровень профессионализма. Замужние женщины обычно заняты менее квалифицированной работой, чем мужчины того же возраста. У тех немногих замужних женщин, которые были заняты высококвалифицированной работой, показатели депрессии были весьма низкими (даже ниже, чем у женатых мужчин). Интересно, что безработные мужья страдали депрессией чаще безработных жен, в то время как в группе лиц, не состоящих в браке, у женщин, лишившихся работы, депрессия наблюдалась чаще, чем у мужчин.

Бесспорный факт более высокого уровня психических заболеваний у замужних женщин, сравнительно с женатыми мужчинами, объясняется различными авторами по-разному, но всегда с привлечением сложного взаимодействия социальных ролей, избирательности в браке, приобретенной подверженности психическим нарушениям и приобретенной склонностью к необдуманным поступкам. В одном из объяснений на первый план выдвигается половая роль женщины как домохозяйки. Предполагается, что у женатого мужчины два источника удовлетворения (работа и семья), в то время как у женщины один (семья). Кроме того, роль домашней хозяйки скорее может быть источником фрустрации, чем удовлетворения. Указывается также, что наличие маленьких детей ослабляет самоконтроль женщины. Поскольку в женскую половую роль входит ведение домашнего хозяйства, работающая замужняя женщина чаще бывает перегружена и утомлена. К тому же ее работа, как правило, ниже оплачивается и менее престижна, чем работа ее мужа, и, следовательно, приносит меньшее удовлетворение.

Другое объяснение значительных различий в частоте психических заболеваний мужчин и женщин в зависимости от брачного статуса было предложено еще в начале 70-х годов известным американским социологом, профессором Джоном Бернхардом. На основании тщательного анализа статистических и

прочих данных она утверждает, что в противоположность традиционному недовольству мужчин тяготами брачной жизни, супружеское состояние как нельзя лучше обеспечивает физическое и душевное здоровье мужчины, а также благотворно влияет на его деловые качества и производственный статус. Не случайно развод или вдовство бывает у мужчин, как правило, короткой прелюдией к новому браку. Среди одиноких вдовцов катастрофически повышается смертность, возрастает число самоубийств. Высока статистика смертности и среди холостяков¹⁾. Дисциплина супружества, хотя и считается непомерной обузой, весьма благотворна для холостяков; по свидетельству психиатров, она есть оптимальный способ предотвратить саморазрушение человека, по натуре не склонного обуздывать свои желания. "По крайней мере в настоящее время, не говоря о будущем, нет лучшего гаранта долгой жизни, здоровья и счастья мужчин, чем хорошо социализированная для исполнения "своего долга" жена, посвятившая свою жизнь заботам о нем, обеспечивающая и даже навязывающая порядок и безопасность хорошо организованного дома. И постольку, поскольку жена все в большей мере разделяет роль кормильца и проявляет все большую терпимость к внебрачным отношениям, преимущества брака для мужчин будут возрастать", — пишет Дж.Бернхард.

Этого нельзя сказать о замужестве. Лишь 25% опрошенных женщин заявляют, что удовлетворены своим браком (по сравнению с 45% мужчин). Около четверти опрошенных считают свой выбор мужа неудачным (недовольных мужчин — лишь 12%). Подавляющее большинство женщин, даже удовлетворенных замужеством, заявляет о трудностях и неурядицах своей брачной жизни. Гораздо чаще, чем женатые мужчины, замужние жен-

1) Эмиль Дюркгейм был одним из первых, кто обнаружил опасительное влияние брака на мужчин в связи со своим исследованием самоубийства.

щины страдают психическими комплексами и нередко находятся на грани психического расстройства. Случаев самоубийства среди одиноких вообще больше, чем среди состоящих в браке; однако у мужчин это соотношение 1:0,5, у женщин – 1:0,75. Эту разницу показателей нельзя объяснить одними лишь сексуальными различиями: выяснено, например, что замужних женщин с серьезными невротическими симптомами втрое больше, чем одиноких с такими же симптомами. Одинокие женщины по всем показателям – психическим, деловым и даже имущественным – выгоднейшим образом отличаются от холостяков.

Еще в 1942 г. Джесси Бернارد выдвинула "шоковую теорию брака". Она доказывала, что для женщины брак является тяжелой психической травмой. Происходит полная перемена отношений с избранником (из объекта ухаживаний жена превращается в няньку), почти неслучайное разочарование в муже (принятое на веру стереотипное представление о мужском превосходстве оказывается фиктивным), общее, в том числе правовое, понижение социального статуса женщины, утрата ею самостоятельности и ущемление ее чувства собственного достоинства.

Приспосабливаясь к господствующим психологическим и бытовым стандартам семейной жизни, женщина, по словам автора, калечит собственную личность, переживает психическую деформацию. Статистика неопровержимо свидетельствует, что приспосабливаясь ценой подавления интеллекта, перестройки интересов и эмоций, наконец, ценой сексуальной нейтрализации приходится именно жене. Типичный для современности образ жизни – индивидуальное жилище и отдельное домашнее хозяйство – вынуждает женщину если не отказываться от призвания и карьеры, то во всяком случае отдавать домашним заботам большую часть времени и сил. Ее преимущественным делом становится изнурительный и неблагодарный ручной труд, который, хотя и представляет первоочередную социальную необходимость и фундамент современной экономической структуры

общества, однако в расчет не принимается и не оплачивается, т.е. никаким уважением не пользуется, а стало быть чреват утратой самоуважения. Переключение на обслуживание семьи ведет к социальной изоляции и тем самым – к гражданской неполноценности. С течением семейной жизни разрыв в уровне интеллектуально-психического развития все больше увеличивается в пользу мужа, возрастает некоммуникабельность и развод оказывается весьма вероятным исходом. Сравнительный анализ данных обследования работающих женщин и домохозяек (это обследование было проведено Национальным центром статистики здоровья) выявил у последних ряд серьезных психических отклонений, состояние, близкое к душевной болезни, что, по словам автора, дает полное основание говорить о психопатологическом "синдроме домохозяйки".

Опыт социализации половых ролей также отражается на частоте злоупотреблений лекарственными препаратами и картине этих злоупотреблений у мужчин и женщин. Некоторые формы злоупотребления лекарствами, если они не противостоят стереотипу женского поведения, не осуждаются и даже открыто поощряются обществом. Например, злоупотребление лекарствами для похудения и транквилизаторами, способствующими сохранению спокойствия и пассивности.

Следует отметить, что ограничения, навязанные половой ролью, не всегда чреват отрицательными последствиями. В некоторых случаях они дают женщинам некоторое преимущество. Традиционные ограничения в социализации женщин, по-видимому, связаны с более низким уровнем сердечно-сосудистых заболеваний (который, однако, в последнее время начал повышаться), меньшим распространением алкоголизма, наркомании и некоторых форм преступности.

Стереотипы половых ролей неизбежно отражаются на представлениях об отклоняющемся от нормы поведении и, в конечном счете, на диагнозе и лечении пациентов разного пола. Например, сексуальная активность соответствует мужскому

стереотипу, тогда как у женщин она может восприниматься как отклонение от нормы. Женщины, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками, вызывают большее осуждение, им приписывают большее отклонение от нормы, а их излечение считают более сомнительным. Изучение значительного числа историй болезни показывает, что стереотипные представления о половых ролях влияют на диагностические критерии, психологические предположения и обращение с пациентом.

Обратимся к недавней истории. На протяжении XIX в. медицинская теория о душевных заболеваниях развивалась, как правило, в одной плоскости. Хотя некоторые исследователи еще тогда указывали на существование значительных различий в социальной атмосфере, окружающей мужчин и женщин, в преобладающем большинстве научных работ источником эмоциональной нестабильности женщин считались гинекологические заболевания. Еще в 1873 г. авторитетные специалисты пишут о "глубинной связи между маточной и церебральной системой". В статистических отчетах психиатрических лечебниц многочисленные сообщения о психических заболеваниях женщин упорно связываются с болезнями половой системы, а не с социально-экономическими факторами.

Врачи XX в., как показали недавно проведенные исследования, также нередко разделяют стереотипные представления своих предшественников о мужском и женском характере и верят в физическую основу психических заболеваний. Они по-прежнему считают женскую психику тесно связанной с половой сферой и неустойчивой просто в силу половой принадлежности. Одновременно они меньше, чем врачи в XIX в., обеспокоены нездоровым социальным окружением, жесткими физическими и психическими требованиями, предъявляемыми к человеку индустриальным обществом.

Разные требования, предъявляемые обществом к мужскому и женскому поведению, определенным образом отражаются на медицинской практике. Нормативные ожидания относительно

того или иного пола могут действовать как моральные императивы и таким образом контролировать поведение. В современном обществе внутренние и внешние ограничения, вытекающие из традиционного понимания женской роли, препятствуют развитию самостоятельности, активной личности и, следовательно, в стрессовых условиях опосредуют развитию разного рода навязчивых страхов (например, боязни пространства, изменений и т.д.), вырабатывают жизненный стиль, характеризующийся стремлением избегать сложных ситуаций, робостью, зависимостью и т.п.

В соответствии с традиционным опытом социализации проявление истерических черт оказывается более допустимым для женщин. Не удивительно, что проявление истерии и неврозов, как правило, ассоциируется с пациентами женского пола. Изучение различных диагностических критериев выявило весьма любопытный факт. Нередко эти критерии включают признаки, наблюдаемые только или преимущественно у женщин, например, нарушение менструального цикла и т.п. Чем меньше подобных признаков включается в диагностические критерии, тем чаще среди больных истерией оказываются мужчины. Таким образом, выработке непредвзятых психоаналитических, социокультурных, межличностных и биологических объяснений нередко препятствуют стереотипные представления о роли женщины.

Влияние этих стереотипов четко прослеживается в той области психопатологии, которая имеет отношение к криминальному поведению. При рассмотрении связи между стереотипными представлениями о мужских и женских ролях и преступностью обнаружилось, что традиционные представления воздействуют на теорию, исследовательскую работу и юридическую систему борьбы с преступностью.

Влияние половых стереотипов на медицинскую практику признается большинством современных ученых. Расхождения возникают относительно размеров этого влияния. По мнению

ряда авторов, неверно было бы говорить о половой дискриминации в медицине. Пол пациента сам по себе не играет важной роли при постановке диагноза и оказании профессиональной помощи. Их оппоненты приводят многочисленные примеры дискриминации женщин в медицинской практике: врачи охотно приписывать женщинам психогенные заболевания, а мужчинам — органические; различного рода сложные ситуации и недоразумения чаще возникают в лечебных учреждениях в том случае, если пациент женщина; женщинам без особой необходимости прописывается больше лекарств, главным образом, транквилизаторов и т.п.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что у врачей имеются различные стереотипные ожидания в отношении пациентов мужского и женского пола.

Конечно, психология и психиатрия не могут и не должны страдать половой слепотой. Признание и дальнейшее исследование воздействия стереотипных представлений о половых ролях на восприятие различных форм психических отклонений поможет избавиться от предубеждений и лучше понять важную роль социокультурных факторов в этиологии, диагностике и лечении заболеваний.

Н.Г.Кротова

РАЗДЕЛ IV

ФЕМИНИСТСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ

1. Maccoby E.E. Le sexe, catégorie sociale // Actes de la recherche en sciences sociales. — P., 1990. — N 83. — P. 16-26.
2. Lagrave R.-M. Recherches féministes ou recherches sur les femmes? // Ibid. — P. 27-39.
3. Merllié D. Le sexe de l'écriture. Note sur la perception sociale de la féminité // Ibid. — P. 40-51.
4. Winkin Y. Goffman et les femmes // Ibid. — P. 57-61.

Очередной выпуск ежеквартального издания Дома наук о человеке (Париж) "Материалы исследований в области общественных наук" посвящен проблемам феминизма. Выпуск включает работы известных специалистов, занимающихся изучением "женского вопроса", охватывающего генезис феминистских исследований, их структурную организацию, специфику положения и функциональных ролей женщин во французском обществе, особенности социализации детей разных полов.

В статье Р.-М.Лаграв (2) раскрывается суть антитезы феминистские исследования/исследования женщин. Феминистское движение считает одной из своих программных целей решение "женского вопроса", осуществляемое как в форме борьбы за права женщин, так и в форме научных исследований. Эти исследования, как правило, включают эпистемологическую,

политическую и институциональную критику официальной науки, отказывающей проблемам феминизма в научном статусе.

Первоначально женское движение отвергало институционализацию научных исследований и резко критиковало университеты как оплоты официальной науки, монополизированной мужчинами. Научный рост и профессиональное совершенствование женщин в традиционных рамках квалифицировались как "предательство интересов феминизма". Такая бескомпромиссная позиция базировалась на фундаментальном тезисе феминизма. "Только угнетенная может анализировать и объяснять свое угнетенное положение" (2, с.28) и положении о прерогативе женщин в изучении феминистских проблем.

Противоречие между желанием сохранить верность боевым традициям и необходимостью найти базу для научных разработок частично нашло разрешение в организации автономных, официально не признаваемых и не финансируемых групп феминистских исследований. Группы проводили национальные и международные colloquia, выпускали специализированные издания, освещавшие феминистскую проблематику. Создание групп отвечало стоявшим перед движением задачам объединения феминистских исследований и придания им целостной структуры, унификации категориального аппарата и терминологии, получения признания научных советов. Университетская наука как в Париже, так и в провинции проявила стойкое неприятие феминистских групп, использовавших для заявления о своем существовании традиционные методы студенческой борьбы: занятие аудиторий, привлечение широких масс слушателей и др. "Ответом университетских властей на эти демарши был омерзительный. От деканов до ученых советов и коллег омерзительный выступал в качестве социального фактора, способствовавшего унижению и обезличиванию "дамских творений", напоминая феминисткам, что они нарушают правила, определяющие легитимность предметов исследований" (2, с.30). Только в начале 80-х годов под мощным напором требований студентов

университеты начали сдавать позиции, хотя и при условии уступок с их стороны, которым вменялось в обязанность неуклонно соблюдать все университетские правила, "постепенно проникаясь духом учреждения" (2, с.30).

С приходом к власти социалистов в 1981 г. были пересмотрены основные положения, регулирующие научные исследования. Представительницы феминистских групп выступили с резкой критикой устаревших догм, царивших в области организации науки, и андроцентристской структуры научных учреждений. Преследуя политические интересы, заинтересованная в расширении электората, обновленная научная власть уже в 1982 г. признала легитимность феминистских исследований в ходе colloquia в Тулузе, проходившего под девизом: "Женщины, феминизм и научные исследования". "Произошло официальное рождение феминизма как научной проблемы и области исследований" (2, с.31). Но этот акт оказался ловко замаскированной попыткой воздвигнуть стену между общественным движением и изучением женского вопроса.

Легитимизация феминистских исследований потребовала создания институциональной структуры, что в свою очередь привело к конфликтным ситуациям и борьбе за высшие посты. Постепенно феминистки прошли этапы селекции и реструктурирования и организовали региональные научные ассоциации и национальный координационный комитет.

Однако периодически в рамках феминистских исследований возникают дебаты, которые часто касаются критериев научности при отборе исследовательских проектов. "Возникло противостояние двух лагерей: "легитимисток", стремящихся придать феминистским исследованиям академичность, и сторонниц объединения политической борьбы и научной деятельности, выдвигающих свои критерии" (2, с.32). Как правило, доминирует "институциональная логика", требующая в первую очередь компетенции и понимания изучаемых проблем. Этому критерию отвечает тематическая программа действий "Изучение женщин

и феминистские исследования", созданная в 1983 г. и поставившая три основные задачи: признать научную значимость проблем феминизма; утвердить трансформирующий характер феминистских исследований, ориентированных на познание и изменение реальности, уничтожение социальной напряженности и фактического неравенства женщин; осуществить материальную поддержку научно-исследовательских проектов.

Специфика и направленность феминистских групп проявляется через антитезы: женщина/феминистка, институализация/автономия, связь с женским движением/отсутствие связи, научная ориентация/политическая ориентация, теоретические исследования/прикладные исследования, в соответствии с которыми обозначились два полюса и располагающееся между ними "среднее поле", "занимаемое группами и индивидами с самыми разнообразными взглядами и интересами" (2, с.35).

Каждая позиция структурно оформлена в системе и связана с другими группами отношениями возможного сотрудничества или максимального противодействия. В целом система достаточно стабильна. Примерами ортодоксальной позиции могут служить: Исследовательская группа междисциплинарного изучения женщин (Тулуза, университет), Центр женских исследований (Париж УШ, университет). На противоположном полюсе находятся Лионский центр феминистских исследований (Лион II, университет), Центр феминистских исследований, рефлексии и информации (Париж, не связан с университетом). Среднюю позицию занимают Центр исследований и информации о женщинах (Бордо III, университет), Центр женских исследований Прованса (университет Экс-Марсель).

Для ортодоксальных групп характерна стратегия интеграции в научно-исследовательские и научные учреждения, эксплицитный отказ от связи научных разработок с политической борьбой. "Даже в названиях групп употребляется слово женщина, а не термин феминистка, что символизирует разрыв науки с любыми формами борьбы" (2, с.36). В состав групп входят

только преподаватели и научные сотрудники, имеющие, как правило, ученые степени. Их интересует собственно наука (история, филология, лингвистика, философия), а не конкретно феминистские исследования. Вступление в эти группы осуществляется на основе строгого отбора и анализа научного веса претенденток. Группы проводят закрытые семинары, разрабатывают определенные темы и публикуют результаты исследований.

Оппозицию представляют группы, сохранившие связь с женским движением и оформившие новое направление научных исследований – "политический и научный феминизм". Не претендуя на глубокие теоретические выводы, эти группы изучают "женский вопрос", "ожидая от результатов исследований социальной и политической ценности" (2, с.37). В эти группы входят в основном психологи и социологи, не имеющие высокой научной квалификации. Большинство групп автономно.

Принадлежность к одной из альтернативных стратегий – интеграционной или сепаратистской – разделяет область женских исследований на два лагеря – верноподданных и еретический. По отношению к женскому движению ситуация обратная – верноподданные оказываются отстутницами, а еретички хранят верность женской борьбе. "Однако с академической точки зрения все исследователи "женского вопроса" "погрязли в ереси", так как, даже при условии следования правилам ортодоксальной науки, изучение женщин предполагает отстутпление от академических критериев" (2, с.37).

В последние годы возник целый ряд феминистских групп, занимающих промежуточную позицию. Группы отказываются от решения спорного вопроса – исследование женщин или феминистские исследования – и избирают "третий путь", который сводится к изучению социальных связей полов, проявлений половых особенностей в социальной жизни. Практически этим группам, утверждающим нейтральность, удалось "примирить науку и феминизм, интегрироваться в институциональные струк-

турн и сохранить контакт с женским движением" (2, с.39). "Третий путь" представляется наиболее перспективным для феминистских исследований. Вместе с тем в условиях нарастающего разрыва политической борьбы и научных исследований эти группы постепенно склоняются к ортодоксальной позиции.

И.Уинкин (4) рассматривает малоизвестные социально-психологические труды И.Гоффмана¹⁾, в которых рассматривались особенности социального статуса женщины и зависимость социальной жизни от пола.

Гоффман понимал социальный порядок как чередование социальных ситуаций, предстающих в виде церемониальных действий, в ходе которых участники демонстрируют принципы, регулирующие их существование. "Речь идет не только о крестинах, свадьбах и похоронах, но и о семейных обедах, вечеринках, визитах" (4, с.55). В духе Дюркгейма Гоффман понимал каждую интеракцию как микроцеремонию, состоящую из определенного набора фиксированных элементов, называемых ритуалами. Но Гоффман расширил понятие ритуала и показал, что в каждой ситуации деятели обмениваются информацией о своей социальной идентичности. Одновременно Гоффман решал вопрос, каким образом деятели осуществляют дифференциацию и идентификацию половых признаков, и пришел к выводу, что деятели используют показатели пола, различные у мужчин и женщин. "Источником этих показателей служат не столько физиологические особенности, как утверждают этнографы, сколько отношения родителей и детей. Для Гоффмана женщины не отличаются от детей, что касается ритуалов" (4, с.59). Мужчины-отцы поддерживают авторитет семьи, осуществляют функции контроля, наказания, поощрения. Мужчины и женщины,

1) Goffman E. Gender Advertisements. - Cambridge: Harvard univ. press, 1979. - 140 p.; Goffman E. The arrangement between the sexes // Theory a. society. - Amsterdam, 1977. - Vol. 4, N 3. - P. 301-331.

осознавая свой пол, занимают в соответствии с ним определенное место в социальном порядке и поддерживают его стабильность. "Логика Гоффмана гугает: по его мнению, женщина всегда находится в подчиненном положении. Даже в интимных отношениях воспроизводится асимметричная позиция полов: совершенно естественно, что мужчина осаждаст, а женщина одается" (4, с.59). И это при том, что физические и физиологические особенности полов не настолько велики, чтобы любая социальная организация, обладающая целым рядом дифференцирующих факторов (расовых, социальных, образовательных), не могла их игнорировать. Но практически различия полов играют огромную роль, что в значительной степени обусловлено институциональной структурой современного общества. Гоффман приводит пример обнаженного младенца - достаточно взглянуть на него, чтобы отнести к определенному классу по половому признаку (sex-class), и всю жизнь ему придется следовать принятой для этого пола манере вести себя, действовать, чувствовать. С точки зрения индивида, можно говорить о мужском и женском полах, с социальной точки зрения - о половой субкультуре, в рамках которой каждый получает свою половую идентичность, может быть более глубокую, чем распределение по поколениям.

Гоффман выделяет две категории индивидов, занимающих "ущербное" положение в обществе: это "ущербность" всего рода (например, негры) и индивидуальная "ущербность" (физически или умственно неполноценные). Женщин, по мнению Гоффмана, можно сравнить скорее со второй категорией, но "в отличие от слепых, тучных или увечных, неравномерно распределенных в социуме, женщины представлены равномерно: это девочки в семьях и позже жены в супружеских парах" (4, с.59).

В то же время, несмотря на зависимое положение, женщины пользуются всеобщим уважением, о чем свидетельствуют правила вежливости и ухаживания за прекрасным полом. Клас-

оическая западная галантность трактует женщин как хрупких существ, нуждающихся в поддержке и защите. Это положение женщин обусловлено "институциональной рефлексивностью", для понимания которой Гоффман изучает пять типов социальной организации, в которых формируются стереотипы поведения полов и складывается половая иерархия: разделение труда по половому признаку, особенности социализации братьев и сестер, манера одеваться, связь между внешним видом и профессиональной ориентацией, система идентификации.

В области разделения труда наблюдается противопоставление "мужской" и "женской" деятельности. В любой семье братья с детства постигают, что они предназначены для более высокой, чем сестры, социальной позиции. Во взрослой жизни дети воспроизводят эту иерархию, что дает Гоффману возможность утверждать: "Пол, а не религия, есть опий народа" (4, с.60). Женщинам, как правило, не удается высоко подняться по служебной лестнице, они не стремятся к профессиональному совершенствованию и довольствуются общением с людьми.

Наиболее ярко противопоставление полов проявляется в манере одеваться. "Ни анатомические, ни физиологические особенности не могут оправдать эту сегрегацию, являющуюся результатом культурных традиций" (4, с.60).

В процессе коммуникации система идентификации мгновенно распределяет деятелей по половому признаку. Любая интеракция базируется на этой дифференциации.

Неомотря на приведенные рассуждения Гоффмана и его "шмор в духе Свифта", его позицию вполне можно назвать феминистской. Он выделил женщин в самостоятельный секс-класс, отметил их специфический социальный статус. Но феминистки упрекают Гоффмана в сужении социальной роли женщины до роли жены и матери — хранительницы домашнего очага, связанной с мужем и зависящей от него. Гоффман действительно придал частному положению замужней женщины универсальный

характер, игнорируя специфическое положение одиноких женщин, гомосексуальные связи, родотвенные отношения, и создал слишком линейную схему.

В статье Э.Маккоби (1) показано проявление специфических половых признаков у детей в процессе социализации. Противоположность полов имеет абсолютный характер на биологическом уровне, что обусловлено различными ролями в воспроизводстве. Но определение социального статуса и социальных ролей в зависимости от пола варьируется в различных культурных системах и в некоторой степени в рамках каждой культуры. Дифференциация возникает под влиянием присущих данной культуре верований, из которых формируются стереотипы социального поведения. Так, пол оказывается универсальной социальной категорией.

"Большинство индивидов вступает во взрослую жизнь, четко следуя поведенческим формам, принятым для их пола в обществе" (1, с.16). Типы поведения складываются в условиях социального взаимодействия детей; уже в играх мальчиков и девочек проявляется сегрегация. Исследования показали, что дети дошкольного и младшего школьного возраста объединяются в группы по половому признаку и отказываются от контактов с детьми противоположного пола, считая их людьми "низшего сорта" и наделяя их худшими характеристиками, присущими данному полу. Таким образом, пол в этом возрасте оценивается как фундаментальное качество индивида. Под воздействием взрослых дети могут создавать смешанные группы, однако, выйдя из-под контроля, они возвращаются к сегрегации. Вместе с тем под маской антагонизмов иногда скрывается интерес к противоположному полу, не проявляемый из-за боязни насмешек и издевательств товарищей. "С семилетнего возраста всякие отношения между мальчиками и девочками имеют секретный характер и реализуются только в домашней обстановке" (1, с.17).

Сегрегация в играх четко выражена уже с двухлетнего возраста, но выявляются и общие черты в играх: большинство детей обоих полов проявляет интерес к активным, подвижным занятиям, "сидячие" игры увлекают их ненадолго. Однако мальчики чаще склонны к соревнованиям, шутливым дракам, борьбе, подчас переходящей границы игры. В компании девочек скорее устанавливаются отношения сотрудничества, мальчики же стремятся к доминированию, причем называют свою власть физическим путем, тогда как девочки в этом случае прибегают к словесным убеждениям. В то же время в группах мальчиков "царит более доброжелательная атмосфера. Грубый физический стиль их игр происходит не от агрессивности, а от желания развлечься" (I, с.19).

Различные стили игры определяют формирование различных типов культур в группах разнополых подростков. Для групп юношей характерна четкая и достаточно стабильная иерархия подчинения. В их речи часто употребляются приказы, угрозы, оскорбления, они склонны к самовосхвалению, противостоят, неповиновению. Девушки более конформны, деликатны, терпимы. "У юношей речь служит индивидуализации, у девушек, напротив, речь обеспечивает установление социальных связей" (I, с.20).

Мужской или женский поведенческий тип складывается под влиянием принятых в обществе норм, обновляемых каждым поколением. "Взрослые агенты социализации по-разному воспитывают мальчиков и девочек, разнывая путем поощрения, наказания и личного примера те модели поведения и качества, которые в данной социальной группе приняты для того или иного пола" (I, с.20). В результате у мальчиков и девочек формируются неодинаковые привычки, манеры, интересы. Но и при единообразном воспитании разнополых детей в процессе социализации выявляется их тяготение к "своему" полу. Сегрегация по половому признаку, таким образом, представляет собой групповой феномен, а не отражение индивидуальных вкусов и пристрастий.

Различия в социальном поведении мужчин и женщин в значительной степени обусловлены биологическими особенностями, окладывающимися на пренатальном уровне. Младенцы в процессе познания уже идентифицируют свою принадлежность к определенному полу, конструируя категории пола, определяющие в дальнейшем их поведение. В процессе развития дети черпают из культурной среды информацию, фиксирующую универсальные биологические характеристики полов (например, женщины, а не мужчины способны к воспроизводству) и промежуточные характеристики, имеющие как биологический, так и социальный смысл. По мере взросления они перерабатывают полученную информацию и создают стереотипы, которые затем стремятся увековечить, сопротивляясь любым изменениям.

Однако нормы поведения, диктуемые полом, могут вступать в противоречие с социальными нормами и отступать перед ними. Кодирование пола социального партнера происходит автоматически и почти бессознательно. Значение этой социальной категории меняется в зависимости от ситуаций, в которых оказывается субъект.

Д.Мерлье (3) обобщает данные экспериментального исследования, ставившего целью определить пол автора по почерку. В отличие от графологических экспертиз, выделяющих психологические, а следовательно индивидуальные характеристики личности, в задачу настоящего исследования входило изучение социальных аспектов формирования и использования письма. П.Бурдые считает почерк "парадигмой" габитуса, отражающей социальные характеристики личности, где стиль, манера письма, размер букв являются в свою очередь парадигмами низшего уровня.

Почерк составляет часть поведенческого типа и отличается разнообразием индивидуальных проявлений. "Он остается одной из характерных для индивида модальностей наряду с чертами лица, манерой речи и поведения, стилем одежды" (3, с.41). Кроме того, почерк является длительным средством самоидентификации.

Задание, поставленное в исследовании, укладывалось в рамки ситуаций, возникающих в обыденной жизни. Действительно, в условиях взаимодействия незнакомых людей в необычных или неcodифицированных ситуациях часто приходится быстро идентифицировать партнера. Операции по "определению ситуации" проходят через социальное определение ее участников. Среди всех характеристик, выделяемых у партнера, определение пола представляется наиболее простой задачей, но одновременно и наиболее важной, "что доказывает неловкость, возникающая при ошибках" (3, с.41).

Анализируя ответы на вопросник, следовало выявить: степень гомогенности ответов, их адекватность реальности. Дополнительно следовало оценить критерии ответов: являлись ли они сознательными, обдуманнми (если отвечающие легко могли их перечислить) или "попадание" происходило интуитивно или чисто случайно. С тем чтобы сузить область дифференциаций и сконцентрироваться на различиях по половому признаку, для исследования была отобрана максимально гомогенная группа студентов, с равным представительством (по 20) юношей и девушек одного возраста, родившихся во Франции. Было сформировано три группы "судей": 56 студентов, той же специальности, 12 преподавателей и 20 иностранных студентов европейского происхождения (не проживающих во Франции). Наибольший интерес представляли результаты ответов первой группы (вторая и третья были взяты для сравнения), поэтому только они подробно разобраны в статье. Большинство текстов (23 из 40) были идентифицированы как мужские. Анализ критериев показал, что выбор "мужского" текста идет "от противного" — большая часть опрошенных имела стереотип "женского" почерка и выявляла "мужской" текст по контрастным признакам. Таким образом, женский тип почерка предстает значимой характеристикой, при идентификации устанавливается ее присутствие или отсутствие.

Выявлено значительное единообразие ответов (83% идентификаций совпали) и средний процент адекватности (57,5-70%). "Так, из 17 текстов, атрибутированных по принадлежности к определенному полу большинством (30-40) опрошенных, 7 идентифицированы ошибочно" (3, с.44). Девушки несколько чаще (61,5 против 58,4%) давали правильный ответ.

Во всех трех группах в основном использовались близкие критерии идентификации, выработанные путем умозрительного сопоставления предложенного текста с известными почерками родственников, друзей и, наконец, со своим собственным. Характерологическими чертами признаны: аккуратность, разборчивость, форма, размер и наклон букв. Эти черты выявляются в позитивной форме в женских почерках и в негативной (мелкие буквы, "некрасивый" и неразборчивый почерк) — в мужских почерках. Многие выделяли один из критериев, остальное же относили за счет "необъяснимой" интуиции.

Анализ результатов исследования позволил сделать вывод, что в наибольшей степени варьируется склонность пишущего к самоидентификации; проявляющаяся через соответствие его почерка характерным чертам письма, свойственным его (ее) полу. Через индивидуальные деформации прививаемой в школе графологической модели проявляются социальные принципы поведения. Присутствие характерных черт в почерке обусловлено глубоким восприятием школьной модели. Эти данные дают возможность изучить влияние школьного обучения на детей разных полов.

В.Л.Калькова

РОЗЕН Б.К.
ЖЕНЩИНЫ, РАБОТА И ДОСТИЖЕНИЯ:
БЕСКОНЕЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ROSEN B.C.
Women, work and achievement: The endless
revolution. - Basingstoke; L.:
Macmillan, 1989. - 242 p.

Книга профессора социологии Корнельского университета Бернарда Розена посвящена влиянию индустриального общества и в особенности его сектора технического обслуживания на женщин, на их надежды, ценности, личность и достижения в производственном процессе. Автор занимается исследованиями влияния индустриализации на женщин уже более 20 лет, он провел большую работу в этом направлении в различных странах: в Бразилии, США, Великобритании и Италии. В своей книге он пытается вскрыть причины явлений и перемен в положении личности женщин, характерных для западных индустриальных обществ. Основной темой книги является утверждение позитивного влияния индустриального общества с его акцентом на индивидуализм и "достижения" для женщин, обоснование того, что этот акцент стимулирует эгалитаризм и уменьшает сегрегацию полов на рабочих местах. По мнению автора, внимание к индивидуальным достижениям меняет роли полов в

обществе и личности женщин и мужчин, которые исполняют эти роли, в результате чего возникает "новая" женщина, достижения которой вызывают восхищение.

В первой главе "Исчезновение полового неравенства" автор рассматривает новые возможности, предоставленные женщине индустриализацией, которая не только открывает новые возможности, но и изменяет "психокультурные силы", мешающие развитию трудового потенциала женщины. В этой главе рассмотрена история вхождения женщины в систему производственных отношений. Автор считает "идею того, что индустриализация вытеснила женщин с рынка труда, мифом" (с.5), причем источник этого мифа лежит, по его мнению, в книге Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства", а также в "иррациональной ненависти, которую чувствуют многие интеллектуалы к индустриализации и модернизации" (с.5). Чтобы полностью использовать свои новые возможности, женщины должны переменить многое в своем поведении и в отношениях к обществу: они должны развить новые черты и ценности личности и отказаться от традиционных женских характеристик – зависимости, пассивности, подчинения интересам семьи. С изменением отношения к женщине произошел и ценностный сдвиг: такие качества, как индивидуализм, эгалитаризм и способность к достижению, развивавшиеся в эпоху индустриализации и модернизации и ранее приписываемые мужчинам, становятся характерными и для женщин. Автор выделяет как одну из наиболее ярких черт современности "индивидуальное достижение", которое практически не имело места в доиндустриальном обществе. В наше время женщины также вступили в "погоню за успехом". По мнению автора, в индустриальном мире традиционная система ценностей уступила место новой, и женщина, воплощая ее, является независимой конкурентоспособной, самоутверждающейся, ориентированной на достижение и полной решимости добиться успеха. "Именно эта новая женщина быстро продвигается в сферы деятельности, с давних пор считающиеся мужскими" (с.16).

В главе второй "Женщина в трудовых ресурсах" Б.Розен исследует некоторые черты участия женщин в трудовом процессе и их распределение в профессиональной структуре. Он рассматривает исторически сложившиеся стереотипы женских и мужских профессий, подчеркивая, что в традиционном мире домашняя работа женщины была жизненно необходима для самого существования семьи. Это положение изменилось с приходом индустриализации, заменившей дом на рабочее место, изменившей сам способ производства, в результате чего некоторые группы женщин начали искать работу на производстве. Число их с течением времени возрастало и в 1986 г. составило 44% всех трудовых ресурсов. Обычно причину этого видят в распространении феминистской идеологии, но автор считает, что "без индустриализации феминизм остался бы нереализованным идеалом, бесполезным социальным движением, интересным только для историков" (с.23). Настоящей причиной этих перемен был, по его мнению, ряд технологических, семейных и социальных факторов, воздействие которых и сделало возможным для женщин использование ранее недоступных индустриальных и экономических возможностей. Одной из основных сфер приложения женского труда является работа служащей, легкая физически и достаточно престижная социально.

В третьей главе "Половые различия и ранние достижения" рассматриваются противоречивые проблемы существования различий полов, которые начинаются еще в детстве. Существует распространенный предрассудок относительно более высоких интеллектуальных способностей мальчиков, хотя многочисленные данные свидетельствуют о том, что это не так. Автор придает очень большое значение интеллекту, который является основой достижений в комплексном индустриальном мире. Результаты многочисленных исследований показывают, что интеллектуальный потенциал мальчиков и девочек практически одинаков, причем эти показатели практически одинаковы в различных странах. Современная школа с ее интеграцией кон-

тингента учеников, о учебными планами, одинаковыми для мальчиков и девочек, с ее акцентом на "достижение" предоставляет богатые возможности для ориентированных на это девочек. В дальнейшем они переносят школьные достижения на профессиональную сферу, которая все больше открывается для женщин.

В главе четвертой "Социальный контекст усвоения половой роли" автор исследует природу и происхождение этого явления. Первый контакт ребенка с социальным миром происходит обычно в семье, в которой он также узнает свою половую роль. Как правило, к трем годам ребенок приобретает "социально-половую идентичность" и переходит к выбору "соответствующей модели половой роли (чаще всего родителя того же пола), и с этого времени социализация половой роли становится автономным процессом" (с.53). В традиционном мире большинство родителей считают себя компетентными в подготовке своих детей для "взрослой" жизни. Индустриализация ломает эту традиционную модель взаимоотношений между родителями и детьми, поскольку они в этих условиях должны приготовить своих детей для "неизвестного" будущего, о котором "ничего нельзя предположить, кроме того, что оно будет отлично от сегодняшнего дня" (с.55). В результате происходит изменение роли родителей: они развивают независимость и способность к "достижению". В этих условиях престиж и власть родителей уменьшаются, а положение ребенка улучшается, по сравнению с традиционной моделью. Индустриальное общество также ослабляет родительскую власть, ставя перед детьми "внеfamilialные" модели, чье отношение и поведение может противоречить родительскому. Родители в этом случае могут попытаться построить мосты через эту "эко-родительскую пропасть", с тем чтобы научить своих детей ценить тяжелый труд и достижения, сделать их независимыми и "конкурентноспособными", что обеспечивает их будущее в индустриальном обществе. Автор также анализирует здесь родительский образ у подростка, приводя

свидетельства многочисленных социологических исследований, проведенных за последние три десятилетия в нескольких странах. "Каковы бы ни были различия социализации по половой роли в прошлом, современная тенденция в индустриальном мире направлена в сторону стирания различий между полами в обучении мальчиков и девочек. Достижения и независимость стали частью женской половой роли, как прежде они были частью мужской" (с.81).

Другие последствия интернализации половой роли автор рассматривает в следующей главе "Половая роль и личность женщины". Женщина часто рассматривалась как воплощение слабости и порока, в какой-то степени этот взгляд оставил след и в современном обществе, которое все еще в определенной степени рассматривает женщину как "объект мужской сексуальности и агрессии" (с.82). К сожалению, большинство исследований по этому вопросу основано на взаимоотношении полов в традиционном индустриальном обществе и несет на себе печать патриархатного отношения к женской половой роли. Многие родители до сих пор считают, что у девочек много ограничений в выборе профессий и мало шансов для достижения успеха в конкурентной борьбе. Это отношение ведет к тому, что многие женщины следуют выработанному стереотипу: слабого, беззащитного, зависимого, пассивного существа. Автор рассматривает суть этой проблемы с точки зрения основной черты личности, влияющей почти на каждый аспект поведения — самоуважения. "Самоуважение является частью психологической основы, на которой строится здание социального поведения... говорят, что женщины страдают от уродующих воздействий низкого уровня самоуважения" (с.88). Тем не менее в традиционном обществе самоуважение женщины существовало, но основывалось на критериях, совершенно отличных от мужских. Высоко ценились различные виды домашней работы, которые не являлись тривиальными в доиндустриальном обществе. Современность не переоценивает навыки домашней работы,

но она и не отводит роли домашней хозяйки такого места, которое она занимала ранее. "Достижение стало ключевым пунктом, вокруг которого женщины строят свое самоуважение, как это ранее было с мужчинами" (с.90). Таким образом, индустриальное общество породило "уверенных в себе женщин", которые работают наравне с мужчинами над любой задачей поставленной перед ними" (с.91). Автор считает, что в этом заключены достаточно положительные перспективы для женщин в будущем.

В главе "Синдром хамелеона" рассматриваются пережитки традиционализма в среде молодых девушек. Автор анализирует культурные меньшинства в отношении к угнетающему их большинству, в частности женщин, которые в последнее время начали описывать себя как "меньшинство, лишенное привилегий и угнетаемое, не имеющее равенства возможностей на рабочем месте и оплачиваемое ниже, чем мужчины, за ту же самую работу" (с.109). Исчезновение стереотипов может произойти только в детском и подростковом возрасте, причем последний характеризуется противоречиями, толкающими подростка от традиционных ценностей к современным, свободным от стереотипов восприятия противоположного пола. Автор провел в нескольких странах исследование стереотипов восприятия противоположного пола подростками. Исследования показали, что довольно большое количество молодежи в индустриальном обществе все еще привержено традиционной культуре и системе ценностей, что выражается в поведении, названном автором "синдромом хамелеона". "Синдром хамелеона — это подтип личностного комплекса, называемого хамелеонизмом: поведение, которое колеблется в соответствии с ожиданиями других" (с.129). Люди с таким синдромом обычно привязаны к традиционной половой роли и, по мнению автора, находятся под влиянием (имеются в виду женщины) традиционной социализации женской половой роли, проводимой как родителями, так и старшими противоположного пола". Несмотря на сильное влия-

ние этого явления на отношение "традиционных женщин" к семье", его влияние на современную женщину минимально, она строит свои семейные отношения на равенстве между полами и на свободном участии женщины в трудовой деятельности.

В главе седьмой "Половые различия в процессе достижения статуса" автор исследует отношение групп подростков к перспективам в области образования и профессии в связи с их полом и приводит ряд таблиц и моделей. Он также анализирует отношения родителей к перспективам своих детей и их самооценку. Процесс прогнозирования не является идентичным для различных полов, норма половой роли меньше выражена в формировании образовательных перспектив, чем профессиональных, что объясняется влиянием традиционной социализации к половой роли на некоторых подростках, направляющих свою энергию в области, считающиеся соответствующими их полу.

Глава восьмая "Домашние роли и выбор занятий" показывает, как предвидение домашней роли влияет на перспективы молодых женщин в профессиональной деятельности. Женщина, особенно замужняя, постоянно сталкивается с конфликтом запросов семьи и карьеры, что ведет к истощению нервной системы и появлению комплекса вины. Несомненно, карьера дает женщине не только богатство и престиж, но и напряжение, и проблемы. Современные молодые женщины выработали менее ортодоксальный подход к домашним и профессиональным ролям: они собираются работать, даже когда их дети еще маленькие, и не хотят посвящать себя в это время исключительно роли жены и матери, поскольку они не рассматривают семью и работу как взаимоисключающие.

В заключение автор рассматривает изменения половых ролей женщины, в особенности ее участие в производительном труде, как революционное событие. Была решена проблема допуска женщин в сферу производства, а также в привилегированные и высокооплачиваемые области экономики. До сих пор решен вопрос взаимоотношений семейного и профессиональ-

ного статусов женщины. Тем не менее индустриальное общество делает шаги по снижению напряжения, созданного для женщины в семье, с помощью высокооплачиваемых отпусков, отпусков по уходу за ребенком, гарантий получения той же или подобной работы, введения скользящего графика работы, открытия центров по уходу за детьми. Основным препятствием в решении этих проблем является, по мнению автора, традиционная половая роль мужчины, которая меняется очень медленно. Именно здесь, в семье, будет продолжаться борьба за равенство полов, которая должна привести к дальнейшим переменам в половых ролях.

В.А.Шапинский

ДОМИНЕЛЛИ Л., МАКЛЕОД Э.
СОЦИАЛЬНАЯ СЛУЖБА
С ПОЗИЦИЙ ФЕМИНИЗМА

DOMINELLI L., MCLEOD E.
Feminist social work. - Basingstoke; L.:
Macmillan, 1989. - 202 p.

Эта книга является частью серии "Критические тексты по социальной службе и государству всеобщего благосостояния". Оба ее автора преподают в Уорвикском университете и специализируются в области социальной службы и социальной политики. Книга ставит своей целью определить степень прогресса в установлении феминистского отношения к четырем главным вопросам: определение социальных проблем, нуждающихся во вмешательстве, статус социальной службы, терапия и консультации и, наконец, действия в пределах общины.

Во введении авторы исследуют понятие "феминистская социальная служба". С точки зрения авторов, эта работа уже сейчас имеет достаточную ценность, а при соответствующем развитии может сделать большой вклад в благосостояние женщин, детей и мужчин.

Авторы раскрывают суть феминизма, в основе которого, по их мнению, лежит очень простая идея. - "в мире нет двух типов людей, высшего и низшего, или, в терминах отношений

власти, господствующего и подчиненного. Все мы равны, вне зависимости от принадлежности к полу" (с.1). Социальные отношения должны основываться на равенстве полов (gender). Кроме того, феминисты выступают против других социальных делений, которые отражают отношения господства и подчинения, такие как раса, класс, гетеросексуальность и др. Авторы также вскрывают причины подъема женского движения в 60-х годах, проводя три наиболее распространенных теории: рассмотрение его как протеста против послевоенных норм морали; как результат возникновения молодой образованной женской элиты, испытывающей отчаяние перед будущим в рамках брака и семьи; как следствие движения студенческой молодежи и цветных женщин. Все эти разнообразные причины привели к открытому разговору о женском неравенстве, а благосостояние женщин стало важной проблемой на каждом континенте.

Авторы проводят свое исследование на материале Великобритании, находя аналогичные черты во всем мире.

Они считают основным объектом изменений не мужчин как таковых, а патриархатные отношения и признают важность классового аспекта в угнетении женщин. Они не пытаются создать иерархию или определенный порядок различных форм угнетения, считая, что их число неопределенно. Все женщины испытывают угнетение вследствие своего пола, но опыт белых и черных, рабочих и служащих, лесбиянок и гетеросексуальных женщин, молодых и старых совершенно различен. Все это различие полов должно учитываться в социальной работе, которая ведется в четырех вышеуказанных направлениях. В различных главах книги авторы выделяют основные социальные проблемы, обсуждают организацию феминистских общин, ведущих социальную работу, и основы феминистской терапии. Все эти области взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Кроме того, рассматриваются феминистские инициативы в развитии межличностных отношений на рабочих местах и участие феминистов в местном и центральном аппаратах управления.

Развитие феминистской социальной службы оценивается авторами как неотъемлемая часть феминистской трансформации общественных отношений в целом. Книга была написана в тот период, когда действие феминистов встречались ответными политическими выпадами, исходящими от центрального правительства, в результате чего положение женщин на рынке труда ухудшилось, и они были вынуждены принять непосредственную ответственность за чисто домашние дела. Тенденции совершенно ясны. Женщин принуждают принять ответственность за те социальные меры, которые государство оставляет: забота о пожилых, о больных и об инвалидах" (с.18). Все это необходимо учитывать практикам феминистской общественной работы, чтобы избежать дальнейшего упада в социальных условиях женщин.

Нередко говорят, что женское движение находится сейчас в состоянии разобщенности и переоценки своих достижений, что феминизм как движущая сила социальных изменений пришел в упадок. Авторы не согласны с этой точкой зрения, считая, что феминизм находится в поиске новых широких и разнообразных форм деятельности.

Авторы анализируют основные черты женского движения в главе "Феминистские инициативы в сфере социальной работы: феминистский подход к определению социальных проблем". Возникло несколько типов деятельности, которые непосредственно помогали женщинам, например есть "помощь женщинам", центры борьбы с изнасилованиями, женские клиники и т.д. В результате такой работы "социополовое угнетение" заняло свое место в ряду социальных проблем. Рассмотрение социальных проблем с феминистской точки зрения означает прежде всего их оценку в плане воздействия на благосостояние женщины. Они должны быть исследованы с точки зрения специфического опыта женщины. Теоретики и практики феминизма уже завоевали определенное место в профессиональной социальной работе, они подвергли критике теорию современной обществен-

ной работы, показав, что она направлена на сохранение второстепенной, "домашней" роли женщины в обществе, а также определили круг проблем, которыми следует заниматься воим практикам для улучшения благосостояния женщин.

Эти проблемы в применении к кампаниям, проводящимся деятелями феминизма, рассмотрены авторами в главе "Феминистская работа в общине: природа и вклад феминистских кампаний и сообществ". Эти последние являются неотъемлемой частью феминистской общественной работы и помогают идентифицировать "родовые импликации" социальных проблем (с.45). Авторы анализируют их как форму практики, влияющую на феминистскую деятельность в целом. В последнее время развилось громадное количество женских инициативных движений, часто вне пределов профессиональной работы вообще. Эти движения часто неустойчивы, подвержены перегруппировке, тем не менее они добиваются определенных успехов и получают финансовую поддержку; они устанавливают свое присутствие в таких центральных институтах, как средства массовой информации, образование, местные власти. Поскольку социальное и экономическое положение участниц феминистских групп широко варьируется, для их самореализации очень важен именно эгалитарный подход. Трудностью для женщины часто является отрицательное отношение мужчины к ее деятельности, что приводит ее к дилемме выбора между собственными интересами и возможностью лишиться эмоциональной и материальной поддержки мужа. В литературе встречается мнение, что женщины, когда они объединены в какую-либо группу, более склонны к кооперации, чем мужчины, поскольку они привыкли подавлять свои потребности и желания в интересах других, а также должны объединять усилия для самозащиты от доминирования мужчин. Авторы не согласны с этой точкой зрения, считая, что феминистские группы отражают иерархичность, классовость, и расизм общества в целом. Тем не менее их участницы наделены пониманием проблем всех женщин, симпатией к ним и возможностью помочь

в облегчении их участи. Отношение авторов к феминистским группам амбивалентно: с одной стороны, они в определенной степени смогли воздействовать на общество в целом, с другой стороны, для упрочивания результатов этого воздействия они должны сочетаться с другими формами социальных перемен: в отношениях и личном поведении, в центральной и местной государственной политике, в партийной и профсоюзной деятельности.

Феминизм не проводит черты между материальными и политическими соображениями, с одной стороны, и эмоциональным состоянием женщин — с другой. Обоснованию этого положения посвящена глава "Феминистский подход к эмоциональному благополучию: содействие феминистской терапии и консултации". Основной чертой феминистской терапии, согласно исследованию, является "перемещение того, что ранее рассматривалось как личная, эмоциональная неудача в области опыта, общего для многих других женщин, и выяснение степени ее социальной детерминации" (с.78). Подавление женщин в эмоциональной сфере является несправедливым. Целью феминистской терапии является повышение у женщин чувства собственного достоинства, психологической переориентации, преодоление целого ряда сексуальных комплексов. Кроме того, она пытается поднять статус отношений между женщинами, которые до сих пор считаются подчиненными или "низшими" по отношению к эмоциональной связи женщины и мужчины, или чем отношения мужчин между собой. Феминизм привел женщин к осознанию того, что они могут иметь более глубокие и интимные отношения с другими женщинами, чем с мужчинами. По мнению ряда авторов, лесбиянство для феминизма является не психопатологией, а самостоятельной формой отношений между женщинами. Феминистская терапия также пытается преодолеть негативность эмоционального опыта, следствие "романтической любви" для многих женщин. По традиции, основной целью женщины является замужество, которое является результатом "романтической любви, а

ведет к домашнему подчинению". Романтический образ оборачивается все той же второстепенностью женщины в системе общественных отношений. Авторы приводят высказывания таких классиков феминизма, как С. де Бовуар и Ж. Грейер, которые ототавляли бескорыстную любовь, не стремящуюся к обладанию как единственно истинную форму любви. Тем не менее такая любовь практически недостижима для большинства женщин, которые не могут обойтись без долговременных отношений.

Четвертой сферой общественной работы феминизма является борьба за расширение легальных прав женщин. Авторы рассматривают ее в более широком контексте социальной службы и критикуют марксистский подход к проблеме социального угнетения, поскольку в нем не придается достаточного значения проблеме "пола" и таким образом снижается значение женщин в функционировании социума. Авторы критикуют и современную им практику этого рода работы, которая всегда оставит женщину в невыгодные условия: в случае конфликта между благополучием семьи и личным благополучием женщины, она всегда должна уступить. На работе женщина также, как правило, не играет значительной роли. Феминизм спланировал широкую программу действий в этой сфере, которая включает непосредственную работу с женщинами в маленьких группах, создание феминистских групп по поддержке рабочих, вмешательство в профсоюзную деятельность и развитие попыток изменить структуру менеджмента. Производственные отношения не рассматриваются в отрыве от общечеловеческих ценностей. Авторы разбирают несколько ярких примеров того, как деятели феминистского движения помогли в некоторых трудных случаях женщинам, имеющим как личные, так и производственные конфликты, часто порожденные комплексом неполноценности, причем в результате женщины считают, что они смогли обрести чувство собственного достоинства и настоять на своем праве уважения к себе.

Положение женщин, которые ведут феминистскую работу, часто бывает очень затруднено низкими материальными условиями большинства их клиентов, принадлежащих к малоимущим слоям населения. Эти проблемы авторы разбирают в главе "Организация производственных отношений в феминистской социальной работе". Основными направлениями является улучшение благосостояния и создание общих материальных интересов социальных работников и их клиентов, получение вкладов со стороны независимых феминистских социальных организаций и т.д.

Авторы заключают свое исследование анализом отношений между феминистской социальной работой и политическим влиянием феминизма. Поскольку как местные, так и центральные правительственные органы держат в своих руках власть, которая используется для формирования социальных и материальных условий, "игнорирование возможностей использовать эту власть делает феминизм идеалистическим времяпрепровождением" (с.155). Как пример опыта феминизма в Великобритании в сфере социальных перемен авторы приводят их деятельность на местном уровне. Здесь они имели некоторый успех, зависящий в основном от позиции местных властей по отношению к "социополовому угнетению". К примеру, в некоторых районах была введена должность служащего, который занимался проблемой равных возможностей для женщин на производстве, в обеспечении информацией о различных услугах и т.д. Авторы считают, что, несмотря на большую роль этих инициатив на местном уровне, этого недостаточно, чтобы уничтожить "социополовое угнетение", которое поддерживается политической властью консервативной партии на местном и общенациональном уровне. В результате этого многие группы попадают в затруднительное положение, поскольку они не имеют формальной законодательной и исполнительной власти, а их присутствие в местном или центральном административном аппарате не гарантировано. Для успеха феминистского движения необходимо

присутствие и влияние политических партий, наибольшие успехи достигнуты в этом плане в лейбористской партии. По мнению авторов, правление консервативной партии привело к сильному ухудшению условий жизни женщин, что отразилось в законодательстве, принятом после 1979 г. и практически охватило на тот ряд завоеваний феминизма предыдущих лет.

Авторы считают, что перед феминизмом открываются в будущем широкие перспективы, хотя "феминистские инициативы в системе производственных отношений... еще не трансформировали агентства по социальной работе в модели производственных отношений, с учетом социополовой дискриминации (с.177). Авторы видят перспективность социальной работы феминизма в его способности внести большой вклад в благосостояние женщин, детей и мужчин.

В.А.Шапинский

ВУДХАУС А.
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ. БИОЛОГИЧЕСКИЙ,
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОЛ И ТРАНСВЕСТИЗМ

WOODHOUSE A.
Fantastic women: Sex, gender and
transvestism. - Basingstoke; L.: Macmillan,
1989. - 157 p.

В своей работе А.Вудхаус обобщила результаты многочисленных исследований по проблеме транвестизма в книге, которая является первым исследованием, проведенным с точки зрения "политики пола". Автор основывается на понятии транвестизма как выходящего за рамки "правил пола" непосредственным и необычным способом.

Для правильного понимания явления транвестизма А.Вудхаус считает необходимым исследовать взаимоотношения между биологическим, социальным полом и внешностью человека. При встрече с кем-либо мы думаем, что по его внешности мы можем определить его пол, но на самом деле мы видим его внешний вид, который в значительной степени определяется принятыми социокультурными нормами. Эта идентификация внешности с биологическим полом может быть ошибочной. Половые признаки человека подразделяются на биологические и культурные, причем какие-либо перемены в первой группе

возникают только при трансоексуальности человека и могут привести к перемене пола. В отличие от этого транвестит не пытается переменить свою биологическую половую функцию, его стремление к перемене лежит только в области "культуры", точнее половой роли.

Обычно считается, что биологический и социальный пол совпадают, что женственная внешность обозначает женский пол, а мужественная - мужской. Это ошибочное представление настолько прочно укоренилось в нашем сознании, что мы даже не понимаем, что мы не знаем пола большинства людей, судя только по их внешности. Пол имеет два аспекта: социополовую идентичность ("частный образ") и социополовую роль ("публичный образ"). Обычно биологический пол, социополовая роль и социополовая идентичность конгруэнтны, а в случае отсутствия такой конгруэнтности возникает осуждающая социальная реакция, поскольку это несоответствие потрясает сами основы жизни социума. По мнению автора, эта реакция характерна для человека, привыкшего мыслить заданными категориями, воспринимающего как нечто аномальное все, что выпадает из этой схемы категорий. Половые различия прочно связаны с традиционной дихотомией мужского и женского начал, и транвестит, для которого его биологический пол, половая идентичность и выражение социополовой роли иногда вступают в конфликт, выпадает из этой жесткой и ограниченной структуры, основанной на биполярности пола. Возможно, само явление транвестизма исчезло бы, если бы изменилось значение "мужественности" (masculine) и "женственности" (feminine). Автор отмечает, что отклонение от триединого комплекса и соответствующей внешности менее осуждается в женщинах, которые могут носить мужской тип одежды без особого осуждения, в то время как мужчина в женской одежде сразу становится предметом насмешек и порицания. Автор находит объяснение такому отношению к переодетому мужчине "сексуальной политикой пола". "Женственность" и "мужест-

венность" - это продукты социума, оформившиеся в соответствии с требованиями времени. Разделение полов сопровождалось, как правило, доминированием мужского начала, которому придавался "первичный" статус. Отклонение от этого статуса было "шагом вниз". Те, кто защищает и сохраняет первичность мужского начала, не могут позволить такое отклонение, "иначе вся постройка может рухнуть" (с.7). Поскольку социальный пол является результатом социальной установки, придающей определенные характеристики биологическим категориям "мужского" (male) и "женского" (female), он имеет определенные внешне выраженные черты: одежда, прическа, манеры, голос, жесты, которые и являются основным фактором в социальной коммуникации. Автор в определении роли внешности опирается на исследования транвестизма и транссексуальности, проведенные Д.Фейнблум, в которых внешность определяется как часть взаимодействия устанавливающего идентичность.

Автор проводит исследование проблемы транвестизма на материале литературы последних лет, а также различных практических социологических исследований, интервью о транвеститами и их женами, с людьми, изменившими пол.

В главе, носящей название "Через зеркало", автор описывает свой опыт в среде транвеститов и приравнивает исследование транвестизма к существованию в "фантастическом мире", где реальность иногда отступает на второй план перед воображением. Во всех местах общения транвеститов - в клубе, в баре или на маскараде - люди притворяются перед собой и другими, что они не то, что есть на самом деле. Автор провела много времени в так называемых клубах ТВ/ТС (транвестит/транссексуал) в Лондоне. Эта организация имеет членов по всей Англии, контакты поддерживаются при помощи ежемесячного журнала. Обычно на встречах бывает около двадцати человек в самых разнообразных нарядах: в женских платьях, узких юбках, в дешевых париках, иногда они

Похожи на мужчин, переодетых в женские одежды. Часто одежда не соответствовала чисто мужским движениям и жестам. Автор после этих посещений попыталась определить свое отношение к переодетым мужчинам - "были они для нее мужчинами, женщинами или мужчинами, кажущимися женщинами" (с.29).

А.Вудхаус провела исследование образа жизни и семейных отношений различных типов транвеститов. Более молодые из них часто проводили рабочую неделю как нормальные мужчины, используя для переодевания только свое свободное время, считая, что они имеют право проводить его по своему усмотрению. Транвеститы более старшего возраста иногда приходят к решению жить исключительно как женщины, проведя много лет в раздвоенном существовании. Семейные отношения к этому возрасту часто распадаются. В своей крайней форме это ведет к транссексуальности, т.е. к перемене пола. Автор также выделяет психологический транвестизм, основанный на воображении и фантазии, на желании временно быть в образе существа другого пола, сохраняя в то же время собственную идентичность. Исследование этих многочисленных типов транвеститов привело автора к заключению, что не существует определенного типа, общего для всех, который был бы отличен от "нормальных мужчин". Причины стремления некоторых мужчин к переодеванию неясны, объяснения этого явления самые различные. Автор анализирует попытки такого рода объяснений, а также медицинского и психологического лечения транвестизма в медицине и психологии.

Транвестизм является, по мнению автора, заболеванием в собственном смысле слова, которое можно диагностировать и лечить. В главе "Научные взгляды на транвестизм" она рассматривает попытки создания "медиализированной модели", которая состоит из двух частей: медико-биологической и медико-психиатрической и, соответственно, предлагает различные типы лечения от "терапии отвращения" до психотерапии. Кроме того, существуют психоаналитический и социопсихологи-

ческий подходы к транвестизму. Все эти подходы, по мнению автора, страдают одним недостатком: в их основе лежит невыказанное отождествление пола и сексуальности.

В социально ориентированном подходе к явлению транвестизма также можно выделить, по мнению автора, две стороны: недостаточную развитость механизма установления половой идентичности, неудовлетворенность предписываемой половой ролью и желание более широкого опыта, с одной стороны, и, с другой – перенос вины с индивида на общество, болезненное и нетерпимое. Второй подход "нормализует" это явление, но тем не менее не помогает в анализе динамики пола. Автор не находит убедительных аргументов ни в одной из теорий транвестизма и предлагает исследовать это явление в его частных проявлениях, постоянно принимая во внимание половую роль и половую идентичность индивида. Особенно ярко выступает специфика транвестизма в отношениях мужчин транвеститов с женщинами, чему и посвящена глава "Транвестизм и женщины".

Автор начинает ее с рассмотрения феминистского взгляда на одежду. Одной из идей, распространившихся во время "второй волны феминизма", была идея "естественного", которая представительницами феминизма, в частности Дж.Рэдклифф Ричардо, отождествлялась с "реальным". Причину этого идеологи феминизма видят в обмане, изначально заключенном в моде и косметике. В применении к транвестизму можно интерпретировать это положение как еще "одну сторону фальши женственности" (с.77). Тем не менее транвестит проявляет тенденцию к использованию понятия женственности, который исключает возможность слома барьеров, поставленных "половым делением". По мнению Э.Вильса, мода является системой символов, а одежда играет важную роль в формировании личности. В таком случае, задает вопрос автор, можно ли утверждать, что транвеститы делают нечто "политически неприемлемое или аморальное", можно ли критиковать их за этот выбор.

Поскольку транвестит не пытается изменить свой пол или даже свою внешность и поведение "навсегда", некоторые авторы рассматривают его как своего рода революционера, пересекающего границу пола (Дж.Реймонд, К.Ридл). Тем не менее такое отношение не помогает решению проблемы, стоящей перед женщиной, которая открывает любовь своего мужа к женской одежде. "Вряд ли она сможет подавить свои эмоции в пользу сексуальной революции или даже социальной реформы" (с.82). Транвестизм, по мнению автора, отличается тем, что он меняет половую роль, в нем отсутствует жесткая половая идентичность.

Большинство транвеститов тем не менее новое не бросают вызов ригидности полового деления, они просто удовлетворяют свои специфические потребности, возникающие по разным причинам. Он существует в рамках культуры, которая определяет маскулинность как норму, полностью отличную от фемининности; поведение транвестита в одной из этих ролей автоматически исключает другую, что ведет к раздвоенному поведению и может становиться препятствием в человеческих отношениях. По словам женщины, муж которой транвестит, переодевание усиливает разделение половых ролей, а те, кто к нему прибегает, вряд ли могут быть в устойчивых отношениях с женщиной.

Автор проводит исследование, основанное на изучении различных сторон жизни жен транвеститов, ставя перед собой проблемы их опытов в семейной жизни, степени напряжения, реакции на желание мужа носить женскую одежду, их чувства при обнаружении транвестизма мужа, отношения к детям. Этому посвящена глава "Жены говорят". Э.Вудхаус посещала жен транвеститов в их домах и проводила с ними долгие интервью, во время которых она выясняла такие вопросы, как обнаружение транвестизма мужа, реакцию на него, обращение с детьми, с семьей и с друзьями.

Какова бы ни была причина транвестизма, он несомненно оказывает влияние на супружеские отношения. Жены почти всегда недовольны этой особенностью поведения своих мужей, и даже те, кто примирился с ней, прошли через период тяжелых переживаний. Вначале их реакция – это шок и отращение, и даже если впоследствии женщина в какой-то степени начинает понимать мужа, все равно она не может относиться к нему с одобрением. Она разделила интервью на две группы. Некоторые из этих женщин смогли привыкнуть к этой ситуации, хотя их браки были близки к распаду. Другие не видят перспективы и не исключают возможность развода. В последней главе "Транвестизм и брак" автор приводит данные, что количество разведенных среди транвеститов в два раза выше среднего уровня, причем причиной почти всегда являлось недовольство со стороны жен. Причины этого недовольства не только психологические, но и материальные – для семьи трудно приобретать еще один гардероб.

Для женщины, когда ее семейная жизнь приближается к кризису, всегда встает вопрос, в чем она ошиблась. В случае, когда она не понимает явления, ставшего причиной ее несчастья, она находится в замешательстве и одиночестве, тем более что в Великобритании до недавнего времени не существовало специалистов, способных помочь жене транвестита. Нежелание женщины принять его таковым, каков он есть, болезненно и для мужа. Этот вопрос исследовался многими авторами (С.Принс, М.Джей и др.).

Одна из трудностей в определении специфики проблем супружеских отношений в семье транвеститов – это с трудом устанавливаемое различие между общими проблемами брака и специфическими, возникшими в результате транвестизма мужа. В любом случае, делает вывод автор, отношения должны быть определены между партнерами в каждом отдельном случае, причем для их удовлетворительного развития необходим профессиональный совет и различные группы для дискуссий и

поддержки обоих партнеров, как вместе, так и по отдельности.

В заключение автор снова возвращается к вопросу о сущности транвестизма и политики пола. Транвестизм включается в сферу сексуальной девиантности, хотя он и не является болезнью в медицинском смысле слова. Часто транвестизм представляют как нечто, находящееся вне контроля самого транвестита. С другой стороны, существует стремление нормализовать транвестизм и представить его как безобидное поведение, неприемлемое лишь по причине изменений нетерпимости общества.

Транвестизм связан в большой степени с миром фантазии, безграничном в своих возможностях, в котором транвестит создает при помощи переодевания свой образ, отличный от каждодневного. Таким образом он отражает традиционные половые роли и противостояние и взаимоисключение маскулинности и фемининности, поскольку он своим поведением утверждает, что мужчина может вести себя "немаскулинно" только в том случае, если он закрывает свою маскулинность внешнею фемининностью. (с.139). Переодеваясь, транвестит создает "синтетическую женщину" и таким образом заменяет реальную действительность на "синтетическую".

Автор считает, что транвестизм отражает половое разделение, он воссоздает традиционные образы женщин. По ее мнению, решение проблемы транвестизма лежит лишь на пути терпимости (с.145).

В.А.Шапиновский

ГОЛДБЕРГ Х.
НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

GOLDBERG H.

New male-female relationship. - N.Y., 1983. - 308 p.

Книга "Новые отношения мужчины и женщины" Херба Голдберга, доктора философии, с 1965 г. профессора психологии Калифорнийского государственного университета, завершает трилогию, первые книги которой "The Hazards of Being Man" ("Риск быть мужчиной") и "The New Male" ("Новый мужчина") приобрели большую популярность.

Книга "Новые отношения мужчины и женщины" состоит из трех частей: "Традиции", "Переход", "Преодоление".

В первой части речь идет о сложившихся стереотипах ролей мужчины и женщины. Традиционные взаимоотношения мужчины и женщины представляются автору отношением между машиной (идеал, к которому стремится мужчина) и ребенком (идеал женственности - инфантильное, беспомощное, слабое, эмоциональное создание). Исполнение каждым из них своей роли ведет к накоплению комплексов и полному взаимному непониманию. Голдберг перечисляет комплексы женщины: ощущение подавленности, чувство, что ее эксплуатируют и контролируют, желание растворить свою индивидуальность в индивидуальности мужчины, чувство потерянности в его отсутствии

и такие психооматические проявления, как постоянная усталость, головные боли и т.п. Традиционная женственность понимается как доброта, мягкость, способность сочувствовать, отсутствие агрессивности. Голдберг считает: "Чем более женственна в этом смысле женщина, тем более безнадежна перспектива ее подлинно близких отношений с мужчиной, поскольку любой конфликт, происшедший между ними, не может быть ни как следует обсужден, ни удовлетворительно разрешен". Скрытая агрессивность женщины проявляется в виде забывчивости, непонимания, склонности опаздывать, беспомощности, депрессиях, религиозном фанатизме; подавленная агрессивность делает женщину опасной во многих социальных ситуациях. На абстрактном уровне она, однако, склонна видеть мир нереально-оптимистически, наивно ("люди добры", "мир, в сущности, прекрасен"). Вдобавок она подвержена целой череде болезней, так как ее пассивность мешает ей поддерживать свое физическое здоровье, а кроме того, таким образом выходит из-под контроля ее подавленная агрессивность. Болезни служат также молчаливым выражением ее сопротивления и злости. Миф о неагрессивной женщине, "милом ангеле" - один из самых опасных для мужчин. Насколько идеал мужчины понимается как воинственная независимость, настолько идеал женщины означает зависимость, беспомощность и поиски "сильного" мужчины, который мог бы "взять на себя заботу" о ней. Чем более беспомощной ощущает себя женщина, тем привлекательнее для нее мужчина с выраженными символами власти. Ее любовь сопровождается оюкканьем, детским обожанием его силы, инфантильным желанием быть руководимой. В то же время в ней неизбежно накапливается нвнвисть, поскольку с ней обращаются как с ребенком и постоянно контролируют. Если она решает добиться свободы и самостоятельности, в этом присутствует подростковая запальчивость.

В крайних случаях такая зависимость женщины ведет к депрессии и самоубийству. Ее отношения с мужем представляют

собой детскую привязчивость, перемежаемую вспышками ненависти. Женственная женщина сенсибуальна, а не сексуальна. Секс не является ее ведущей потребностью. Ей необходимо "быть любимой". Она склонна расценивать мужа и вообще мужчин как сексуальных эксплуататоров. Она "к его услугам", поскольку инициатива исходит от него, а она старается угодить ему. Иногда такие женщины начинают ненавидеть мужчин за их "животные импульсы", видят в них насильников.

Женственная в традиционном понимании женщина предпочитает эмоции разумному подходу. Она руководствуется пред-
рассудками, астрологией, религией, поучениями гуру и в то же время чувствует свое моральное превосходство. Она склонна попадать под влияние харизматических лидеров, "хилеров" и докторов. В своих взаимоотношениях избегает логики, что позволяет ей не смотреть действительности в лицо и уклоняться от ответственности.

Комплексы мужчины, четко исполняющего традиционную роль, столь же многочисленны. В мужском сознании зависимость и потребность приравниваются к слабости, поэтому подавляемая боязнь быть зависимым изолирует мужчину: он о трудом говорит о своих **страхах** и потребностях и неохотно просит помощи. Ощущение заброшенности, **невывказанные** потребности находят свое косвенное выражение в критицизме, сарказме, пассивности и равнодушии, поглощенности работой и даже в саморазрушительном поведении — алкоголизме, азартных играх и т.п. Ему нравится думать, что он ни в ком не нуждается. Мужественность означает преодоление страха. Желание преодолеть страх часто приводит к саморазрушительным действиям. Для мужчины в традиционном смысле этого слова пассивность ассоциируется с женственностью, активность с мужественностью. Поэтому, чем более он активен, тем в большей степени ощущает себя мужественным. Он не позволяет себе отдыхать, преодолевает усталость. Для этого зачастую он прибегает к сигаретам, кофе, выпивке. Частые сердечные

приступы и гипертония среди мужчин в какой-то мере отражают результат постоянной активности.

Мужчина руководствуется в жизни исключительно разумом. Эмоции кажутся ему слабостью, и потому он старается их подавить. Его попытки руководствоваться разумом терпят неудачу, часто он оказывается слеп в отношениях с близкими людьми. Он не понимает, почему рушатся его отношения.

Он сексуален, но не сенсибуален. Сексуальное удовольствие для него ограничено, потому что секс для него — действие, а не аспект близости. Чем более он мужественен, тем **суже** он как любовник, несмотря на собственные сексуальные иллюзии. Его сексуальные отношения раздражают и отталкивают женщину, а потому неизбежно разрушаются. Все, что предполагает женственность, раздражает его: женская деятельность, интересы, работа, даже одежда, цвета, пища. Проявления теплоты в отношениях между мужчинами отталкивают его, так как он видит в этом гомосексуальность. Его отношения с мужчинами — далекие, конкурентные — лишь усиливают его одиночество и зависимость от женщины. Чем больше он боится показаться женственным, тем сильнее привержен к символам мужественности, таким как ружья, автомобили, мотоциклы, **выпивка**. В результате у него почти нет основы для реального общения и связи с женщиной, и это тем сильнее, чем более женственна женщина — его романтический идеал. Ему необходимо контролировать близких — жену, детей, что приводит к тому, что его в конце концов ненавидят. Боязнь подчинения ведет его к стремлению выиграть любую игру во что бы то ни стало, поэтому игра не может служить для него отдыхом. Он ненавидит проигравших и самого себя, когда проиграет. Он должен постоянно доказывать, что он собой представляет. Он в основном идентифицируется с женщинами, так как в раннем детстве и начале социализации большую часть времени проводит с матерью, бабушкой, воспитательницами и учительницами, поэтому ему необходимо доказывать свою мужественность.

Далее Голдберг разоблачает миф о близости, он показывает, как несовпадение идеала и жизненной реальности приводит к взаимному разочарованию мужчины и женщины, к тому, что любовь обращается в ненависть. Секс оказывается жестокой западней: традиционный подход мужчины и женщины к сексу настолько различен, что рано или поздно приводит к разрушению их взаимоотношений. В традиционных взаимоотношениях благополучная сексуальная жизнь чаще всего оказывается фикцией, так как она представляет собой не связь человека с человеком, а отношения, мотивированные половой принадлежностью. Для поддержания традиционных отношений служат три Р – роль, ритуал, религия.

Вторая часть посвящена рассмотрению трудностей переходного периода. Почему не работает эмансипация? Почему "эмансипированные" пары часто сталкиваются с не меньшим числом проблем, чем те, которые находятся в традиционных отношениях? Что неверно в поведении людей, решивших расстаться со своими традиционными ролями? Голдберг показывает, как риторика эмансипации мужчины и женщины приводит к неестественному и непродуктивному поведению, и почему сексуальная революция приводит не к свободе, а к еще большей фрустрации. Выступая как врач-практик, Голдберг приводит практические примеры подобных сложностей, а также выделяет основные типы противоречий, с которыми сталкиваются пары, избравшие новый путь в своих взаимоотношениях.

В переходный период мужчина или женщина неизбежно подвержены колебаниям между традиционными реакциями и подлинно новыми. Подлинная эмансипация – болезненный, сложный и напряженный процесс, который, однако, не ведет к отсутствию близости с противоположным полом. Далее Голдберг дает практические советы, которые могут помочь в переходный период. Эти советы могут быть общими или отдельными для мужчины и женщины.

Примеры общих советов: учиться относиться друг к другу и взаимодействовать, не обвиняя друг друга и не ощущая себя виновным; учиться строить отношения, базируясь на процессе, а не на символах; учиться доводить спор до конца; учиться равновесию близости и отдаления; замечать, признавать и использовать гнев одного из партнеров; уничтожить неравновесие действующего – содействующего (*aktor-reactor*); помогать друг другу.

В главе "Учиться равновесию индивидуальностей" Голдберг дает отдельные советы мужчинам и женщинам:

ему: развивать в себе мягкость;

ей: учиться быть более агрессивной;

ему: учиться больше сосредотачиваться на процессе;

ей: учиться больше сосредотачиваться на цели;

ему: учиться признавать страх;

ей: учиться допускать агрессивность;

ему: учиться не бояться поражений;

ей: учиться не бояться успеха.

В заключение второго раздела Голдберг пишет, что возможность улучшить расстроившиеся взаимоотношения прямо пропорциональна тому, насколько партнеры объективно знают один другого и нравятся друг другу как люди, а не как символы или опора надежности брака. Множество традиционных пар, отношения которых расстроились, не расходятся, побуждаемые скорее отчаянием, чем взаимной симпатией. Они могут отрицать любовь друг к другу, но едва ли осознают, что в действительности они представляют друг для друга. Для подобных взаимоотношений даже небольшие изменения могут послужить основанием кризиса. Несмотря на желание развивать отношения, здесь будет заметна тенденция подорвать соботвенные попытки или попытки партнера изменить существующее положение.

Процесс перемен не будет эффективным в атмосфере попыток точно определить, кто виноват в создавшейся ситуации.

Действительное улучшение взаимоотношений может быть лишь результатом индивидуального развития. Если взаимоотношения не могут отклониться от традиционных, они несомненно вредны для обоих, и, возможно, лучше расстаться, несмотря на то, что это болезненно и страшно. В сущности, секоизм — это собственное наказание, а эмансипация — собственное вознаграждение.

Свобода от половых ролей — не вопрос принципов, ценностей, истинного или ложного. Это вопрос психологического здоровья, выживания и развития. Секоизм ослабнет и исчезнет в результате трудного процесса общего прогресса. Такой и только такой будет основа для подлинно новых взаимоотношений мужчины и женщины.

В третьей части книги Голдберг описывает, какими должны и могут быть различные аспекты взаимоотношений мужчины и женщины. Голдберг характеризует их как легкие, противопоставляя им серьезные.

С психологической точки зрения, как ни парадоксально, безответственна именно "серьезная" ориентация взаимоотношений, которая лишает их спонтанности и внезапно и непредсказуемо превращает любовь во враждебность.

Легкость в широком смысле слова — результат отсутствия стремления защищаться и способности развить отношения, при которых люди бывают вместе потому, что хотят, а не потому, что нужно. Необходимыми компонентами легких взаимоотношений Голдберг считает подлинную привлекательность партнеров друг для друга (а не их функций); взаимное знание (нет смысла быть идеализированным или идеализировать); разговоры типа "поток сознания" (отсутствие сознательного контроля и самоцензуры, легкость, свобода ответов и их выражения); поведение, свободное от исполнения половых ролей; подлинную привлекательность и взаимодействие, основанное на желании, а не на необходимости; сохранение автономности и индивидуальности; принятие друг друга; любовь к партнеру и восхищение им.

В новых взаимоотношениях мужчины и женщины Голдберг считает необходимым уметь успешно разрешать конфликт и оказывать взаимную поддержку в процессе изменения и развития взаимоотношений. Конфликт следует считать конструктивной, неизбежной и необходимой частью развития подлинно дружеских отношений. Новые взаимоотношения мужчины и женщины вначале могут бытьотягощены конфликтами по поводу принятия решений, контроля, денег, ответственности и т.д., но с течением времени они становятся более спокойными, так как конфликты оказали свое действие и партнеры стали осознавать друг друга как отдельных людей.

Не следует забывать, что существует три мира: его, ее и их. Традиционные взаимоотношения обычно бывают отравлены попытками включить друг друга в сферы или ситуации, где партнер не чувствует себя хорошо.

Прияельские отношения предполагают сознательное разделение времени, мира, друзей и деятельности каждого из партнеров на общие и отдельные. Взаимоотношения не создают автоматическую ориентацию на "мы", напротив, каждый раз совершается свободный выбор.

Любовь и сексуальный опыт в новых взаимоотношениях мужчины и женщины столь же разнообразны, непосредственны и волнующи, как и сами эти взаимоотношения. К сожалению, сексуальное возбуждение, к которому стремятся многие, создается искусственно и похоже на подъем, который дают наркотики. Это продукт фантазии, желание заполучить запретный плод или "удовлетворить" другого, преодоление отказа и сопротивления, получение уверенности в том, что тебя любят, сублимация гнева или даже ненависти по отношению к противоположному полу. В результате, возбуждение длится недолго. К тому же, по большей части то, что мы считаем "сексуальным возбуждением", — результат психологической отдаленности. Партнер, не чувствующий себя уверенно, будет стремиться ощутить возбуждение. Так же и партнер, чувства которого

утагают, небезразличен к собственной фригидности или импотенции. Отсюда попытки возродить "возбуждение" посредством экзотических приемов или сексотерапии.

Глубоко укоренившиеся различия мужской и женской психологии не дают возможности установить, что считать "нормальным" сексом. Прежде всего, традиционно женственная женщина вынуждена умерять свои сексуальные желания и употреблять свою сексуальность в целях достижения обеспеченности, защищенности и власти. Мужественный мужчина в большей мере подавляет интимную и чувственную стороны своей жизни и преувеличенное внимание уделяет сексуальной активности, чтобы доказать свою мужественность, сублимировать агрессивность, достичь власти и возможности контролировать. Таким образом, взаимодействие мужчины и женщины слишком деперсонализировано. Кроме того, "сексуальное возбуждение" традиционно основывается на несексуальных мотивациях и потребностях. Вопрос "нормального секса" когда-нибудь будет признан поставленным неправильно, поскольку он обусловлен ложным делением на разум и тело, заставляющим людей думать в категориях "иметь сексуальную жизнь", а не считать секс прямым выражением себя и своих чувств во взаимоотношениях с другим.

Возможно, одним из наиболее укоренившихся является миф о мужчине, руководствующемся сексом, и женщине, страшащейся секса. За мужественным видом скрывается страх, ригидность, даже отвращение и вдобавок моралистское, пуританское отношение к сексу. Секс, волнующий большинство мужчин, должен быть деперсонализированным, подконтрольным и выдуманым. Множество элементов подлинной **сенсуальности** обеспечены для мужчины, так как он подавляет их ради своей мужественности. Мужчина в большой мере потерял способность выражать свои чувства и потребности, быть беззаботным, быть не только активным, но и пассивным, быть легким, чувственным и относиться к женщине, как к личности, а не выдуманному сексуальному объекту.

В то время как женская литература на темы сексуальности полна призывов к опыту, эксперименту, отказу от ограничений, современная сексуальная литература для мужчин негативна, полна беспокойства, сосредоточена на проблемах, страхах и уменьшении потенции. Ряд сексологов считает сексуальную потенцию женщин почти неисчерпаемой по разнообразию и богатству.

В новых отношениях мужчины и женщины секс не будет играть основополагающей роли. Новые партнеры не будут озабочены тем, как "улучшить" свою сексуальную жизнь, поскольку никакие приемы не могут дать чувства. Секс в новых взаимоотношениях будет возрастать пропорционально уровню взаимного чувства. Новая сексуальность мужчины и женщины будет лишена утилитарности, бессознательна и легка. Формы сексуальных отношений будут приспособляться к желаниям партнера, а не преодолевать их. Сексуальность перестанет быть навязыванием или даже представлять большой интерес. Она не будет чем-то, о чем пишут книги или разрабатывают приемы, поскольку станет ясно, что сексуальный опыт каждого уникален сам по себе и что секс — это просто меняющееся выражение сознания или чувств двух людей.

В главе "Передать эстафету" Голдберг пишет о том, как новые взаимоотношения мужчины и женщины меняют отношение к детям. В существующих отношениях родителей и детей часто выступает негативный цикл: "к родителям, которые относятся к детям инструментально, двойственно, ощущая себя виновными ("мне надо сделать это для ребятшек"), выросшие дети относятся двойственно и в большой мере с чувством вины. Родители не любят своих детей не потому, что не хотят, а просто потому, что они не готовы или не могут сделать этого из-за собственной незрелости или фрустрации.

Детский опыт большинства людей — сочетание властной матери и слабого отца или отца-тирана и матери, готовой к самопожертвованию. Люди должны заводить детей только

тогда, когда испытывают страстное, осознанное желание стать родителями. Ведущей мотивацией иметь ребенка для родителей должна стать "эгоистическая" радость вырастить его и в результате вырасти самому.

Заключительная глава называется "Будущее равновесие" и подводит итоги книги.

Сбалансированное новое сознание будет результатом взаимоотношений, а не провозглашения мужских и женских прерогатив и особенностей. Другими словами, сбалансированные взаимоотношения будут представлять собой уникальную реальность, а не результат традиционного принуждения мужчины и женщины.

Роли, ритуалы и религиозное выражение будут творческим выражением взаимоотношений, а не внешних структур, которые определяют или ограничивают их.

Оба партнера будут чувствовать себя комфортно и станут способными полностью выразить себя. Соответственно, выражение любых эмоций, потребностей или особенностей поведения никогда не будет рассматриваться в терминах принадлежности мужчине или женщине.

Близость, понимание будут не требующим усилий следствием единства двух людей в этих сбалансированных взаимоотношениях.

Быть вместе в любое данное время будет результатом осознанно принятого решения, а не автоматизма.

Работа, рождение и воспитание ребенка могут быть значащим выражением взаимоотношений, наряду со многим другим.

Антагонизм между полами будет восприниматься как пережиток примитивного состояния мужского и женского сознания, который превращал мужчин и женщин в жертвы и во врагов друг друга.

Сбалансированные новые взаимоотношения мужчины и женщины будут определяться как осознанное, не-оборонительное, самосохраняющееся взаимодействие мужчины и женщины,

которые могут оба полностью выражать себя и действовать в соответствии со своими человеческими нуждами, эмоциями, импульсами и возможностями. Взаимоотношения будут определяться самим их ходом и их укорененностью в реальности настоящего, где двое людей радуют и обогащают друг друга.

В.С.Кулагина-Ярцева

КРАТКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

THE CONCISE INTERNATIONAL
BIBLIOGRAPHICAL GUIDE "WOMEN'S STUDIES"

Список сокращений

List of abbreviations

БАН	- Библиотека РАН, Ленинград
ВГБИЛ	- Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, Москва
ГБЛ	- Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва
ГПБ	- Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Ленинград
ГПИБ	- Государственная публичная историческая библиотека, Москва
ЦГТБ	- Государственная центральная театральная библиотека, Москва
ИНИОН	- Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва
МБ	- Медицинская библиотека, Москва
ЦХБ	- Центральная о/х библиотека, Москва

Высота культуры определяется отношением к женщине.

М. Горький

Природа оказала женщине:
будь прекрасной, если можешь,
мудрой, если хочешь, но благо-
разумной ты должна быть непре-
менно.

П. Бомарше

Энциклопедии, словари, справочники

Encyclopedias, dictionaries, reference books

Иванов И. Нежные имена на огня: Образы на бележити жени от древности до наши дни. - С.: Изд-во на Отеч. фронт, 1983. - 642 с.

Биографии замечательных женщин: от древности до наших дней. Справочник.

ИНИОН; ВГБИЛ

Обобщение социальных показателей положения женщин. - Нью-Йорк: ООН, 1984. - X, 116 с.

Alic M. Nupatia's heritage: A history of women in science from antiquity to the late 19th cent. - L.: Women's press, 1986. - X, 230 p. - Bibliogr.: p. 210-224.

Биографический справочник. Женщины-ученые о античных вре-
мен до конца 19 в.

ИНИОН

Ambjörnsson R. Familjeporträtt: Essäer om familjen, Kvinnan, barnet och Kärleken i historien. - Stockholm: Gidlund, 1978. - 192 s.

Понятия "семья", "дети", "любовь" в историческом развитии.

ГБЛ

American women writers: Bibliogr. essays / Ed. by Duke M. et al. - Westport; L.: Greenwood, 1983. - 436 p.

Биобиблиографический справочник американских писательниц 19-20 вв.

ИНИОН

Analyzing gender: A handb. of soc. science res. / Ed. by Hess B.B., Ferree M.M. - Newbury Park etc.: Sage, 1978. - 580 p.

Справочник по социологическим исследованиям пола.

ИНИОН

Bade P. Femme fatale. - L.: Ash a. Grant, 1979. - 128 p. p. 126-128.

Образ роковой женщины в изобразительном искусстве Европы.

ГБЛ

Banks O. The biographical dictionary of British feminists. - Brighton: Wheatsheaf books, 1985.

Vol. 1: 1800 - 1930. - IX, 240 p.

Активистки движения за эмансипацию женщины в Великобритании. Биографический словарь. Т. I.

ГБЛ; ИНИОН

The changing role of women in society. - B.: Akad.-Verl., 1985. - XLII, 818 p.

Женский вопрос как глобальная проблема наших дней. Программа социологических исследований. 1981-1983 гг.

ГБЛ; ИНИОН

Chiappe J.F. Le monde au féminin: Encycl. des femmes célèbres. - P.: Somogy, 1976. - 296 p.

Знаменитые женщины мира. Энциклопедия.

ГПИБ

Cohen A.I. International encyclopedia of women composers. - N.Y.; L.: Bowker, 1981. - XVIII, 598 p. - Bibliogr.: p. 577-597.

Женщины-композиторы. Международная энциклопедия.

ГБЛ

Dakeuwer-Defossez F. Droits des femmes. - P.: Dalloz, 1985. - XII, 458 p. - Bibliogr.: p. 455-458.

Права женщин. Словарь.

ИНИОН

A dictionary of British and American women writers, 1660-1800 / Ed. by Todd J. - L.: Methuen, 1984, - XXIV, 344 p.

Английские и американские писательницы: 1660-1800 гг.

Словарь-справочник.

ГБЛ; ВГБИЛ

The Europa biographical dictionary of British women. - L.: Europa, 1983. - IX, 436 p.

Европейский биографический словарь знаменитых женщин Великобритании во всех областях науки и техники.

ГБЛ; ИНИОН; ВГБИЛ

Feminist scholarship. - Urbana; Chicago: Univ. of Illinois press, 1985. - X, 230 p. - Bibliogr.: p. 203-220.

Изучение и преподавание феминизма в высших учебных заведениях США.

ГБЛ; ВГБИЛ

Les Femmes célèbres / Dirige par Mazenod. - P.: Mazenod, 1960-1961.

Т. 1. - 1960. - 480 p.

Т. 2. - 1961. - 458 p.

Биографический справочник знаменитых женщин всех времен и народов. С многочисленными иллюстрациями. Т. I-2.

ВГБИЛ

Feyl R. Der lautlose Aufbruch: Frauen in der Wiss. - B.: Neues Leben, 1981. - 206 S.

Женщины-ученые. Биографический справочник.

ГБЛ; ВГБИЛ

Kerber L.K., Mathews J. Women's in America: Refocusing the past. - N.Y.; Oxf.: OUP, 1982. - XI, 478 p. - Ind.: p.463-478.

Положение женщины в Америке в 1600-1980 гг. Документальные источники.

ГБЛ

Kramarae C., Treichler P.A. A feminist dictionary. - Boston etc.: Pandora, 1985. - X, 588 p. - Bibliogr.: p. 515-587.

Словарь терминов и понятий, отражающих положение в обществе и различные стороны жизни женщины.

ВГБИЛ

Krull E. Kunst von Frauen. - Leipzig, 1984. - 190 S.

Творчество художниц стран мира 16-20 вв. (до 1920 г.).

Альбом-справочник. Истоки, основные черты, особенности "женского" искусства.

ВГБИЛ

Orfhouse A. Who's who of Australian women. - North Ryde: Methuen Australia, 1982. - 504 p.

Выдающиеся женщины Австралии. Биографический справочник.

ВГБИЛ

Obius H. Die Frau im Barock. - Lpz.: Ed. Lpz., 1982. - 16 S.

Женщины в изобразительном искусстве барокко. Женщина и быт, женский труд, социальная принадлежность, мир переживаний, конфликты со средой, духовные мотивы, женщина и власть. Иллюстрированный справочник.

ЦДБ

Pachl L. Mala abeceda rodiny. - Pr.: Panorama, 1983. - 314 s.

Социально-психологические проблемы семьи. Справочник.

ГБЛ

Petteys C. Dictionary of women artists. - Boston: Hall, 1985. - XVIII, 852 p. - Bibliogr.: p. 782-851.

Женщины-художницы. Словарь.

ГБЛ

Reflections: Profiles of 150 women who helped make Western Australia's history / Ed. by Popham D. - Perth etc.: Carroll, 1979. - XI, 266 p. - Bibliogr.: p. 266.

150 биографий женщин и общественных деятелей Австралии 20 в.

ГБЛ; ЦДБ

Sakala C. Women of South Asia: A guide to resources. - Millwood, 1980. - XVIII, 518 p.

Женщины в Южной Азии. Справочник.

ИНИОН

Seydewitz R., Seydewitz M. Das Marchen vom Schwanengott: Geschichten in den Bildern. - B.: Morgen, 1980. - 224 S. Bibliogr.: S.220-221.

Тема любви в мировом изобразительном искусстве. Иконография.

ГБЛ; ВГБИЛ

Siegel P.J., Finley K.T. Women in the scientific search: An Amer. bio-bibliogr., 1724-1979. - Metuchen; L.: Scarecrow, 1985. - XVII, 400 p.

Женщина и наука. Американский биобиблиографический справочник. 1724-1979 гг.

ИНИОН

Tuttle L. Encyclopedia of feminism. - N.Y.; Oxford: Facts on file, 1986. - 400 p. - Bibliogr.: p. 379-399. Энциклопедия по феминизму.

ИНИОН

Weigle M. Spiders and spinsters: Women a. mythology. - Albuquerque: Univ. of N.M. press, 1982. - XII, 340 p. - Bibliogr.: p.315-340. Ind.: p.331-340.

Женщина в мировой мифологии. На материале истории религий, этнографии, литературы и искусства. Справочник.

ВГБИЛ

Who's who of American women. - Chicago: Who's who, 1979. - 2787 p.

Биографический справочник. Женщины в сфере науки, государственного управления, общественной жизни, бизнеса и культуры в США, Канаде и других капиталистических странах.

ВГБИЛ

Women making music: The Western art tradition, 1150-1950 / Ed. by Bowers J., Tick J. - Urbana; Chicago: Univ. of Illinois press, 1986. - 420 p. - Bibliogr.: p. 162-167.

Женщины-музыканты. 1150-1950 гг. Биографический справочник.

ГБЛ

The Women of England / Ed. by Kanner B. - L.: Mansell, 1980. - 430 p.

Положение женщины в Великобритании. 15-20 вв. Биобиблиографический справочник

ГБЛ; ГИИБ

Women scientists / Ed. by Richter D. - London; Basingstoke: Macmillan, 1982. - 220 p.

Женщины-ученые. Биографические очерки.

ГБЛ; ИНИОН

Women, the family, and freedom: The debate in documents, 1980. Vol. 1: 1750-1880. - XIV, 562 p. - Bibliogr.: p.521-551.

Женщина, семья, свобода. Документы. Т. I. Вопросы правового положения женщины в капиталистических странах в 1750-1880 гг.

ИНИОН; ВГБИЛ

Women's interests // Ulrich's international periodicals directory. - N.Y., 1985. - Vol. 2. - P. 1616-1625.

Женский вопрос. Международные организации, институты, периодические издания. Справочник.

ИНИОН

The world who's who of women, 1982 / Ed. by Kay E. - 6 ed. - Cambridge: Intern. biogr. centre, 1982. - XI, 892 p.

Женщины мира. Международный биографический справочник. 1982 г.

ВГБИЛ

Бидзину-но нака-но радзё. - Токио: Сэйся, 1980. - Яп.яз.: Т. 6. - 132 с.

Изображение женщины в искусстве. Справочник. Т. 6. Изображение женщин в исторических и мифологических сюжетах.

ГБЛ

Библиографические указатели

Bibliographies

Лоось Б.В. Женщины в странах Азии и Африки: Науч.-аналит. обзор / Отв. ред. Кузнецова С.И. - М.: ИНИОН, 1987. - 68 с.

Лук А.Н. Проблемы научного творчества: Сб. аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1985.

Вып. 4. - 98 с.

См. Женщины в науке, с. 65-98.

Савинова Л.Н. Женщина в современном мире и идеологическая борьба: Науч.-аналит. обзор. - М.: ИНИОН АН СССР, 1981. - 76 с. - Библиогр.: с. 71-75.

Савицкая Т.Е. Женщина и культура, 70-е - нач. 80-х гг. / М-во культуры СССР. Гос. б-ка им. В.И.Ленина. - М., 1984. - 36 с. Библиографический указатель.

Семья и здоровье: Библиогр. указ. отеч. и заруб. лит., 1979-1985 гг. / М-во здравоохранения РСФСР и др. - М., 1985. - 102 с.

Astin H.S. Sex roles: A res. bibliogr. - Rockville: Nat. inst. of mental health, 1976. - IX, 362 p.

Проявление половых различий в социальной жизни. Аннотированная библиография.

ГБЛ

Atkinson J.M. Anthropology // Signs. - Chicago, 1982. - vol. 8, N 2, - P. 236-258.

Антропология женщины. Обзор литературы.

ИНИОН

Ballou P.K. Women: A bibliography of bibliographies. - Boston: Hall, 1980. - XIII, 156 p.

Женщина: библиография библиографий 1970-1979 гг. Подробно проаннотировано 557 источников. Философия, социология, политика, религия, психология, культура, образование и др.

ИНИОН; ГПБ

Bannissoni M. Bibliografia sulla condizione femminile. - Roma: Bulzoni, 1978. - 208 p.

Аннотированный указатель книг и статей о положении женщины в современном обществе: социально-психологический аспект.

ГБЛ; ИНИОН

Bettison M., Summers A. Her story: Austral. women in print, 1788-1975. - Sydney: Hale, 1980. - 182 p.

Положение женщин в Австралии в освещении печати. Библиографический указатель за 1788-1975 гг.

ГБЛ; ВГБИЛ

Bibliographic guide to studies on the status of women. - Epping: UNESCO, 1983. - XII, 292 p.

Современные исследования статуса женщины в странах мира. Аннотированный библиографический справочник.

ГБЛ; ИНИОН; БАН

Capel M.R.M., Iglesias de Ussel J. Mujer española y sociedad: Bibliogr. (1900-1984). - Madrid: Min. de Cultura: Inst. de la Mujer, 1984. - 392 p.

Положение испанской женщины в обществе в различные истори-

ческие эпохи (до 1984 г.). Воспитание и образование, труд, уровень культуры и т.п. Тематический указатель японской литературы за 1900-1984 гг.

ВГБИЛ

Cardozo B.N. Women's annotated legal bibliography. - N.Y.: Boardman, 1984. - XVII, 332 p.

Аннотированная библиография по правам женщины. Около 2000 названий.

ИНИОН

Carmony D.L. Women & world religions. - Nashville, 1979. - 172 p.

Женщина в религиях мира. Женское начало - "Богиня-мать" в архаических религиозных верованиях. Обзор.

ВГБИЛ

Casper D.E. Women in the labor force: Recent research, 1980-1983. - Monticello: Vance bibliogr., 1984. - 18 p.

Роль женщины в производстве. Библиографический указатель за 1980-1983 гг.

ИНИОН

Catalucci E., Sarinelli R. Donna e lavoro: Bibliogr. 1970-1981. Ricerche, saggi, articoli. - Roma: Bulzoni, 1982. - 122 p.

Систематизированный указатель книг и статей за 1970-1981 гг. о женском труде в современной Италии: труд на фабриках и заводах, в сельском и домашнем хозяйстве, охрана труда женщин.

ВГБИЛ

Cohen Stuart B.A. Women in the Caribbean: A bibliogr. - Leiden, 1979. - 164 p.

Положение женщины в странах Карибского бассейна. Библиографический указатель. 670 названий.

ИНИОН

Cruz D. de la. Movimiento femenino cubano: Bibliogr. - La Habana: Ed. polit., 1980. - 152 p.

Женское движение на Кубе в 19-20 вв. Библиографический указатель.

ГБЛ; ВГБИЛ

Drastrup J., Koch N. A selection of recent Danish femino-logical publications. - Roskilde: Roskilde univ. libr., 1981. - VIII, 38 p.

Социальные проблемы женщин Дании. Аннотированная библиография.

ГБЛ

Dworaczek M. Women and the world of work: Issues in the '80 s: A sel. bibliogr., 1980-1982. - Monticello: Vance bibliogr., 1983. - 38 p.

Женщина и труд: проблемы 1980-х гг. Выборочная библиография. 318 названий. 1980-1982 гг.

ИНИОН

Evans M., Morgan D. Work on women: A guide to the lit. - L.; N.Y.: Tavistock, 1979. - 84 p.

Положение и роль женщины в современном обществе. Библиографический указатель.

ГБЛ

Fishburn K. Women in popular culture: A ref. guide. - Westport; L.: Greenwood, 1982. - 278 p.

Роль женщины в американской культуре. Обзор американской литературы 70-80-х гг.

ГБЛ

Die Frauenfrage in Deutschland: Bibliogr. - München: Saur, 1979-1983.

Bd 8: 1977 - 1978. - 120 S.

Bd 9: 1979 - 1980. - VIII, 134 S.

Bd 10: 1981 - 1980. - 1982. - XVI, 958 S.

Bd 11: 1981 - 1982. - 1983. - 230 S.

Женский вопрос в ФРГ. Библиографический указатель. Т.8-II.

ГБЛ

Frey L., Frey M., Schneider J. Women in Western European history: A sel. chronological, geogr., a. topical bibliogr.: From antiquity to the French revolution. - Brighton: Harvester, 1982. - LV, 762 p.

Женщины в истории Западной Европы. Выборочный хронологический, географический, тематический библиографический указатель. От античности до Французской революции (1789-1799). 6894 названия.

ГБЛ; ИНИОН

Die gesellschaftliche Stellung der Frau in der Deutschen Demokratischen Republik: Ein Auswahlverz. - Leipzig, 1986. - 62 S.

Положение женщин в ГДР, их участие в развитии науки, культуры. Библиографический указатель литературы ГДР за 1949-1985.

ГБЛ; ИНИОН; ВГБИЛ

Rejkova Ž. Žena a spoločnosť: Bibliogr. - Br.: Univ. knižn., 1977. - 208 s.

Женщина и общество. Библиографический указатель. I25I название.

ИНИОН

Gezinssociologische documentatie: Jaarboek. - Leuven: Acco, 1978 -

Семья и брак: аннотированный международный библиографический указатель журнальных статей.

ИНИОН; БАН

Milbert V.F., Tatla D.S. Women's studies: A bibliogr. of diss., 1870-1982. - Oxford; N.Y.: Blackwell, 1985. - XIV, 500 p. - Bibliogr.: p. 461-466.

Исследование женского вопроса в аспектах разных наук. Библиографический указатель диссертаций за 1870-1982 гг.

ГБЛ

Glick I.D., Weber D.H., Pattern J.T. Family therapy and research: An annot. bibliogr. of art., books, video. - 2 ed. - N.Y. etc.: Grune a. Stratton, 1982. - XI, 308 p. Социально-психологические вопросы семьи. Аннотированная библиография за 1950-1979 гг.

ГБЛ

Goldman I. Bijdrage tot een algemene theorievorming over de vrouw in de huidige westerse maatschappij: Een lit. onderzoek. Proef. - Utrecht, 1983. - 10, 278 blz. - Bibliogr.: p. 266-277. - Рез. нидерл., англ.

Женщина в современном западном обществе. Обзор литературы.

ГБЛ

Grady K.E., Brannon R., Pleck J.H. The male sex role: A sel. a. annot. bibliogr. - Rockville, 1979. - X, 196 p.

Роль мужчины в семье и обществе. Аннотированная библиография.

ГБЛ

Haber B. Women in America: A guide to books, 1963-1975. - Boston: Hall, 1978. - XIII, 202 p.

Женщина в Америке. Библиографический аннотированный указатель книг, изданных в США. Философия, социология, психология, культура и т.д. Более 500 названий.

ИНИОН

Hahner J.E. Recent research on women in Brazil // Lat. Amer. research rev. - Gainesville, 1985. - Vol. 20, N 3. - P. 163-179.

Женщина в Бразилии. Обзор исследований 1977-1983 гг.

ИНИОН

Noyrup E. Women and mathematics science and engineering: A partially annot. bibliogr. with emphasis on mathematics a. with ref. on related topics. - Roskilde: Roskilde univ. libr., 1978. - VI, 62 p.

Женщина, математика и инженерный труд: частично аннотированная библиография.

ИНИОН

Jaquette J.S. Women and modernization theory: A decade of feminist criticism // World politics. - Princeton, 1982. - Vol. 34, N 2. - P. 267-284.

Женщина и модернизация: критика феминизма. Обзор литературы 1970-1979 гг.

ИНИОН

Krichmar A. The women's movement in the seventies: An intern. Engl. lang. bibliogr. - Metuchen; L.: Scarecrow, 1977. - XVI, 876 p. - Ind.: p. 729-875.

Женское движение в 1970-е годы. Англоязычная библиография. 8637 названий.

ИНИОН

Maccoby E.E., Jacklin C.N. The psychology of sex differences. - Stanford: Stanford univ. press, 1978.

Vol. 2: Annotated bibliography. - 392-628 p.

Психологические аспекты половых различий. Т.2. Аннотированный указатель иностранной литературы.

ГБЛ

Malmström R. Kvinnor och Kvinnohistoria i Sverige: Fört. över bibliogr. - Göteborg, 1981. - 96 s.

Женщины Швеции: история женского вопроса в стране, современное положение и перспективы. Библиографический указатель.

ГБЛ; ИНИОН

Mascarenhas O., Mbilinyi M. Women in Tanzania: An analyt. bibliogr. - Uppsala: Scand. inst. of Afr. stud.; Stockholm: Swed. intern. development authority, 1983. - 256 p.

Социальное положение женщин в Танзании. Аннотированный библиографический указатель.

ГБЛ

Meghdessian S.R. The status of the Arab woman: A sel. bibliogr. - L.: Mansell, 1980. - 176 p.

Положение женщин в арабских странах. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в Ливане, Египте и Франции во второй пол. 1970-х гг.

ИНИОН; ВГБИЛ

Nelson B.J. American women and politics: A sel. bibliogr. a. resource guide. - N.Y.; L.: Garland, 1984. - XII, 256 p.
Американские женщины и политика: выборочный библиографический указатель. 1600 аннотированных названий.

ИНИОН

Raccagni M. The modern Arab woman: A bibliogr. - Metuchen; L.: Scarecrow, 1978. - X, 262 p.

Положение женщин в странах Арабского Востока. Библиографический указатель (частично аннотированный) книг, изданных в 19-20 вв. (до 1976 г.).

ИНИОН; ВГБИЛ

Resniok M., Courtivron I. de. Women writers in translation: An annot. bibliogr., 1945-1982. - N.Y.; L.: Garland, 1984. - XI, 272 p.

Аннотированный библиографический указатель вышедших в англоязычном переводе в 1945-1982 гг. произведений писательниц мира.

ИНИОН

Ritchie M. Women's studies: A checklist of bibliogr. - L.: Mansell, 1980. - XV, 108 p.

Женщина. Указатель англоязычной литературы. 1965-1979 гг.

ИНИОН

Rundnagel R. Frauen in Naturwissenschaft und Technik // Argument. - B., 1986. - H. 155. - S. 74-85.

Обзор литературы по теме "Женщины в естествознании и технике": состояние проблемы, идеологические и социальные факторы, социальная психология труда женщин в науке.

ГБЛ; ИНИОН

Wafilos-Rothschild C. Sex role socialization, sex discrimination: A bibliogr. - Wash., 1979. - 120 p.

Роль пола в процессе социализации и вопросы половой дискриминации. Библиографический указатель.

ГБЛ

Sahai S.N. Women in changing society: A bibliogr. study. - Delhi: Mittal, XXXII, 442 p.

Обширный (свыше 5000 наименований) указатель литературы по различным аспектам положения женщины (семья, труд, образование, взаимоотношения с мужчиной и т.д.) в общественных структурах различных стран мира с древности до начала 1980-х годов.

ГБЛ; ИНИОН; ВГБИЛ

Saulniers S.S., Rakowski C.A. Women in the development process: A sel. bibliogr. on women in Sub-Saharan Africa a. Lat. America. - Austin: Inst. of Lat. Amer. studies, 1977. - XXIII, 288 p.

Женщины и процесс развития. Выборочная библиография о положении женщины в странах Африки (ниже Сахары) и в Латинской Америке.

ИНИОН; ГПБ

Vedel G. Kommenteret bibliografi over litteratur vedrørende kvindearbejde, kvinder and teknologi. - Roskilde, 1981. - 28 s.

Женский труд в капиталистических странах. Аннотированный библиографический указатель.

ГБЛ

Women and the world of work: Issues in the '80 s: A sel. bibliogr., 1980-1982. - Monticello: Vance bibliogr., 1983. - 38 p.

Женщина и работа: проблемы 80-х годов. Выборочная библиография, 1980-1982 годов.

ИНИОН

Women, health and development in the Americas: An annot. bibliogr. - Wash., 1984. - VIII, 106 p.

Женщины, здравоохранение и его развитие в странах Америки. Аннотированная библиография.

МБ

Women in American history: A bibliogr. / Ed. by Harrison C.E. - Santa Barbara; Oxford: ABC - Clio, 1979. - XI, 374 p.

Женщина в истории Америки. Библиографический указатель.

ИНИОН

Women in the Third World: A hist. bibliogr. / Ed. by Byrne P.R., Ontiveros S.R. - Oxford: ABC - Clio, 1986. - XII, 152 p.

Женщины в развивающихся странах. Исторический библиографический обзор.

ИНИОН

Women religious history sources: A guide to repositories in the United States / Ed. by E.Thomas. - N.Y.; L.: Bowker, 1983. - XXVII, 330 p.

Источники по религиозной истории женщин. Путеводитель по хранилищам США.

ГПИБ

Women's role in farming and agriculture. - Beltsville: USDA, 1982 -

Библиографический указатель по вопросам роли женщины в сельскохозяйственном производстве.

ЦСХБ

Yagin A., Anwar B. Protection of women under the law: An annot. bibliogr. - N.Delhi: Deep a. Deep publ., 1982. - 200 p.

Юридический закон и защита женских прав. Выборочный аннотированный библиографический указатель индийских книг и статей 1950-1981 годов.

ИНИОН

Далил аль-марад аль-аввал ли-л-калам фи хидма кадийя аль-мараа. - Багдад, 1978. - I02, I2 о. - Араб. яз.

Указатель литературы на арабском и английской языках книжной выставки "Книга на службе проблемы женщины". Багдад, 13 марта, 1978 г.

ИНИОН

Конгрессы, съезды, конференции

Congresses, conventions, conferences

Всемирная конференция в рамках Десятилетия женщины ООН: равенство, развитие и мир, Копенгаген, 14-30 июля 1980 г.; Докл. - Нью-Йорк: 1980. - X, 312 о.

ГЕЛ; ИНИОН

Всеобщая конференция "Доходы и потребление семьи (проблемы методологии изучения и моделирования)", Ереван, 30 мая - 2 июня 1983 г. / АН СССР Центр. экон.-мат. ин-т и др. - М., 1983. - 192 о.

Всеобщая научная конференция "Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества", 24-26 сент. 1985 г. / АН СССР. Ин-т этнографии и др. - Махачкала, 1985. - 250 о.

Региональные особенности воспроизводства населения и вопросы демографической политики: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. "Доходы и потребление семей" (семья и нар. благосостояние в развитом соц. о-ве), Цахнадзор 30 мая-2 июня 1983 г./ АН СССР. Науч. совет по оптим. планир. и упр. нар. хоз-вом и др. - Ереван, 1983. - 154 с.

Семейство и социально-демографско развитие / Отв. ред. Минков М. - С.: БАН, 1982. - 550 с.

Семья и демографическое развитие в социалистических странах. Материалы международного научного симпозиума, организованного Институтом социологии БАН. София, 1981 г.

ВГБИЛ

Совещание государств - участников Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Нью-Йорк, 16 апр. 1982 г.: Изд. - Нью-Йорк: ООН, 1982 -

ГБЛ; ИНИОН

Abortion: Med. progress a. soc. implications. - L.: Pitman, 1985. - VIII, 286 p.

Медицинский и социальный аспекты аборта. Материалы международного симпозиума. Лондон, 1984.

ГБЛ

Abortion and the status of the fetus. - Dordrecht etc.: Reidel, 1983. - XXII, 350 p.

Аборт и общество. Социальный, этический и другие аспекты. Материалы конференции, Колумбия (США), 1980 г.

ГБЛ

Actes du colloque "Psychologie différentielle des sexes", Tunis, 16-20 oct. 1984 / Univ. de Tunis. Centre d'études et de recherches écon. et sociales. - Tunis, 1986. - 70 p.

Психология половых различий. Материалы коллоквиума. Тунис, 1984 г.

ИНИОН

African famine situation. - Wash.: Gov. print. off., 1985. - III, 220 p.

Положение женщины в Африке. Брифинг и некоторые замечания в Комиссии по иностранным делам Палаты представителей. I-ая сессия 99-го конгресса по правам человека, январь-февраль 1985 г.

ИНИОН

The American family: Dying or developing / Ed. by Reiss D., Hoffman H.A. - N.Y.; L.: Plenum press, 1979. - XVII, 246 p.
Американская семья: умирающая или развивающаяся? Материалы конференции, Вашингтон, 1978 г.

ИНИОН

Biosocial aspects of sex: Proc. of the sixth Annual symp. of the Eugenics soc. - L., 1977.

Социально-биологические проблемы пола. Материалы ежегодного симпозиума Евгенического общества. Лондон.

ГБЛ

Changing patterns of sexual behaviour: Proc. of the Fifteenth Annual symp. of the Eugenics soc. London, 1978 / Ed. by Armitage W.H.G. - L.: Acad. press, 1980. - X, 214 p.

Социально-психологические проблемы взаимоотношений между полами. Материалы международного симпозиума. Лондон, 1978 г.

ГБЛ; ИНИОН

Contemporary women in life and literature: Lecture: Essays from the 1979 Women's conf./ Ed. by A.R.Clauss. - Copenhagen: Univ. of Copenhagen, 1981. - 122 p. - Bibliogr.: p. 121-122.

Современные женщины в жизни и литературе. Материалы Международной конференции. Дания, 1979 г.

ГБЛ

Development and the sexual division of labor / Ed. by Safa H.I., Leacock E. - Chicago: Univ. of Chicago, 1981. - 250 p.

Половое разделение труда. Материалы конференции. 2-10 августа 1980 г.

ИНИОН; ГПБ

Espejo P. Femmes et politique. - P.: Club social. du livre, 1983. - 128 p.

Участие женщин мира в классовой борьбе и общественно-политических движениях. По материалам Международной встречи женщин, 1982 г.

ГБЛ

Die Familie in Europa auf dem Weg in das Jahr 2000: Dokumentation des Europ. Familienkongr. 1982 in Wien / Hrsg. von Schattovits H. Schulz W. - W.: Ehe u. Familie Ztschrverl. Ges., 1983. - 180 S.

Семья в Европе до 2000 года. Материалы Европейского конгресса по проблемам семьи. Вена, 1982 г.

ГПБ

Familieret i Norden. - Stockholm: Nord rådet, 1982. - 168 s. Семейное право Скандинавских стран. Материалы Международной конференции. Хельсинки, Финляндия, 1982 г.

ГБЛ

Family living in a changing society. - Uppsala, 1979. - 128 p.

Материалы Международной конференции по вопросам семейного права. Швеция, 1979 г.

ГБЛ

Feministische Literaturwissenschaft / Hrsg. von Stephan I.-B.: Argument, 1984. - 174 S. - Bibliogr.: S. 160-165.

Образы женщин и женская тема в литературе. Женщины-писательницы и феминистская литературная критика. Материалы конференции. Гамбург, ФРГ, 1983 г.

ГБЛ; ИНИОН

Femmes, féminisme et recherches. - Toulouse: AFFER, 1984. - 1080, 16 p.

Различные аспекты деятельности женщин в обществе. Материалы международного colloquium. Тулуза, Франция, 1983 г.

ГБЛ

Fertility and family. - N.Y.: UN, 1984. - IX, 476 p.

Проблемы рождаемости и семьи. Материалы Международной конференции. Новый Дели, 1983 г.

ГБЛ; ИНИОН

Frau und spätmittelalterlicher Alltag. - W.: Österr. Akad. der Wiss., 1986. - 616 S.

Положение женщины в средневековой Европе. Материалы международного съезда медиевистов. Кремс, Австрия, 1984 г.

ГБЛ

Frauen Weiblichkeit: Schrift. - B.: Argument, 1985. - 174 S. Женщина и литературное творчество. Документы Международного симпозиума. Билефельд, ФРГ, 1984 г.

ГБЛ

Hafters D.M. International conference on the role of women in the history of science, technology, and medicine in the 19th and 20th centuries // Technology a. culture. - Chicago, 1985. - Vol. 26, N 2. - P. 262-267.

Обзор основных проблем Международной конференции по вопросам роли женщины в истории науки, техники в 19-20 вв.

ИНИОН

Kontroversen, alte und neue: Akten des 7. Intern. Germanisten - Kongr., Göttingen 1985. - Tübingen: Niemeyer, 1986. Bd 6: Frauensprache - Frauenliteratur?: Für u. Wider einer Psychoanalyse lit. Werke / Hrsg. von Stephan I., Pietzcker C. - IX, 252 S.

Материалы 7-го Международного конгресса германистов. Т.6. Женский язык и женская литература? Психоанализ женского литературного творчества.

ИНИОН

Listening to America's families. - Wash.: White house conf. on families, 1980. - 250 p.

Социальные проблемы американской семьи. Материалы конференции, Вашингтон, 1980 г.

ГБЛ; ИНИОН

Marriage and remarriage in populations of the past. - L. etc.: Acad. press, 1981. - XIX, 664 p.

Вотупление в новый брак как социосемейная проблема в истории общества. Материалы международного colloquium. Норвегия, 1979 г.

ГБЛ; ИНИОН; БАН

Methoden in der Frauenforschung. - Frankfurt a.M.: Fischer, 1984. - 270 S.

Женский вопрос: методы исследования в общественных науках. Материалы симпозиума. 1983 г.

ИНИОН

OMCV I Conferência nacional das mulheres de Cabo Verde: Documentos. - Praia, 1981. - 102 p.

Материалы I-й национальной конференции Организации женщин Островов Зеленого Мыса, Прая, 1981 г.

ГБЛ

Psychologie differentielle des Sexes, Tunis, 16-20 oct. 1984: Actes du Coll. - Tunis, 1986. - 468, 70 p.

Психология половых различий. Материалы colloquium.

ИНИОН

Les relations interpersonnelles dans la famille maghrébine. - Tunis: C.E.R.E.S., 1988. - 262, 28 p.

Брак, семья и внутрисемейные отношения в странах Магриба. Материалы colloquium.

ВГБИЛ

Social science research and women in the Arab world. - L.: Pinter; Paris: UNESCO, 1984. - X, 176 p.

Социальное положение женщины в арабских странах. Материалы конференции. Тунио, 1982 г.

ГБЛ; ИНИОН

Symposium on minorities and women in science and technology: Proc., Washington, July, 1982. - Wash.: US. Gov. print. off., 1982. - Pag. var.

Женщины в науке и технике. Материалы симпозиума. Вашингтон, США, 1981 г.

ГБЛ; ИНИОН

White House conference on families. - Baltimore, 1980: Summary of state rep. - Baltimore, 1980. Vol.1. - 238 p.

Vol. 2 - 155 p. Vol. 3 - 180 p.

Семья в США. Материалы конференции, организованной "Белым домом". Балтимор (США), 1980 г. Т. 1-2.

ГБЛ
233

Wir wollen alles!: Beruf - Familie - PolitikFrauenarbeit u. Frauenbewegung Materialien der Frauenkonf. des IMSF vom 20./21. Nov. 1982 in Frankfurt/Main. - Frankfurt a.M.: Nachrichten-Verl. - Ges., 1983. - 240 S.

Движение и организации женщин в ФРГ. Материалы научной конференции. Франкфурт-на-Майне, ФРГ, 1982 г.

ГБЛ

The woman in management: Career a. family iss. / Ed. by Farley J. - Ithaca: ILR, 1983. - IX, 102 p. - Bibliogr.: p. 80-95.

Женщина: участие в управлении производством. Материалы конференции (Корнелльский университет, США) 1982 г.

ИНИОН

Women and sport. - Basel etc.: Karger, 1981. - XIII, 230 p. - Ind.: p. 226-229.

Женщина и спорт. Материалы Международного конгресса. Рим, 1980 г.

ГБЛ

Women and technological change in developing countries / Ed. by Dauber R. - Boulder: Westview, 1981. - XXII, 266 p. - Bibliogr.: p. 257-266.

Женщины и технологические изменения в развивающихся странах. Материалы симпозиума. Хьюстон, США, 1979 г.

ИНИОН; ГПБ

Women and the world of work / Ed. by Holberg A. - N.Y.; L.: Plenum, 1982. - XIII, 390 p. - Bibliogr.: p. 347-367. Социальные и экономические проблемы труда женщин в капиталистических странах. Материалы международной конференции стран НАТО. Лиссабон, 1980 г.

ГБЛ; ИНИОН

Women and work in Africa / Ed. by Bay E.G. - Boulder: Westview, 1982. - XIV, 310 p.

Анализ тенденций и перспектив экономической активности женщин в странах Африки. Материалы симпозиума. Иллинойский университет, США, 1979 г.

ИНИОН

Women in Islamic societies / Ed. by Utas B. - L. etc.: Curzon, 1983. - VII, 252 p.

Положение женщин в исламских странах. Материалы конференции. Копенгаген, 1979 г.

ГБЛ; ИНИОН; БАН

Women in scientific and engineering professions / Ed. by Haas V.B. - Ann Arbor: Univ. of Mich. press, 1984. - 246 p.

Женщина в научных и инженерных профессиях: ее возможности, отношение к данным профессиям и перспективы. Материалы национальной конференции. Анн-Арбор, США, 1981 г.

ИНИОН; ГПБ

Women in the labor market. - N.Y.: Columbia univ. press, 1979. - XXI, 394 p. - Bibliogr.: p. 379-393.

Проблемы занятости женщин в капиталистических странах. Социологические и экономические аспекты. Материалы конференции. Нью-Йорк, США, 1977 г.

ГБЛ; ИНИОН; ГПБ

Women in the Third World / Ed. by Futchally L. - Bombay etc.: Jaico publ. house, 1980. - 156 p.

Социально-экономическое положение женщин в странах Востока. Материалы международного научного семинара. Мадрас, Индия, 1979 г.

ВГБИЛ

Women in Turkish society / Ed. by Nermin A.-U. - Leiden: Brill, 1981. - XII, 338 p.

Положение женщины в турецком обществе (после второй мировой войны). Материалы семинара "Женщина в турецком обществе", Стамбул, Турция, май, 1978 г.

ВГБИЛ

Women, work and computerization. - Amsterdam etc.: North-Holl., 1985. - XII, 372 p.

Компьютеризация и женский труд. Материалы международной конференции.

ГБЛ

World conference to review and appraise the achievements of the United Nations decade for women. -

Социальное положение женщин в современном мире. Материалы международной конференции. Кения, 1985 г.

ГБЛ

Антологии

Anthologies

Agonito R. History of ideas on woman. - N.Y.: Putnam, 1977. - 414 p.

История представлений о природе и назначении женщины от Платона до Маркузе. Антология.

ИНИОН

Baym N. Woman's fiction: A guide to novels by a. about women in America, 1820-1870.. - Ithaca; L.: CUP, 1980. - 320 p. - Bibliogr.: p. 302-307.

Романы американских писательниц о женщинах с 1820 по 1870 г.

ГБЛ; ИНИОН; ВГБИЛ

Femeia în proverbele si cugetările lumii. - Buc.: Albatros, 1975. - XVII, 334 p. - Bibliogr.: p. 300-304.

Афоризмы, посвященные женщине. Антология.

ГБЛ; ВГБИЛ

Frauenemanzipation und Sozialdemokratie / Hrag. von Niggemann H. - Frankfurt a.M. Fischer Taschenbuch Verl., 1981. - 330 S. - Bibliogr.: S. 318-329.

Женская эмансипация и социал-демократия. Антология.

ИНИОН

Houssin M. Femmes d'avenirs. - P.: Messidor, 1985. - 160 p. - Bibliogr.: p. 157.

Женщина в век НТР: труд, спорт, искусство и т.д. Заметки, статьи, высказывания. Иллюстрированное издание.

ИНИОН; ВГБИЛ

Images of women in antiquity / Ed. by Cameron A., Kuhrt A.-L.; Canberra: Groom Helm, 1983. - XI, 324 p. - Bibliogr.: p. 302-318.

Образы женщин в античности. Антология.

ИНИОН

Knibiehler Y., Fouquet C. La femme et les medecins: Analyse hist. - P.: Hachette, 1983. - 334 p.

Женщина и медицина. Оценка причин (социального, религиозного и иного характера), объясняющих тот факт, что вплоть до конца 19 в. профессия врача была сугубо мужской. Взгляды мыслителей и ученых медиков различных эпох на профессию врача у женщин. Антология.

ВГБИЛ

Kvinnliga författare: Kvinnornas lit. från antiken till våra dagar / Red.: S. Roxman. - Stockholm: Geber, 1983. - 500 s. - Bibliogr.: s. 459-468.

Женщины-писательницы: от античности до 20 в. Антология фрагментов из их сочинений с биографическими очерками и портретами.

ГБЛ; ВГБИЛ

Lefkowitz M.R., Fant M.B. Women in Greece and Rome. - Sarasota: Samuel-Stevens, 1977. - XI, 226 p.

Положение женщины в Древней Греции и Риме. Антология фрагментов из произведений античных авторов.

ГБЛ

No turning back: Writings from the women's liberation movement, 1975-1980. - L.: Women's press, 1981. - 266 p.

Женщина в современном обществе. Антология. 1975-1980 гг.

ИНИОН

Philosophy and women / Ed. by Bishop S., Weinzwieg M. - Belmont: Wadsworth, 1979. - XI, 270 p. - Bibliogr.: p.266-270.

Женщина: философские исследования. Антология классических и современных авторов.

ИНИОН

Philosophy of woman: Clas. to current concepts / Ed. by Mahowald M.B. - Indianapolis: Hackett, 1978. - 360 p.

Проблема женщины в классической и современной философии. Хрестоматия.

ИНИОН

Reweaving the web of life: Feminism a. nonviolence / Ed. by Mcallister P. - Philadelphia: New soc. publ., 1982. - VIII, 440 p. - Bibliogr.: p. 428-433.

Положение женщин и женское движение. Сборник высказываний, стихотворений в 70-80-х годах 20 в.

ГБЛ

Sein ist das Weib, Denken der Mann: Ansichten u. Äusserungen für u. wider die gelehrten Frauen / Gesamm. von R.Feyl. 2. Aufl. - B.: Union, 1985. - 140 S.

Мужчины о женщинах. Высказывания выдающихся представителей немецкой литературы, искусства, культуры и науки 15-19 вв. о женщине и женском образовании. Антология.

ГБЛ; ВГБИЛ

Sex roles: rights a. values in conflict / Ed. by Burr J. - N.Y.: Facts on file, 1979. - 216 p.

Специфика социальных ролей мужчины и женщины, проявляющихся в особенностях трудовой деятельности в брачно-семейных отношениях. Подборка обзоров, статей, заметок, опубликованных в периодике США и Канады в 1975-1979 гг.

ВГБИЛ

Stewart G. A new mythos: The novel of the artist as heroine, 1877-1977. - 2ed. - Montréal: Eden, 1981. - 200 p. - Bibliogr.: p. 195-200.

Женщина - творческая личность как центральный образ произведений, написанных женщинами, и связанные с этим образом мифотворческие тенденции. Исследование и антология фрагментов из англоязычных канадских, американских, английских романов 1877-1977 гг.

ВГБИЛ

Women in Latin American history / Ed. by Nahner J.E. - Los Angeles, 1980. - X, 186 p. - Bibliogr.: p. 177-186. Положение женщины в Латинской Америке в 19-20 вв. Антология.

ГБЛ; ИНИОН

Women, literature, criticism / Ed. by Garvin H.R. - Lewisburg; L.: Assoc. univ. press, 1978. - 178 p.

Антология произведений из мировой критической литературы о социальной роли женщин, о женских образах в художественных произведениях, о творчестве женщин-писателей.

ВГБИЛ

Women's studies / Ed. by Blumhagen K., Johnson W.D. - Westport; L.: Greenwood, 1978. - XI, 142 p. - Bibliogr.: p. 121-134.

Женщина: междисциплинарные исследования. Хрестоматия.

ИНИОН

Т.С.Лаврова

Серия: Социология. РС "Феминизм: перспективы социального знания". 1992, 10,0 уч. изд. л., издание открытое, платное. Совместно с Институтом философии АН СССР.

Сборник содержит обзоры и рефераты зарубежных исследований различных течений современного феминизма, переоценивающих классические теории в социальных науках и переосмысливающих о позиций эгалитаризма и социального партнерства полов ряд социальных феноменов. Речь идет о формировании новой, свободной от сексизма (дискриминации по признаку пола) социальной и философской науки. Процесс интеграции науки и феминизма, развитие новых исследовательских стратегий в изучении человека - явление чрезвычайно интересное и вместе с тем малоизвестное советскому читателю.

Данный сборник посвящен разнообразным новым идеям и направлениям, возникающим на стыке исследовательских усилий науки и феминизма.

Лаборатория социологии

Серия: Социология. АО "Социологические теории национализма", 1991, 2 уч. изд. л., издание открытое, платное.

В обзоре рассматриваются социальные причины национализма в XX в., особенно в развитых капиталистических странах. На материале зарубежной литературы 80-х годов анализируются социологические концепции национализма в связи с теорией модернизации, проблемой социального порядка, социальных изменений. Прослеживается формирование социологии национализма.

Лаборатория социологии